

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ им. РУДАКИ

Д. КАРАМШОЕВ

КАТЕГОРИЯ РОДА
В ПАМИРСКИХ
ЯЗЫКАХ

(шугнано-рушанская группа)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДОНИШ»
ДУШАНБЕ — 1978

и

В монографии анализируется весьма актуальная и интересная проблема грамматики — категория рода в памирских языках. Это первый опыт сравнительного изучения морфологического выражения рода во всех языках и диалектах шугнано-рушанской группы. В работе привлекаются данные и других памирских языков (язгулемского, мунджанского). Исследование ведется на синхронном уровне, однако для установления закономерного развития родовых форм привлекаются и данные диахронического порядка. При описании различающихся род глаголов предпринята попытка на более широком и сравнительном фоне установить особую связь категории рода с категорией переходности/непереходности.

Книга рассчитана на широкий круг лингвистов—индоевропеистов и в первую очередь иранистов и таджиковедов.

Ответственные редакторы —
В. А. ЛИВШИЦ,
И. М. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ

263050

К 70103—006
M502—78 Без объявл.

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДОНИШ», 1978 г.

491.59
K14K

ВВЕДЕНИЕ

§ I. Категория грамматического рода, присущая древнеиранским (авестийскому, древнеперсидскому) и некоторым среднеиранским языкам (хатаносакскому, согдийскому, хорезмийскому), упрачена в большинстве современных языков и диалектов иранской группы, как в западной (таджикский, персидский, белуджский, талымский), так и в восточной ее ветви (осетинский, ягибский), в некоторых памирских: ишкашимский, ваханский, сарыкольский), но представлена в курдских и южных татских диалектах, в афганском (пашто), а из памирских — в мунджанском, язгулямском и во всех языках шугнано-рушанской группы, за исключением сарыкольского, а именно: в собственно шугнанском языке и его баджувском диалекте, в рушанском и его хуфском диалекте, в бартангском и роморском (ороморском) языках.

Изучение категории рода в памирских языках позволяет проследить перестройку родовых форм и средств выражения родовых различий, унаследованных от древности, и их взаимодействие с формами и средствами, возникшими позднее на собственно памирской почве. Анализ категории рода, ее выражение и функционирование в памирских языках вскрывает такие существенные и для компаративистики и для типологических исследований факты, как полная утрата родовых различий в одних языках (ваханский, ишкашимский, сарыкольский), сохранение форм рода в других лишь в качестве реликтов — только в косвенных формах указательных местоимений ед.ч. и в некоторых группах имен (язгулямский, йидга) и, наконец, в третьих — сохранение родовых противопоставлений в именах, местоимениях, глагольных основах прошедшего времени и перфекта (мунджанский, языки и диалекты шугнано-рушанской группы), причем грамматическая структура всех этих языков характеризуется наличием многих общих черт (особенно показательна в этом плане полная утрата категории рода в сарыкольском, принадлежащем к той же шугнано-рушанской группе, и ослабление ее в йидга — диалекте, близком к мунджан-

скому языку).

Мундханский язык выделяется среди других памирских наиболее развитой морфологической системой выражения рассматриваемой категории – род в нем выражается в окончаниях существительных, прилагательных и причастий (Зарубин, 1927, 122–126; Грюнберг, 1972, §§ 14–15, 17, 19–21, 31, 98–99, 103; Соколова, 1973, §§ 173–180; Ефимов, 1975, 67–72). Форма мужского рода в мундханском имеет, как правило, окончание на согласный (чаще, однако, в составе сочетания -*ey*) или на гласный о: *mīk* 'день', *rūg* 'сын', *yārəy* 'мука', *mīro* 'солнце', *xšīgo* 'молоко', *nəgawey* 'черный', *nuóstey* – причастие муж. рода от *nīk* : *nuost-* 'садиться'. Имена женского рода имеют окончания -а (-*e*), -я (-*ə*): *xórga* 'летовка', *friýa* 'блоха' (ср. *m. fíreýz* 'блоха'), *nəgawya* 'черная', *nyastəya* – причастие жен. рода от *nīk* : *nuost-* 'садиться'.

Большую продуктивность морфологического различия рода в мундханском языке по сравнению с языками шугнано-рушанской группы можно проиллюстрировать следующим списком, в котором приводятся слова (как исконные, так и заимствованные), общие для лексики этих языков, но отличающиеся в языках шугнано-рушанской группы отсутствием противопоставления по роду.

Мундханский

муж. род	жен. род	Шугнано-руман-ская группа (примеры при-водятся из шугнанского)
<i>liw</i> 'дурной'	<i>liwa</i> 'дурная'	<i>ðew(in)</i>
<i>lera</i> 'далекий'	<i>leráya</i> 'далекая'	<i>ðar</i>
<i>odam</i> 'человек'	<i>odáma</i> 'человек (жен-щина)'	<i>ðdam</i>
<i>ošiq</i> 'влюбленный'	<i>ošíqa</i> 'влюбленная'	<i>ošiq</i>
<i>savz</i> 'зеленый'	<i>sávza</i> 'зеленая'	<i>sávz</i>
<i>xoli</i> 'пустой'	<i>xolíya</i> 'пустая'	<i>xoli</i>
<i>vřeri</i> 'племянник'	<i>vřeríye</i> 'племянница'	<i>xér</i> 'племян-ник', 'племян-ница'

werey 'ягненок-самец' wérye, 'ягненок-самка' wārə
yōyī 'дикий' yōyīça 'дикая' yōyī

Число таких примеров можно легко увеличить.

В близкородственном мундханском диалекте Иидга, по свидетельству Г. Моргенштерне, можно говорить лишь об остатках родовых форм в некоторых разрядах слов (Моргенштерне, 1938, 121).

В язгулямском языке реликты родовых различий обнаруживаются, как уже было отмечено, в косвенных формах указательных местоимений 3 л. ед.ч. (муж. *way*, дат. *daу*, жен. *im*, *dim*), а также в ограниченном числе имен и в некоторых словообразовательных моделях (Эдельман, 1966, 39; Соколова, 1967, 109–110).

Категория рода в языках и диалектах шугнано-рушанской группы занимает особое место как с точки зрения средств выражения родовых различий, так и, особенно, грамматических и лексических значений родовых форм. Анализу комплекса проблем, связанных с грамматическим рядом в шугнано-рушанской группе, и посвящается данное исследование. Поскольку проявление категории рода в язгулямском языке, исторически родственном языкам шугнано-рушанской группы, а также в мундханском имеет иной характер, материалы этих языков используются лишь в единичных случаях. Сарыкольский язык, принадлежащий к шугнано-рушанской группе, полностью утратил категорию рода, а потому сарыкольские материалы привлекаются в работе, как правило, только в тех случаях, когда сравнительный или этимологический анализ вскрывает наличие в сарыкольском реликтах прежних родовых формантов.

§ 2. Содержание терминов "язык", "диалект", "говор", "подговор", как известно, в общем и сравнительно-историческом языкоznании не идентично. Исследователи памирских бесписьменных языков, ссылаясь, во-первых, на условность этих терминов и, во-вторых, на отсутствие в самой шугнано-рушанской группе литературного языка (в роли последнего на Памире давно уже выступает таджикский, относящийся к другой – западноиранской ветви), не выделяют каких-либо критериев при

обозначении языковых разновидностей. Поэтому в памироведческой литературе мы встречаем обозначения "языки", или "диалекты", или, наконец, "языки-диалекты" шугнано-рушанской группы наряду с "шугнано-рушанская (языковая) группа" и т.п. (Соколова, 1953; 1963; 1967; Пахалина, 1969).

В настоящее время, когда осуществлено синхронное описание фонетики и грамматики всех памирских языков, в том числе и шугнано-рушанской группы, и уточнены основные контуры их диалектологических взаимоотношений (Соколова, 1963, 71-80; Карамшоев, 1970, 71-80), можно попытаться более четко разграничить термины "язык", "диалект", "говор" и "подговор" применительно к этой группе.

Нам представляется, что в плане диахронии и в общей схеме классификации памирских языков употребление термина "диалект" для обозначения каждой языковой разновидности (шугнанской, рушанской, бартангской, роморвской, сарыкольской) не должно вызывать споров, учитывая, что происхождение этих языковых разновидностей из реконструируемого общешугнанского можно считать установленным (Соколова, 1967, 124). Скрешенный термин "язык-диалект" кажется нам неудачным.

При анализе современного состояния шугнано-рушанской группы и определении диалектологических взаимоотношений ее языков целесообразно учитывать, по крайней мере, следующие критерии:

- а) степень взаимопонимания носителей отдельных языков и диалектов;
- б) социальная и территориальная значимость каждого данного языка или диалекта;
- в) взаимоотношение и взаимовлияние рассматриваемых языков и диалектов;
- г) осознание принадлежности говорящего к данному языковому коллективу.

Исходя из этих критериев, можно предложить такие обозначения: шугнанский язык с диалектами баджувским и шахдаринским (в последнем выделяется барвозский говор); бартангский язык с басидским говором; роморвский язык; рушанский язык с хуфским диалектом; сарыкольский

язык (в последнем имеются говорные различия).¹ Следует иметь в виду, что поскольку о диалектном и говорном членении шугнанского и рушанского языков на территории Афганского Бадахшана точных сведений нет, приведенные выше определения относятся лишь к языкам и диалектам, бытующим на территории Советского Бадахшана.

О взаимоотношениях этих языков и диалектов заметим следующее. Близость между языками шугнано-рушанской группы такова, что взаимопонимание их носителей достигается легко, однако степень взаимопонимания не одинакова.² Так, сарыкольский язык, территориально оторванный от остальных языков рассматриваемой группы и обладающий специфическими особенностями как в области фонетики (отсутствие противопоставления гласных по долготе и краткости), так и в грамматической структуре (elimинирование категории рода) и в лексике (обилие уйгурских заимствованных), менее понятен для шугнанцев, чем рушанский или бартангский. Рушанский, хуфский, бартангский и роморвский языки имеют ряд общих черт, отсутствующих в шугнанском, но эти отличия менее значительны сравнительно с сарыкольским.

При оценке взаимоотношения и взаимовлияния памирских языков вообще, шугнано-рушанской группы в особенности, следует учитывать, что наибольшие по численности носителей и территории распространения языки оказывают интенсивное влияние на близкородственные "меньшие языки".²

¹ Диалектологические характеристики языков и диалектов шугнано-рушанской группы можно найти в работах: Зарубин, 1930; 1937; Соколова, 1953, 121-139; 1963, 71-80; 1966, 326-397; Пахалина, 1966, 3; 1969, 12-49; Карамшоев, 1963, 262-285; 1970, 71-80; Карамхудоев, 1973, 281-285.

² Примерная численность носителей языков приводится у В.С.Соколовой (Соколова, 1953, 84; 1966, 362); см. также Дьяков, 1931; Оранский, 1960, 336.

шугнанский язык выделяется своим положением не только по отношению к языкам рассматриваемой группы, но также и к другим языкам Памира. Хотя литературным языком и *lingua franca* для всех памироязычных народов Бадахшана с давних времен (вероятно, с XI-XII вв.) является таджикский,³ шугнанский до сих пор сохраняет авторитет главного памирского языка в повседневном общении. Шугнанским владеют многие ваханцы, ишакшимы и язгулямцы (Додыхудоев, 1975, 12). Стремление к овладению шугнанской "нормой" особенно заметно у носителей других близких языковых разновидностей рассматриваемой группы (шахдаринцев, баджуцев, хуфцев, рушанцев, бартангцев, роморцев). Подобное стремление объясняется еще тем, что административным центром области является расположенный в центре Шугнана г. Хорог, где работают и учатся носители всех языков Советского Памира. Влияние шугнанской нормы особенно ощущимо в шахдаринском и баджуевском диалектах; можно заметить, что признаки, отличающие эти диалекты от собственно шугнанского, у молодых шахдаринцев и баджуцев выражены менее четко, чем у старшего поколения, что, очевидно, свидетельствует о тенденции к поглощению этих меньшинских диалектов шугнанским.

Сходное влияние оказывает рушанский на хуфский диалект. Менее ощущимо воздействие рушанского на языки бартангский и ромореский, близкий и по территории, и по структуре; на ромореский воздействует также и шугнанский.

³ Таджикскому языку и таджикским говорам Бадахшана и их взаимодействию с памирскими языками посвящен ряд работ А.З.Розенфельд (Розенфельд, 1956; 1963; 1971). О влиянии таджикского языка в области фольклора и литературы см. Карамшев, 1974; Шакармамадов, 1975; Пулоди, 1954; 1964; Абиров, 1971; 1972; Болдиев, 1948; 1976; Искандаров, 1973; Шанбезоде, 1958.

Все это способствует проникновению и распространению черт, присущих "большим" языкам, в сферу "маленьких", что частично можно видеть и в области проявления категории рода.

§ 3. В работах, посвященных исследованию грамматического строя языков шугнано-рушанской группы, были высказаны различные, порою противоречивые точки зрения относительно характера проявления, способов выражения категории рода и ее места в структуре рассматриваемых языков. Это объясняется, очевидно, не только недостаточной изученностью категории рода, но и различными подходами к анализу языковых данных.

Суждения авторов о категории рода базируются, как правило, на анализе материалов какого-либо одного языка. Однако поскольку языки шугнано-рушанской группы (кроме сарыкольского) обнаруживают значительную близость в средствах выражения грамматического рода, высказанные выводы переносятся и на всю группу в целом. Наиболее отчетливо вырисовываются следующие две точки зрения:

1. Категория рода в рассматриваемой группе считается реликтом. Такое мнение было высказано при исследовании грамматического строя бартангского языка: "Категория рода в описываемом языке в определенном смысле слова представляет собой реликтовое явление" (Карамшев, 1973, 60). Сходное заключение находим в очень интересном по замыслу сводном труде по типологии иранских языков, причем здесь этот вывод распространен на всю шугнано-рушанскую группу: "...вrudиментарном виде грамматический род прослеживается в ... языках шугнано-рушанской группы" (Ефимов, 1975, 7).

2. Категория рода в языках шугнано-рушанской группы рассматривается как одна из важнейших в грамматической структуре этих языков, обладающая сложным набором средств выражения, неоднородных по своему характеру и месту в системе рассматриваемых языков, связанная со всеми основными уровнями языковой структуры (фонологической, морфологической, синтаксической и лексико-семантической). Эта категория отнюдь не обнаруживает на данном этапе признаков отмирания,

она не является реликтом, а напротив, продолжает выявляться во всех основных классах слов. С точки зрения истории языка, категория рода в шугнано-рушанской группе выступает как сочетающая признаки, унаследованные от глубокой древности, с несомненными новообразованиями, что также указывает на жизнеспособность рассматриваемой категории. Особого внимания в этом плане заслуживают такие факты, как родовая относительность заимствованной лексики (таджикской, арабской, тюркской, русской), родовая дифференциация звукоподражательных (и, шире, изобразительных) слов; выражение рода продуктивными словообразовательными моделями. Все это, как нам представляется, неоднозначно свидетельствует о многоспектральном проявлении категории рода и одновременно указывает на ее "живучесть" в современных языках и диалектах шугнано-рушанской группы. Такая точка зрения принята и автором настоящей работы. Некоторые положения этой концепции были высказаны В.С.Соколовой: "На месте утраченных морфологических средств языки шугнанской группы развили синтаксические способы выражения рода имени... Актуальность рода в шугнанской группе поддерживается развивающимся в ней особым грамматическим значением, связанным с выражением общего и отдельного" (Соколова, 1973, 184).

Исследование категории рода в шугнано-рушанской группе связано с историей изучения языков и диалектов рассматриваемой группы в целом.⁴ Мы остановимся прежде всего на тех работах, которые непосредственно затрагивают категорию рода.

Первые упоминания о наличии категории рода содержатся у Р.Шоу (Шоу, 1877), К.Г.Залемана (Залеман, 1895) и В.Гейгера

⁴ История изучения памирских языков, в частности, и языков шугнано-рушанской группы достаточно хорошо освещена в работах советских иранистов: Соколова, Грюберг, 1962, 118-132; Додыхудоев, 1962, 2-13; Эдельман, 1964, 128-133; Растрогуева, 1967, 171-190; Пахалина, 1969, 13-16; Оранский, 1974, 174-186; Эдельман, 1976; Карамшоев, 1975; 1977, 126-133.

(Гейгер, 1898). Более подробные сведения можно найти в трудах И.И.Зарубина по рошорскому (роморскому) и бартангскому языкам (Зарубин, 1930; 1937).

В 1939 г. появляется работа Л.А.Хетагурова "Категория рода в иранских языках" (Хетагуров, 1939). В этой работе раздел, посвященный анализу категории рода в языках шугнано-рушанской группы, весьма краток (стр. 69-73, 81) и основан на ранее опубликованных материалах В.Гейгера по шугнанскому языку (с большими неточностями в записях слов), И.И.Зарубина по рошорскому; привлечены и собственные записи автора (информация, полученная от шугнанцев, учившихся в Ленинграде в 30-х годах). Материалами по другим языкам и диалектам исследователь не располагал. Следует отметить, что в материалах, использованных Л.А.Хетагуровым, нередки ошибки в определении рода рассматриваемых им слов и словоформ.⁵ При анализе родовой принадлежности неодумевленных существительных автор приходит к следующему выводу: "В шугнанском языке особо должны быть отмечены случаи, когда то или иное понятие может быть относимо и к мужскому и к женскому роду в зависимости от своей принадлежности к объекту (м.) или объекту (ж.). Так, если говорится, например, о глазе мужчины, то "глаз" в этой своей конкретно выраженной принадлежности также необходимо относить к муж. роду, напротив, если речь идет о глазе женщины, то в данном случае "глаз" относится к женскому роду" (Хетагуров, 1939, 81). Далее приводятся четыре фразовых примера типа *wę ḡūl̥j darōz vud* 'его волосы длинные были' (м.); *wam ḡūl̥j darōz vad* 'ее волосы длинные были' (ж.), а в заключение дается перечень 19 слов, которые, по мнению автора, "подобно предыдущим, в зависимости от своей принадлежности, будут относимы то к (м.), то к (ж.)" (Хетагуров, 1939, 81).

Отметим, однако, что родовая закрепленность всех без исключения имен вовсе не зависит от их принадлежности к объ-

⁵ Эти ошибки связаны, вероятно, с некритическим отношением к определениям, которые давали информаторы.

екту муж. или жен. рода; *γūn̩j* ' волосы' (муж.р.) во второй фразе (как и в первой) выступает в форме муж. рода: *wāsh γūn̩j darōz vud* 'ее волосы длинные были' (пример с глаголом жен.р. *vad* у Л.А.Хетагурова следует считать ошибкой). В подобных же исправлениях нуждаются и примеры муж.р. для *wiz* 'ноша' (следует *wiz*), *bendōn* 'зуб' (читай *bindun*), *sēm* 'глаз'; так, вместо *wam wiz lap wazmin vad* должно быть *wam wiz lap wazmin vud* 'у нее ноша тяжелая была' и т.д.

Работа Л.А.Хетагурова была первым опытом анализа категории рода в шугнано-рушанской группе, сделанным к тому же на фоне истории этой категории в иранских языках в целом.

§ 4. Для изучения категории рода в памирских языках очень важна лексикографическая фиксация родовой принадлежности слов и форм – как изменяющихся по роду (имен, глагольных основ и некоторых других разрядов слов типа: *kut* 'короткий', жен. *kat* 'короткая', *sut* 'ушел', жен. *sat* 'ушла'), так и обладающих определенным родовым значением существительных (ш.-бдх. *še*, р.-х., б.-ршв. *še* жен. 'день'; ш.-бдх., б.-ршв. *borg*, р.-х. *bök* муж. 'палка', 'бревно' и т.д.).

Следует отметить, что определение рода неодушевленных имен в имеющихся лексикографических работах не может быть признано удовлетворительным. Малоизученность лексики, отсутствие полных словарей с необходимой для определения категории рода достоверной фразеологией, а также сложность самого проявления категории рода и ее неразработанность на уровне монографического описания затрудняют решение этой проблемы. Фиксация категории рода неодушевленных имен в опубликованных словарях носит непоследовательный характер и содержит ошибки в определении родовой принадлежности слов.

Среди опубликованных за последнее время лексикографических трудов наиболее важна работа И.И.Зарубина "Шугнанские тексты и словарь" (Зарубин, 1960). "Словарь" (стр. 85–288) представляет собой наиболее полное (из изданных до сих пор) собрание шугнанской лексики с соответствующей лексикографической интерпретацией формы, значения и грамматической ха-

рактеристики каждого слова. Наряду с изменяющимися по роду в словаре снабжены пометами муж. и жен. также и неодушевленные имена. Однако указание на категорию рода существительных в данном словаре в ряде случаев либо не соблюдается, либо же не соответствует действительности. Чтобы убедиться в невыдержанности принципа лексикографической интерпретации категории рода, возьмем в качестве примера слова на букву "Т". Здесь родовая принадлежность многих имен установлена точно и не вызывает сомнений.

- taq(q)ānak* x. 'пестрый дятел'⁶
- tilifun* x. (нов.) 'телефон'
- tūti* x. 'понугай'
- tundur* m. 'гром'.

Однако значительная часть имен оставлена без указания их родовой принадлежности. Так, следующие имена, хотя и относятся к женскому роду, но приводятся без пометы x.:

- tāyōr* 'деревянные сосуд, посудина, кувшин'
- talxā* 'хельч', 'горечь'
- tambun* 'штаны'
- tavār* 'топор'
- tāk I* 'завязка (на халате)'
- tāk II* 'силок', 'западня для птиц'
- tānījak* 'наук'
- tēt* 'бритва'
- tilig, talig* 'потник'
- tirāng* 'подпруга'
- tīvdak* 'мелкая муха'
- tōrk(ak)* 'тесло'
- tōsč* 'деревянное блюдо', 'чашка'
- tōqi* 'тибетейка'

⁶ Это слово (очевидно, звукоподражательного характера) с тем же родом употребляется и в значении 'мелкокалиберная винтовка' (ш. *dam xu taqānak mi-rd dāk* 'дай мне эту свою мелкокалиберку').

tukma 'пуговица'

и ряд других.

Сходным образом многие имена муж. рода зафиксированы в словаре без пометы м.; например:

tafax 'пар', 'туман'

tamōki 'табак'

tanukā, tanukčā 'хестъ'

tarbuz *'apbuz'*

taxta 'доска', 'плита'

tayōq 'палка'

tēr-misfār 'подсолнечник'

tufč 'слюна'

tult 'тряпка', 'лоскут'

М Т Д

Встречаются и случаи ошибочного определения категории рода. Так, имя жен.р. *tōbistum* 'лето' снабжено пометой м., в то же время другие имена, обозначающие времена года и относящиеся также к жен. роду, приведены без указания рода: *ti-gatō* 'осень', *bi(h)öt* 'весна', *zimistum* 'зима'.

Связанное с родом явление омонимии и синонимии в словах
осталось совсем неотраженным. Так, приведены: *tāx* к. 'гора', 'скала'; *tōr* 'нить', 'волос', 'струна', 'тетива', 'основа (ткани)'. На самом же деле *tāx* I) 'гора', 'скала' (как и его синоним *kū* 'гора') - муж.р.; *tāx* 2) 'камень' (как и его синоним *žir* 'камень') - жен. р., ср. ш. *yā wičič wam* *tāx-tir* nōst 'пташка села на тот (жен.р.) камень'; *tōr*. I) 'нить', 'струна', 'основа' - муж.р. (*tōr* *zidučt* 'нить оборвалась' - жен. *zidačt*); *tōr* 2) 'тар' (музыкальный инструмент) - жен.р., ср. ш. *dam tōr mu-rd dāk* 'дай мне тот (жен.р.) тар!'.

В работе А.К.Писарчик "Русанские тексты" (раздел "Словарь-словник", стр. 55-88) в подавляющем большинстве случаев категория рода имен установлена точно (Писарчик, 1954). Автор стремился к сплошному указанию родовой принадлежности имен — не только для жен.р. (как это мы находим в ряде памироведческих работ, — см., например, Соколова 1959; 1960), но также и

муж. (например: *xaχrā* f. 'поклебка из гороховой и просаиной муки', *biyabon* m. 'пустыня', *biy* m. 'дед'). При этом обозначены соответствующими пометами и имена лиц, не имеющих родо-различаемых формантов, но по лексико-семантическим признакам относящихся к мужскому или женскому роду: *amrō* m. f. 'спутник', *amzbū* m. f. 'сосед', 'соседка', *kür* m. f. 'слепой', *xēr* m. f. 'племянник', 'племянница' и т.д.

Однако из-за небольшого объема материала и соответственно ограниченности фразеологического фонда при определении рода некоторых существительных допущены неточности. Для ряда имен род вовсе не указан: *garð* 'перепелка', *sifc* 'бусинка', *ħas* 'вода', *tasmá* 'ремень', *tírang* 'подпруга' (эти имена относятся к жен. роду); *dárð* 'болезнь', *sívd* 'плечо' (муж.р.). Следующие имена жен. рода ошибочно отнесены к муж.р.: *tambón* 'штаны', *tuvrá* 'торба', 'дорожный мешок', *aħaq* 'шиповник', *mák* 'шерсть', *garðən* 'шерсть'.⁷ Напротив, ряд существительных муж. рода ошибочно отнесены к жен. роду (*cíl* 'женское покрывало', *kátf* 'туфли кожаные').⁸

Заемствованное *dal* (тадж. *dil*) 'сердце' отнесено к муж. р. (Писарчик, 1954, 61), а собственно руманский его эквивалент *zōrb* 'сердце' приведен без обозначения рода (Писарчик, 1954, 88). Отметим, что *zōrb* во всех языках группы при упо-

7 Эти слова в работе В.С.Соколовой отнесены к жен. р. (см. Соколова, 1959, соответствующие словарные статьи). Проведенная нами синтаксическая проверка этих имен подтверждает их принадлежность к жен.р. не только в рушанском, но также и в шугнанском, балжувском и хуфском; ср.р. dum tuvra mu-rič dák, ш. dam tuvra mu-rd dák 'дай мне эту торбу'; р. yá wišič um akár-ti nást, ш. yá wišič wam žárti nóst 'птичка села на тот шиповник' (р. dum, um, ш. dam, wam - косвенные формы указательных местоимений жен. рода).

⁸ Правильно отражен ряд этих имен у В.С.Соколовой (Соколова, 1959).

треблений его в анатомическом смысле относится к жен.р. (р. *um xo̊j zōrg-i kud xūg*, ш. *wam xi̊j zōrg-i kud xūd* 'собака съела сердце быка'), тогда как *zōrg* в значении 'душа' и других абстрагированных значениях относится к муж. роду (р. *mi zōrg* *az tā viruht*, ш. *mi zōrg as tu viruht* 'мое сердце охладело к тебе').

Более точную характеристику родовой отнесенности неодушевленных имен мы находим в работах В.С.Соколовой по рушанскому языку и хуфскому диалекту (Соколова, 1959) и бартангскому языку (Соколова, 1960). Автор оставляет имена мужского рода без обозначения, что представляется вполне логичным; см., об этом в предисловии к разделу "Словарь": "... слова, не имеющие пометы, относятся к мужскому роду во всех случаях их употребления" (Соколова, 1959, 108). Точно так же не обозначается "грамматический род имен существительных, обозначающих человека, а также многих домашних животных, так как в таких случаях он либо ясен из значения слова (рис 'сын', *ri-zēn* 'дочь', *xo̊j* 'бык', *žōw* 'корова'), либо он меняется (в словах, обозначающих человека) в зависимости от ситуационного применения слова: *way cauizgar qīw* 'позови того жнеда'; *um cauizgar qīw* 'позови ту жницу'" (Соколова, 1959, 108).

Что касается неодушевленных имен, а также названий животных, птиц, насекомых, относящихся к женскому роду, то все они снабжены пометой ж. Весьма ценным является вывод относительно грамматического содержания категории рода, сделанный впервые В.С.Соколовой при анализе материалов рушанского языка и хуфского диалекта: "женский род обозначает только единичное, общее (категориальное) и собирательное обозначается всегда мужским родом" (Соколова, 1959, 108).

Лексикографическая интерпретация категории рода бартангского языка, отраженная в другой работе В.С.Соколовой, построена по описанному выше принципу (Соколова, 1960, 67-68).

Фиксация категории рода в этимологическом словаре норвежского ираниста Г.Моргенштерне (Моргенштерне, 1974) основывается, главным образом, на материалах, опублико-

ванных советскими памироведами. Допущенные ими при определении категории рода имен ошибки проникли и в "Словарь" Г.Моргенштерне. Так, существительное муж. рода *þip* 'борода' как у И.И.Зарубина, так и у Г.Моргенштерне отнесено к жен.роду; у В.С.Соколовой оно не имеет пометы, что означает его принадлежность к муж. роду (Зарубин, 1960, 118: *þip* ж. 'борода'; Соколова, 1959, 146: *þōn* 'борода'; Моргенштерне, 1974, 19: *þip* f. S, *þōn* ХВО 'beard' и т.д.).

Характер проявления категории рода в рассматриваемых языках и диалектах убеждает нас в том, что именно на лексикографическом уровне представляется возможным в максимальной степени при помощи соответствующих синтаксических конструкций определить родовую принадлежность имен и в первую очередь неодушевленных существительных. При составлении "Шугнанско-русского словаря"⁹ нами впервые была предпринята попытка на базе обширных материалов трех языковых разновидностей (существенно шугнанского и диалектов баджууского и шадаринского) установить родовую отнесенность всех без исключения имен существительных (наряду с фиксацией родовых форм прилагательных, глаголов, звукоподражательных слов, местоимений).¹⁰ Родовая принадлежность всех неодушевленных существительных в этом словаре обозначается регулярно, причем диалектные отличия по роду оговариваются (например: *zūn* м. 'колено'; *ye̊v* ж. 'рот'; *þay* ш. м., бдж. ж. 'сад'; *matib* ш. ж., бдж. м. 'сметана' и т.п.). Также отмечаются возможные колебания в роде: *rauip* м. (ж.) 'район' и т.п.

⁹ Д.Карамшев. Шугнанско-русский словарь, Научный редактор С.В.Хупенова, отв. редактор А.Л.Грюнберг (словарь утвержден к печати Институтом востоковедения АН СССР и в настоящее время находится в печати в Главной редакции восточной литературы изд-ва "Наука").

¹⁰ Методика лексикографической разработки категории рода изложена в предисловии к этому словарю.

Для ряда существительных, у которых женский род обозначает единичный предмет, а мужской имеет собирательное значение, за исходный принят женский род (*žig* ж. 'камень', *ilij*, *ot'ž. tšap* 'яблоко', 'яблоня' и т.д.).

В „Словаре“ впервые предпринята попытка последовательно обозначать особое лексическое содержание категории рода, ведущее к возникновению омонимов, а именно, если слово в одном значении принадлежит женскому роду, а в другом – мужскому, то это соответствующим образом отражается в словарных статьях, например: *sōat* I) ж. 'часы'; 2) м. 'время'; *dalyā* I) м. 'жареное толченное зерно'; 2) ж. 'название похлебки из муки грубого помола'; *dür* I) ж. 'мельничный ящик'; 2) м. 'брюхо', 'утроба' и т.д. При необходимости родовая принадлежность неодушевленных существительных доказывается соответствующими синтаксическими средствами (глаголами, указательными местоимениями, артиклями, прилагательными).

§ 5. Изучение категории рода в процессе описания грамматической системы языков шугано-руманской группы дало значительные результаты как в плане фиксации ранее неизвестных форм выражения рода, так и их интерпретации. Особо следует подчеркнуть надежность и достоверность материалов, собранных на местах распространения того или иного языка (диалекта) с применением фонологической транскрипции.

Баджувский диалект шуганского языка первым подвергся монографическому описанию (Карамшоев, 1963). Раздел, посвященный анализу категории рода, представляет собой в этой работе регистрацию всех дифференцированных по роду разрядов имен существительных и прилагательных (Карамшоев, 1963, 94–102, 104–106, 151, 156–160). Впервые было отмечено родоизменение в звукоподражательных словах, выступающих в предложении в функции обстоятельства, а также выражение рода при суффиксальном словообразовании и словосложении (Карамшоев, 1963, 95, 99–100, 105–106).

Выход, сделанный В. С. Соколовой на материале руманского языка и хуцкого диалекта относительно особого грамматиче-

ского значения категории рода, был подкреплен и данными баджувского диалекта.

Определение родовой принадлежности существительных велось на фоне анализа их семантики; родовые грамматические значения неодушевленных существительных проверялись на основе синтаксических конструкций, выявляющих родовую отнесенность имен. При описании и анализе рододифференцированных глаголов было установлено, что по роду могут изменяться только основы прошедшего времени и перфекта, имеющие непереходное значение (Карамшоев, 1963, 96–97, 164).

На материале руманского языка категория рода была проанализирована в работе М. Файзова (Файзов, 1966, 18–27, 34–36). Автор сумел ввести в научный обиход большое количество дифференцированных по роду существительных и прилагательных, ранее неизвестных или неправильно зафиксированных в научной литературе. Анализ материалов в этой работе ведется по той же схеме и почти в той же последовательности, что и при описании категории рода в баджувском диалекте, и отличается, главным образом, тем, что изменение по роду глагольных основ в руманском специально не рассматривается. При анализе выражения рода в существительных автор приходит к следующему заключению: "В самих существительных род может быть выражен характером гласного в основе. Для мужского рода характерны гласные *и*, *й*, *и*, *о*, для женского рода – гласные *а*, *ă*, *и*, *î*, *б*, *е*" (Файзов, 1966, 18). Далее дается перечень всех засвидетельствованных групп существительных (они общи для всех языков рассматриваемой группы) типа: *guj* 'козленок' – *gij* 'козочка', *bič* 'петух' – *čač* 'курица', *šog* 'теленок' – *šeč* 'теленок (самка)', *vurj* 'конь' – *vérz* 'кобыла'. На первый взгляд может показаться, что автор имеет в виду только эти и подобные дифференцированные по роду корреляты, и в таком случае приведенное выше рассуждение приемлемо, хотя и как показатель жен. рода сомнителен (указанные у М. Файзова примеры с *и* не могут считаться доказательствами, поскольку род различается в них согласным суффиксальным элементом, а не одним лишь *i*; ср. муж. р.: *virōdij* 'сводный брат', *pidij* // *pidiž* 'отчим').

- жен. *uaxīz* 'сводная сестра', *mōdīz* 'мачеха' и т.п.).

Приводимый М.Файзовым анализ имен, не связанных с различием пола, убеждает нас в том, что деление рушанских гласных на показатели муж. и жен. рода безоговорочно распространяется им и на недифференцированные по роду существительные. Это более четко сформулировано по отношению к заимствованным именам: "Слова, заимствованные из таджикского, русского и через них из других языков, используются по правилам, свойственным рушанскому языку: слова, имеющие в основе гласные *и*, *Ӧ*, *Ӯ*, *Ӱ*, относятся к мужскому роду, слова, имеющие в основе гласные *а*, *Ӑ*, *Ӗ*, *Ӗ*, относятся к женскому роду" (Файзов, 1966, 25). В данном распределении гласных отсутствует *i*, *Ӣ*, однако это, по-видимому, случайно, так как мы находим примеры типа: *šinīl* 'шинель' (жен.), *vilispēt* 'велосипед' (жен.), *kitōb* (жен.) 'книга'. Остается, однако, непонятным, как связывать с подобным делением гласных на родовые показатели муж. и жен. рода дву- и многосложные слова, имеющие в основе различные гласные; ср. приведенные автором примеры для жен. рода типа: *kilūb* 'клуб', *istūl* 'стул' (это слово ассоциируется с муж. родом), *kagōwūt* 'кровать', *pāstīn* 'шуба' (должно быть отнесено к муж. роду), *kōnstitūciya* 'конституция', *kıgrača* 'одеяло', 'матрац', *kastüm* 'костюм', *pāspurt* 'паспорт', *qōñip* 'закон' (Файзов, 1966, 25).

Явная противоречивость подобной родовой классификации имен существительных, как уже можно заметить по приведенным примерам, заключается в том, что корневые гласные, хотя и играют определенную роль в родовой закрепленности имен, не являются единственными показателями родоразличения и в исконных словах и, тем более, в заимствованных. Можно привести многочисленные примеры, показывающие, что указанная выше дистрибуция в рушанском (равно как и в других языках рассматриваемой группы) не имеет абсолютного характера; имена с корневыми *и*, *Ӧ*, *Ӯ*, *Ӱ* могут относиться и к жен. роду; ср. р.: *хыгы* 'ворона', *vurut* 'ива', *tūd* 'тутовое дерево', *kamzūl* 'камзол', *sümka* 'сумка', *nūs* 'абрикосовое дерево', *sūg* 'сказка', *qıl* 'озеро', *xož* 'теща', 'свекровь' и многие другие.

Напротив, имена муж. рода могут иметь в основе гласные *а*, *Ӑ*, *i*, *Ӣ*, *Ӗ* (характеризованные М.Файзовым как показатели жен. рода), причем некоторые имена с этими гласными и у самого М.Файзова зафиксированы для муж. рода; руш.: *qaba* 'мальчик', *wawn* 'баранья шерсть', *ðaws* 'коэзья шерсть', *raxta* 'хлопок', *taxta* 'доска', *sala* 'чалма', *nāb* 'тростник', *gar-* *ðənbənd* 'кашне', 'шарф', *yawj* 'муха', *pid* 'отец', *riðōnay* 'лоб', *ħicērn* 'локоть', *cıl* 'женский платок', *zimirc* 'мочалка', *wōk* 'сено', *rēx* 'местный сапог' и т.д.

Родовая принадлежность указанных выше имен определяется только синтаксически - при сочетании их с дифференциированными по роду прилагательными, глаголами, указательными местоимениями; ср. руш.: *kat sūg*, ш. *kat sug* 'короткая сказка' (*kat* жен. к *kut* 'короткий'), руш. *rašt xurn*, ш. *rošt xūrg* 'красная ворона' (руш. *rašt*, ш. *rošt* жен. к муж. руш. *rošt*, ш. *rūšt* 'красный'), руш. *yawj tis sut*, ш. *yōyj tis sut* 'муха рассыпалась' (*sut* муж. к жен. *sat* - основа прош. глагола *si-tōw* 'становиться', 'делаться', 'идти').

Таким образом, огласовка основы является не единственным, а нередко и не главным средством родоразличения в системе имен существительных. Лишь при учете внешних признаков (характер огласовки, для сложных имен - родовая принадлежность второго компонента) и лексического значения представляется возможным объяснить родовую принадлежность слова.

Категория рода в бартангском языке рассмотрена в монографии Н.Карамхудоева (Карамхудоев, 1973, 50-62, 141, 165-169). В структурном отношении раздел, посвященный выражению рода, мало отличается от аналогичных разделов двух упомянутых выше работ, но анализ материала проведен более глубоко. Так, в связи с разбором переходных и непереходных глаголов автор останавливается на выражении рода непереходными глаголами (Карамхудоев, 1973, 149-150).

Материалы рошорского (оршорского) языка впервые были введены в науку И.И.Зарубиным в 30-х годах (Зарубин, 1930), после чего в изучении грамматического строя этого языка наступил продолжительный перерыв вплоть до выхода в 1976 г. мо-

нографии Х.Курбанова. Описание категории рода в этой работе представляет большую научную ценность. Раздел о категории рода включает все разряды различающих род имен существительных и прилагательных, а также описание родовой перегласовки в глагольных основах прошедшего времени и перфекта (Курбанов, 1976, 57-58, 62-64). Кратко характеризуются также лексические и синтаксические способы выражения категории рода существительных (Курбанов, 1976, 59-60).

В 1974 г. Т.Бахтибековым была защищена кандидатская диссертация на тему "Грамматика шугнанского языка". Ознакомление с рукописью диссертации показало, что раздел о категории рода довольно лаконичен и может быть полезным, главным образом, примерами по шахдаринскому говору (Бахтибеков, 1974).

Синхронное описание грамматической системы хубского диалекта недавно осуществлено С.Мирзоудиновой (этой работой завершается монографическое исследование грамматического строя всех языков и диалектов шугнано-руманской группы). Судя по рукописи данной работы, автор при рассмотрении категории рода ограничивается в основном фиксацией рододифференцированных форм, во многом идентичных с руманскими.

У 6. В целом можно сделать вывод о том, что завершение монографического описания грамматической системы языков и диалектов шугнано-руманской группы способствовало накоплению большого количества надежных и достоверных материалов и изучению различных грамматических категорий, в том числе и рода. Тем самым была создана прочная основа для дальнейшей разработки вопросов грамматики языков шугнано-руманской группы. Первые обобщения в области сравнительного изучения вопросов фонетики, лексики, грамматики (в том числе и категории рода) уже сделаны В.С.Соколовой в связи с уточнением генетических отношений язгулямского, мунцжанского и языков шугнано-руманской группы (Соколова, 1967; 1973). Категория рода в этих монографиях характеризуется в общих чертах и, главным образом, в качестве доказательства относительно близкого родства сравниваемых автором языков (Соколова, 1967, 18, 109-110; 1973, 180-190).

Другим обобщением можно считать специальный раздел о категории рода в иранских языках, помещенный во втором томе труда "Опыт историко-типологического исследования иранских языков". Анализу категории рода в шугнано-руманской группе в этой работе отведено, однако, весьма незначительное место (Ефимов, 1975, 72-75, 110, 454-455).

§ 7. Настоящая работа является первым опытом сравнительного анализа категории рода в языках и диалектах шугнано-руманской группы.

Исследование рода в данной работе осуществляется в двух основных аспектах:

- а) анализ форм и средств выражения категории рода;
- б) анализ значения и содержания категории рода.

Анализ способов выражения категории рода включает:

- 1) исчерпывающую фиксацию всех дифференцированных по роду формантов и лексем;
- 2) исследование дифференцирующих род средств и моделей (родовые огласовки в основах имен, глаголов, звукоподражательных слов, различающие род первичные и отыменные суффиксы, родоизменяемые компоненты сложных имен существительных и прилагательных);
- 3) определение (при анализе выражения рода в глаголе) оппозиций родоразличаемых непереходных и переходных (каузативных) форм;
- 4) анализ лексико-семантических способов выражения рода;
- 5) выявление взаимоотношений сравниваемых языков и диалектов, установление черт общности и расхождений в выражении категории рода.

Исследование содержания категории рода преследует следующие цели II:

- I) анализ грамматических значений категории рода при выражении именами значений собирательности, обобщенности и конкретности (индивидуальности);

II Публикация этой части исследования предполагается в будущем.

2) анализ лексико-грамматического содержания категории рода у имен, имеющих синонимический и омонимический характер.

Другие частные задачи исследования формулируются в соответствующих разделах данной работы.

Исследование в целом ведется на синхронном уровне, однако в тех случаях, когда синхронное сопоставление не позволяет установить закономерности развития или соответствия родовых показателей между рассматриваемыми языками, привлекаются и данные диахронического анализа (для памирских - бесписьменных - языков такие данные нередко могут устанавливаться лишь на основе сравнительно-исторического изучения других иранских языков). С этой целью приводятся, в частности, таблицы с этимологическими данными. Этимология приводится, в основном, по работам В.С.Соколовой (1967) и Г.Моргенстерье (1974 - EVSh). Ссылки на литературу приводятся лишь в тех случаях, когда этимология слов спорна или заимствована из других источников. Авестийские и древне-персидские формы даются по словарю Хр.Бартоломе (Бартоломе, 1904) и работе Р.Кента (Кент, 1953).

§ 8. Источниками данного исследования служат:

1) опубликованные материалы, которые были охарактеризованы выше (§§ 3-5);

2) собранные автором (специально по разрабатываемой теме) новые материалы.

Относительно опубликованных материалов можно добавить еще следующее замечание: поскольку эти материалы собирались и публиковались с целью изучения общей системы того или иного языка или диалекта, то, естественно, многие специфические черты категории рода могли остаться вне поля зрения исследователей; к тому же при грамматическом описании языка или диалекта детальный анализ каждой категории, в том числе и грамматического рода, разумеется, не являлся задачей первостепенной важности. Поэтому с самого начала нами была поставлена задача - сверить опубликованные мате-

риалы в каждой данной языковой среде и собрать новые данные по каждому языку и диалекту на местах их распространения в районах Советского Памира, а по рошорвскому языку - также и в Вахшской долине, в Кумсангирском районе Таджикской ССР, куда переселились носители этого языка (как впрочем и некоторых других памирских языков в 50-х гг. нашего столетия).

В сборе материалов по рассматриваемым языкам и диалектам обнаруживается некоторая неравномерность, что объясняется степенью изученности их словарного состава и продолжительностью работы над языковыми данными. Так, по шугнанскому языку и его баджуvsкому диалекту сбор и сверка материалов с целью создания большого шугнанского словаря были начаты нами еще в 1960 г. и продолжались до 1975 г. По другим языкам (рушанскому, хуфскому, бартангскому, рошорвскому) сбор материалов проводился позднее - с 1970 по 1975 гг. В связи с этим шугнанские и баджуvsкие материалы используются в качестве исходных и опорных для сравнения. В тех случаях, когда шугнанский и баджуvский не обнаруживают различия рода, приводятся данные того языка или диалекта, где дифференциация по роду проявляется достаточно четко и последовательно.

§ 9. При дальнейшем изложении общие для всех языков и диалектов шугнано-рушанской группы формы отмечаются единой пометой ш.-р. гр., либо остаются без помет (т.е. так во всех языках и диалектах шугнано-рушанской группы, за исключением сарыкольского). В случаях расхождений между языками и диалектами приводятся соответствующие пометы, обозначающие язык или диалект (см. Список сокращений).

В давней работе используется общепринятая в иранистических работах транскрипция на основе латинского алфавита (так называемая "международная иранская транскрипция", - см. Эдельман, 1963а, 5). Ударение отмечается только в тех случаях, когда оно падает не на последний слог слова. Источники древнеиранских материалов указаны выше (§ 7). При

МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ РОДА

ссылках на литературу указывается только фамилия автора, год издания работы и страница или параграф (полное название источников приводится в конце работы).

Автор искренне признателен В. С. Соколовой за советы и консультации при разработке исследуемых вопросов, А. Л. Гронбергу, В. А. Лыжинцу, И. М. Стеблик-Каменскому,

Р. Х. Долыхудову, Х. Курбанову, Р. Гаффарову за ценные замечания по данной работе, а также А. В. Ященко, Р. Б. Потаповой за проделанную техническую работу при подготовке рукописи.

§ 10. В древнеиранских языках, как известно, основы слов выражали не только лексическое значение, но также несли и грамматическую нагрузку. Категория грамматического рода (муж., жен. и средн.) в древнеиранских языках выражалась, в основном, типом основ в самих именах. Так, существительные с исходным -a принадлежали мужскому и среднему роду и формально противопоставлялись женскому роду. Например, существительные мужского рода: ав., др.-п. *vara-* 'бог', ав., др.-п. *asra-* 'конь', 'лошадь', *zasta-*, др.-п. *dasta-* 'рука', ав. *yasna-* 'моление', 'жертвоприношение', ав. *riyga-*, др.-п. *riça-* 'сын'; существительные среднего рода ав. *vastra-* 'одежда', ав. *xšaθra-*, др.-п. *xšaça-* 'царство', др.-п. *vardana-* 'город' и т.д.

Существительные с исходом на -i, -i, -ī принадлежали женскому роду и в целом противопоставлялись именам мужского и среднего рода. Ср. существительные женского рода: ав. *savā-* 'польза', ав. *naēnā-*, др.-п. *hainā-* 'армия', др.-п. *frāmālā-* 'приказ', др.-п. *stūnā-* 'колонна', *tashā-* 'род', 'семья', *xšaθgī-* 'женщина', ав., др.-п. *būmī-* 'земля', *asi-* 'участь', 'доля', *āxsti-* 'мир', др.-п. *šiyati-* 'счастье', 'свобода' и т.д.

Однако "средний и новый периоды в истории иранских языков характеризуются явно выраженной тенденцией к постепенному переходу от многотипности словоизменения внутри системы каждой данной части речи к однотипности, от многовариантности грамматических форм к их стандартизации" (Расторгуева, 1975, 114). То же самое можно сказать о развитии и унификации рододифференцированных древних основ. Так, основообразующий суффикс существительных и прилагательных женского рода -a в процессе дальнейшего развития древне-

иранских языков ослабил свою родоразличительную способность, а суффикс мужского и среднего рода -а слился с падежными окончаниями и тем самым осуществилось "выравнивание именного словоизменения по типу древних классов основ на -а и на -ā, а на позднем этапе полная генерализация уже одного только а-склонения - это всеобщий процесс, так или иначе получивший отражение во всех иранских языках без исключения" (Расторгуева, 1975, 123).

Аналогичная участь постигла показатель женского рода -i (-ī): "Если в авестийском позиции имен на -ī как носители семантики женского рода весьма сильны, то в древне-персидском они ослабевают до минимума" (Ефимов, 1975, 37). В позднее время отдельные имена женского рода на -ī иногда встречаются уже в а-классе (типа ӯшмī- 'земля' наряду с ӯшмā-).

§ II. В языках и диалектах шугнано-рушанской группы историческая родовая дифференциация получила лишь частичное и опосредованное отражение через так называемый умлаут, т.е. чередование гласного основы под воздействием древних родовых окончаний.

В результате на почве старых окончаний женского рода в шугнано-рушанской группе соответственно возникли и утвердились корневые а-умлаутная и i-умлаутная родовые перегласовки.

Умлаутные перегласовки женского рода в целом противопоставляются историческим исходным гласным нейтрального положения *-a, *-i, которые были свойственны именам мужского рода. При этом процесс усвоения и утверждения родоизменяемых корневых перегласовок в сравниваемых языках не ограничивался одними только именными частями речи - сущес-

твительными и прилагательными. На базе исторических причастий на *-ta (муж.) и *-tā (жен.) модели родовой перегласовки распространились на непереходные глагольные формы прошедшего времени (основы прош. и перфекта). Проникновение родовой перегласовки в сферу звукоподражательных и изобразительных слов является, возможно, инновацией. В количественном отношении родовая перегласовка в согласуемых с существительными словах получила больше распространения, чем в самих существительных. В итоге получилась довольно интересная картина: хотя источником родовых огласовок первоначально были слова именного происхождения, в настоящее время в сравниваемых языках лишь очень небольшое количество существительных сохраняет родовую дифференциацию. Родоизменяемые модели имени в точности были усвоены не именными частями речи и получили в них более широкое распространение. С формальной точки зрения все рододифференцируемые части речи (имена, глагол, звукоподражательные слова) располагают идентичной и совпадающей структурой родовых перегласовок.

Выражение категории рода имени (в силу перечисленных выше причин) согласовательными частями речи - прилагательными, местоимениями, глагольными основами прошедшего времени и перфекта, звукоподражательными словами, в сущности является синтаксическим способом и поэтому его следовало бы рассматривать в разделе "Синтаксическое выражение категории рода", но поскольку морфологическая структура родовых моделей во всех частях речи (за исключением косвенных форм указательных местоимений) в основном совпадает, то представилось более целесообразным описать родовые изменения различных частей речи в данном разделе.

^I По определению В.С.Соколовой, нейтральное положение - это исход основы на согласный или на гласные *-a, *-i (Соколова, 1967, 25).

§ 12. Для языков и диалектов шугнано-рушанской группы синтаксические способы выражения категории рода являются наиболее универсальными и широко распространенными. Вместе с тем морфологический способ пока еще играет определенную роль в родовой дифференциации слов, а в ряде случаев наблюдается даже тенденция к развитию новых морфологических показателей для различения категории рода.

Данный раздел включает описание всех засвидетельствованных дифференцированных по роду слов. Разбор материалов проводится в основном на синхронном уровне. Диахронный анализ родоразличаемых единиц применяется не регулярно и предназначен, главным образом, для показа возникновения родовых формантов и установления особенностей развития самой категории рода.

Основы и форманты, различающие род (имена, глагол, указательные местоимения, суффиксы), рассматриваются как с формальной стороны (структурно), так и функционально. Наряду с этим при разборе родоразличаемых непереходных глаголов предпринята попытка специально и подробно осветить вопросы взаимосвязи и взаимобусловленности грамматических категорий рода и переходности/непереходности, а при рассмотрении структуры родоизменяемых непроизводных и отыменных суффиксов затрагиваются также вопросы их происхождения, развития и функции.

РОДОВАЯ ПЕРЕГЛАСОВКА В ИМЕНАХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

§ 13. Родовая перегласовка в ряде имен существительных и качественных прилагательных является одним из морфологических способов выражения категории рода. В существительных выражение рода с помощью чередования корневых гласных обнаруживается лишь в ограниченном количестве слов. Родовая перегласовка распространяется на некоторые одушевленные имена, благодаря чему одновременно различается род и пол соответствующих существительных (ш.-р. гр. *čuk* 'петух', *čak* 'курица' и т.д.).

30

Родовое чередование в самих существительных является, таким образом, не только грамматическим, но также и лексическим (словообразующим) средством. Что касается родовой перегласовки в прилагательных, то у них различие в роде носит грамматический характер (ср. муж. ш.-бж. *kut* тоб 'короткий посох' - жен. *kat* *sug* 'короткая сказка').

С формальной стороны родовая перегласовка в именах существительных и в прилагательных в подавляющем большинстве случаев имеет одинаковые модели и поэтому представляется целесообразным рассмотреть данный вопрос в одном разделе (см. также Карамшев, 1975, 24-40).

Существует четыре основных типа чередования гласных, применяемых для различия рода существительных и прилагательных.

§ 14. Первый тип: муж. и/жен. а. Все языки и диалекты шугнанской группы объединяются по перегласовке этого типа. Всего зарегистрировано девятнадцать пар с этим чередованием, из них шестнадцать представляют собой качественные прилагательные, остальные три - одушевленные существительные:

a) прилагательные

ш.-р. гр. муж. и	жен. а	
<i>gund</i>	<i>gand</i>	'тупой'
<i>gut</i>	<i>gat</i>	'онемевший', 'усталый'
<i>žimut</i>	<i>žimat</i>	'низкорослый'
<i>žurn</i>	<i>žarn</i>	'круглый'
<i>kur</i>	<i>kar</i>	'каринаухий'
<i>kurc</i>	<i>karc</i>	'глубокий'
<i>kut</i>	<i>kat</i>	'короткий'

ш.-бж. <i>mihč</i> , р.,	ш.-бж. <i>mahč</i> , р.-х.,	'карнаухий'
б.-ршв. <i>mihč</i>	б.-ршв. <i>mahč</i>	
<i>pulx</i>	<i>palx</i>	'с белым пятном на лбу'(о козе)
<i>tuχp</i>	<i>taχp</i>	'кислый'
ш. <i>zul</i>	<i>ʒal</i>	'маленький'
čuk	<i>čak</i>	'лежащий'
čung	<i>čang</i>	'согнутый'
šut	<i>šat</i>	'хромой'

б) существительные

bakul	'теленок'	bakal	'телка'
ршв. <i>wurj</i>	'волк'	warjan ²	'волчица'

С исторической точки зрения этот тип перегласовки отражает др.-ир. *и, *й в нейтральном положении и в положении а-умлаута.

Как видно из вышеприведенных примеров, расхождения между языками и диалектами в наличии слов с этим типом чередования в целом незначительны. В бартангском употребляется прилагательное *pulx*, ж. *palx* 'с белым пятном на лбу'(о козе), которого нет в других языках; прилагательное со значением 'маленький' в шугнанском, бартангском и рошорвском почти совпадает по форме (ш., б.-ршв. *zul*, ж. *ʒal*, б.-ршв. *zil*), однако в рушанском, хуфском и баджувском в этом значении употребляется слово *visik* 'маленький', ж. *bicik*. Причем при использовании *visik*, ж. *bicik* в качестве

² В других языках иная огласовка (см. ниже второй тип). В данном примере показательно то, что для рошорвского в отличие от остальных языков и диалектов шугнано-рушанской группы огласовка а, получившая широкое распространение в перфектных основах, становится более универсальной.

именного суффикса все языки и диалекты совпадают.

§ 15. Второй тип: муж. *u* (*ū*) / жен. *i*. Это чередование также характерно для всех языков и диалектов шугнано-рушанской группы. Зарегистрировано всего семь пар с этим типом перегласовки.

муж. <i>u</i> (<i>ū</i>) ³	жен. <i>i</i>
<i>bung</i>	'осленок'
<i>buc</i>	'детеныш-самец'
ш.-бж. <i>würj</i>	р.-х., б.- <i>wurj</i>
	'волк'
	ш.-бж., р.-х., б.
	<i>wirzin</i> 'волчица'
<i>guj</i>	'козленок'
<i>kud</i>	'пес'
<i>puš</i>	'кот'
бж., р.-х.	<i>visik</i> 'маленький'
	бж., р.-х. <i>bicik</i> 'маленькая'

Как видно из вышеприведенного списка, шесть пар представляют собой одушевленные существительные и лишь одна пара *visik*, ж. *bicik* относится к прилагательным. Отметим, однако, что и прилагательные *visik*, ж. *bicik* являются по своему происхождению одушевленными существительными (ср. рис 'сын', *buc* 'детеныш', подробнее см. в §§ 192-202).

Исторически это родовое чередование является отражением *и, *й в нейтральном положении и в положении i-умлаута.

§ 16. Третий тип. Этот тип характеризуется наличием пяти вариантов перегласовки. Вариантность здесь объясняется, главным образом, различным характером исторических соответствий в вокализме различных языков и диалек-

³ Здесь и далее в скобках указываются различные отклонения от основного типа соответствия.

тов, в результате чего специфически рушано-хуфскому краткому о и бартанго-рошорвскому долгому ő соответствует несколько шугнанских гласных.⁴

Рассмотрим каждый из пяти вышеуказанных вариантов перегласовки. Соответствия родового чередования по языкам следующие.

Первый вариант: муж. ш.-бдх. ī, р.-х. o, б.-ршв. ö / жен. ш.-р. гр. a, р.-х., б.-ршв. также ē (примеры здесь и далее приводятся в таблицах).

Как видно из приводимой ниже таблицы I, в рушанском и хуфском прилагательные šuvdi 'младший' и xaydi 'старший' в результате отпадения конечного -r утратили противоположение по роду.⁵ В рушанском, бартангском и рошорвском наблюдаются отдельные случаи параллельного использования а/é для женского рода (šal//šēl 'калека', 'сухорукая').

Таблица I

	Муж. род		Жен. род	Перевод
ш.-бдх. ī	р.-х. o	б.-ршв. ö	ш.-р.гр. ā(é)	
I	2	3	4	5
tərgil	tərgol	tōrgōl	ш.-бдх. tər-gāl, р.-х. tergal, б.-ршв. torgal	черного-головый
pik	pok	- ⁶	ш.-бдх., р.-х. pak	белый (о баране)

⁴ О различных соответствиях в вокализме языков и диалектов шугнано-рушанской группы см.: Соколова, 1953, 131-135; Муравьева, 1976, 125-132.

⁵ Отпадение исходного -r в рушанском и хуфском в последлогах и суффиксах в какой-то мере носит закономерный характер; ср. р.-х. -ti при ш.-бдх. -tīg, б.-ршв. -tor - последлог 'поверх' (ав. tare-); р.-х. -andi при ш. -andır, бдх. -indir, б.-ршв. -inder - последлог 'внутрь' (ав. antar-).

⁶ В бартангском и рошорвском не засвидетельствовано.

Продолжение табл. I

I	2	3	4	5
ш. fištir, бдх. fiš-dir	šuvdi	šafdōr	одж., ш. fiš-tar, fišdar, р.-х. šuvdi, б.-ршв. ſaf-dar	младший
xalij	xaloj	xaloj	ш.-р.гр. ха-laj, р. xalez	лучегла-зый
xidir	xaydi	xaydōr	ш.-бдх. xidär, р.-х. xaydi, б.-ршв. xay-dar	старший
xīj	xoj	xoj	xač	сладкий
cīč	cɔj	cɔj	cak	горький
šil, šul	šol	šol	ш. šal, бдх. sal, р.-х., б.-ршв. sal, šēl	калека
šipik	šipok	б. šipok, ршв. ca-pok	ш.-бдх., р.-х., б. šipak, ршв. čapak	плоский
ш. qimir, бдх. qamir	kamor	kamor	ш.-бдх. qa-mar, р.-х., б.-ршв. ka-mar	селобрю-хий

§ IV. Второй вариант: муж. ш.-бдх. ī, р.-х. o, б.-ршв. ö / жен. ш.-р. гр. ā (р.-х., б.-ршв. é). Это родовое чередование зафиксировано только в трех прилагательных в положении перед увулярным x и заднеязычным ī, где в шугнанском и баджувском в форме муж. рода представлена огласовка ī, а в остальных языках данный вариант идентичен первому. В форме жен. рода, как и в первом варианте, в рушанском, хуфском, бартангском и рошорвском наряду с ā параллельно допускается é (примеры см. в табл. 2).

При этом следует напомнить, что под влиянием увулярных и заднеязычных согласных в шугнанском и баджувском в отли-

Таблица 2

Муж. род			Жен. род	Перевод
ш.-бдж.	р.-х. о	б.-ршв. ё	ш.-р.гр. а(ё)	
gulnəx	x.gulnəx ⁷	-	ш.-бдж., х.	с белой от- метиной на лбу
xinəx, ш. (ханəх)	xanəx	xanəx	ш.-бдж., х. gulnax, ш.-ха- нax, xinax, р.-х., б.- ршв. xangax, бдж. xinax	белоголо- вый, с белой отметиной на лбу
cəxt	cəxt	cəxt	ш.-бдж., р.- х., б.-ршв. cəxt, р.-х., б.-ршв. (cəxt)	кривой, со- гнутый

чие от прочих языков происходит расширение гласных, причем слова с подобной огласовкой могут относиться как к мужскому роду, так и к женскому. В редких случаях между языками обнаруживаются расхождения в родовой принадлежности этих имен, например: ш.-бдж. təy жен., р.-х., б.-ршв. tīy жен. 'бритва'; ш.-бдж. məx муж., р.-х., б.-ршв. mīx муж. (// жен.) 'гвоздь'; ш.-бдж. rəx муж., р.-х., б.-ршв. rəx 'сапог'; ш.-бдж. səx муж., б. sīx жен., р. sīx, səx муж. 'спица', 'стержень' и т.п.

§ 18. Третий вариант: муж. ш.-бдж. и, р.-х. о, б.-ршв. и(ё) / жен. ш.-бдж. а, р.-х., б.-ршв. а(ё). Этот тип перегласовки наблюдается преимущественно в прилагательных. Зафиксировано 15 пар с этим вариантом чередования, некоторые из них приводятся в табл. 3.

⁷ Данная огласовка в хуфском возникла, по всей вероятности, под воздействием шугнанского. В рушанском, бартангском и рошорвском это слово отсутствует.

Таблица 3

Муж. род			Жен. род	Перевод
ш.-бдж.и	р.-х. о	б.-р. и(ё)	ш.-р.гр. а(р.- х., б.-ршв. ё)	
buq	boq	bōq	baq, bēq	выпуклый, холмистый
žibuq	žiboq	žibuq	ш.-р.гр. ži- baq, р.-х. (žibeq)	корена- стый, при- земистый
pup	rop	pup	rap	подстрижен- ный
χipux	χirox	χipux	χipax	ярко-белый, светлый
ciluq, žiluq	ciloq, žiloq	ciluq, žiluq	ш.-р.гр. ci- laq, žilaq, р.-х.cileq, žileq	стоящий торчком, торчащий
cuq	coq	cuq	ш.-б., р.-х. cēq	стоящий торчком
filux	filox	filōx	ш.-бдж.filax, р.-х., б.-ршв. filex	ярко-крас- ный

Как явствует из табл. 3, тенденция рушанского с хуфским диалектом, бартангского и рошорвского к параллельному употреблению огласовки ё в женском роде (наряду с а) здесь более заметна. Кроме того, в бартангском и рошорвском при форме мужского рода вместо ожидаемого ё чаще употребляется краткое и. Лишь в рушанском языке и его хуфском диалекте сохраняется в мужском роде краткое о (которому обычно соответствует бартанго-рошорвское ё).

§ 19. Четвертый вариант: муж. ш.-бдж. ю (бдж. также и), р.-х. и, ю, ю, б.-ршв. и, ё, жен. ш.-бдж. ю, ю, р.-х. ю (х. также ё), б.-ршв. ю, ю (ршв. также а). Примеры этого варианта представлены в табл. 4.

Таблица 4

Мужской род				Женский род				Перевод
Ш.-бдж. ő	р.-х. u, ī, o	б.-ршв. u, ö	ш.-бдж. ö, ā	ш.-бдж. ö, ā	р.-х. ī, o	б.-ршв. a, ī, 0	ш.-бдж. a, ī, 0	
vöyd	vöyd	б. vöyd, ршв. vöyd	vöyd	vöyd	vöyd	vöyd	vöyd	злой дух, ведьма, леший
vüyž	vüz	-	vöyž	p.vöwz, x.	-	-	-	длинный
ш. wirüvt	-	-	wirox	-	-	-	-	с белой отметкой на лбу (о козе)
ш. Zindürv	Zindürv	Zindürv	ш. Zindärv, Qırq. Kindary	Zindürv	Zindürv	Zindürv	Zindürv	оборотень, певч. алчный
бдж. Zindürv	p. Zindürv	-	yürk	yürk	yürk	ö.yürk, ршв. yırkan	-	медведь, медведица
yürk	yürk	yürk	rürv	rürv	rürv	rörv	rörv	с белой отметиной на лбу (о сыке, корове)
rürv	rürv	rürv	rost	rost	rost	rost	rost	красный
rost	p. rost, x.	p. rost	öow	öow	öow	çaw	çaw	пестрый, полосатый
ш. xöw	бдж. öow	ш. xöw	öow	öow	öow	çaw	çaw	-

Как известует из табл. 4, между языками и диалектами обнаруживаются различие по характеру гласных расхождения, касающиеся как наличия или отсутствия ряда родоизменяемых слов в том или другом языке (диалекте), так и родовой перегласовки. Так, например, слова ш.-бдж., б. vöyd, р.-х. vöyd 'леший', 'злой дух (мужского пола)' и ш.-бдж., б. vöyd, р. vöyd 'ведьма', 'злой дух (женского пола)' в роморвском формально не различают рода и одна форма (vöyd)⁸ используется для выражения и муж. рода (также и мужского пола), и жен. рода (и пола), и наоборот, слово ш.-бдж., р., б. üyğk 'медведь', 'медведица' только в роморвском дифференцируется по роду: ршв. üyğk 'медведь' - yırkan 'медведица'.

§ 20. О соотношении языков и диалектов по реализации родовой перегласовки можно отметить следующее: в этом варианте все языки и диалекты за исключением рушанского совпадают по огласовке в женском роде и сближаются между собой по огласовке муж. рода.

Наличие огласовки жен. рода ö в ряде слов в шугнанском, баджуском, хуфском, бартангском и роморвском, как видно из приведенных примеров в табл. 4, может быть объяснено позицией перед двумя согласными и одинаковым действием фонетического положения (ср. аналогичное изменение огласовки в глаголах: жен.: ш.-бдж., б.-ршв. wirovd, р. wiravd 'стояла' к муж.: ш.-б., б.-ршв. wirüvd, р. wiruvd 'стоял' и т.д.).

Как видно из таблицы 4, при форме муж. рода в ряде случаев в шугнанском вместо ожидаемого ī возникает u, в рушанском и хуфском вместо краткого ö реализуется ī, а в бартангском и роморвском сохраняется характерная для последних огласовка ö. Все это связано с положением корневого гласного перед историческим *š, отраженным в шугнанском ū, а в остальных языках рассматриваемой группы -w (ср. еще: ш. xöök, бдж. xöw, р.-х. xuw, б.-ршв. xöw 'шесть', ав. xswaš-).

⁸ Нетрудно заметить, что роморвский в данном случае сохранил форму жен. рода.

§ 21. Пятый вариант: муж. ш.-бдх. ī, р.-х. o, б.-ршв. ō / жен. ш.-бдх. ī, р.-х. ē (х. æ), б.-ршв. ē. Здесь, как видим, родовое противопоставление не касается шугнанского и его баджувского диалекта. Этот факт легко находит историческое объяснение: данный вариант родовой перегласовки является отражением исторического *a в нейтральном положении и в положении i-умлаута. В шугнанском и баджувском *a в обоих случаях отражается как ī, в то время как рушанский с худским диалектом и бартангский с рошорвским передают его соответственно как o, ō / жен. ē (х. æ).

Таблица 5

Муж. род			Жен. род			Перевод	
ш.- бдх. ī	р.-х. o	б.- ршв. ō	ш.- бдх. ī	р.-х. ē, х. æ	б.- ршв. ē (ршв. ē)		
I	2	3	4	I	2	3	4
-	ažor	ažōr	ягненок (самец)	-	p. ažer x. ažoer	ažēr	ягненок (самка)
bīg	bog	bōg	маленький глиняный горшок	bīg	p. bēg x. bæg	bēg	большой глиняный горшок
gīš	gos	gōš	прышавый, паршивый	gīš	gēš	gēš	прышавая, паршивая
əik	əok	əōk	заика, за- икающийся	əik	əēk	əēk	заика, за- икающаяся
kīl	kol	kōl	безрогий	kīl	kēl	kēl	безрогая
līš	loš	lōš	голый	līš	lēš	lēš	голая
-	mandol	man- dōl	подстри- женный	-	māndēl	б. mandel ршв. mandel	подстри- женная

Продолжение табл. 5

I	2	3	4	I	2	3	4
cīg	cog	čog	новорож- денный	cīg, ш. cag	cēg	б. cēg ш. cag ршв. cag	новорож- денная
šīg	šog	šog	теленок	šīg	šēg	šēg	телка

Из табл. 5 можно заметить, что форма mandol и некоторые другие в рошорвском являются общими для обоих родов (в шугнанском и баджувском данные слово не засвидетельствовано); все слова этого типа, как видно из примеров, формально не подвергаются родовому изменению. Так напр., ш.-бдх. kīl bučag, р.-х. kol bučag, б.-ршв. kōl bučag 'безрогий козел' — ш.-бдх. kīl vaz, р.-х. kēl vaz, б.-ршв. kēl vaz 'безрогая коза'. Можно, однако, предполагать, что различие рода с помощью перегласовки в шугнанском и баджувском в словах этого типа раньше имело место. Ср. ш. cīg šīg 'маленький теленок', но ш. cag žōw 'дойная корова', 'родившая корова'.

Соответствия родовой перегласовки данного многовариантного типа по языкам можно представить в виде отдельной таблицы (табл. 6):

Таблица 6

	ш.-бдх.	р.-х.	б.-ршв.
1) муж.	ī	o	ē
жен.	ā	ā	ā
2) муж.	ē	ō	ō
жен.	ā	ā(ē)	ā(ē)
3) муж.	u	ō	ū(ō)
жен.	ā	ā(ē)	ā(ē)
4) муж.	ū(ē)	ā(ā)	ā(ō)
жен.	ā,ō	ā	ā(ō)
5) муж.	ī	ō	ē
жен.	-	ē (х. æ)	ē

Как видно из табл. 6, вариантность наблюдается, главным образом, в формах мужского рода, где все гласные представляют собой различные исторические отражения древнеиранского *а в нейтральном положении. В женском роде все языки и диалекты при отражении *а в положении а-умлаута точно совпадают (всюду реализуются а, а), однако в рушанском, хуфском, бартангском и рошорвском историческое *а может параллельно отражаться также через i-умлаутную огласовку, что более регулярно и постоянно выявляется в пятом варианте, где в шугнанском и баджувском родовая дифференциация вовсе не происходит.

§ 22. Соответствие ш.-бдж. й / р.-х. о / б.-ршв. ё, как уже было отмечено, имеет закономерный характер. Эта огласовка распространяется на большую группу неодушевленных существительных, не имеющих пар женского рода. Следует особо подчеркнуть, что долгий й в шугнанском и баджувском выступает в качестве приметы мужского рода в том случае, если ему соответствует рушано-хуфское о и бартанго-рошорвское ё. Примеры:

ш.-бдж.	р.-х.	б.-ршв.
r̥d	rob	rob
čid	čod	čod
xir	xor	xor
tir	tor	tor
		'след'
		'дом'
		'солнце'
		'верх'

Таким образом, за рушано-хуфским о и бартанго-рошорвским ё в основном закреплены слова мужского рода. Шугнанское й может выступать в качестве показателя муж. рода преимущественно по линии соответствия ш.-бдж. й / р.-х. о / б.-ршв. ё.

Следует, однако, отметить, что в тех случаях, когда семантика имени выступает в качестве своего рода формально-го признака родовой принадлежности имен, родоразличительная значимость подобных типов огласовки снимается. В результате характерная для имен муж. рода огласовка может встречаться в словах жен. рода и, напротив, имена муж. рода могут содержать а- или i-образную огласовку, в общем характерную для

слов жен. рода, ср. и м е н а ж е н. р о д а: ш.-бдж. xīš, р.-х. xoč, б.-ршв. xoč 'теща', 'свекровь' ³, ш.-бдж. tūb, р.-х., б.-ршв. tūb 'тутовое дерево', ш.-бдж. sūg, р.-х., б.-ршв. sūg 'сказка', ш.-бдж. xīgt, р.-х. xīgt 'ворона'; и м е н а м у ж. р о д а: ш. tāt, бдж., р.-х. r̥id 'отец', ш.-р. гр. nād 'тростник', ш.-бдж. bōčc, р.-х. bāw 'козья шерсть', ш.-бдж. cēl, р.-х. cēl 'женский платок' и т.п.

При совпадении сравниваемых языков и диалектов по употреблению долгого й, слова относятся преимущественно к жен. роду: ш.-р. гр. čin 'обрыв', čini 'пиала', gīm 'тополь', ш.-бдж. vīn, р.-х. vayn 'кустарник с красными ягодами' и т.д. (все слова жен. рода).

В целом соответствия между языками и диалектами по третьему пятивариантному типу характеризуются последовательным выражением муж. рода в рушанском и хуфском с помощью краткого о, а в бартангском и рошорвском посредством долгого ё. Поскольку в шугнанском и баджувском подобных родовых примет нет, одному рушано-хуфскому о и бартанго-рошорвскому ё в шугнанском и баджувском соответствуют четыре гласных (и, ё, ə, u, ʊ), что можно продемонстрировать табл. 7.

Таблица 7

Муж. род			Жен. род		
ш.-бдж.	р.-х.	б.-ршв.	ш.-бдж.	р.-х.	б.-ршв.
й	о	о	а	а(ə)	а(ə)
é			á	á(ə)	á(ə)
u	и	и	ó		ó
ü			-	é (x.æ)	é

§ 23. Четвертый тип: ш.-бдх., б.-ршв. ё, р.-х. ю/х. ш.-бдх. ё, р.-х., б.-ршв. ё.

Количество слов с этим типом чередования в целом невелико, они приводятся в табл. 8.

Таблица 8

Муж. род			Перевод	Жен. род			Перевод
ш.-бдх. ё	р.-х. ю	б.-ршв. ё		ш.-бдх. ё	р.-х. ю	б.-ршв. ё	
vōrj	vūrj	vōrj	конь	vērз	vērз	vērз	кобыла
nibōs	nabūs	б.nabōs	внук	nibēs	nabēs	б.nabēs	внучка
pōd-viyoj	padvi-yuj	-	босой	pōdvi-yēz	padvi-yēz,	padvēz	босая
ш. сём-fertak, бдх. сёмfe-lak	сём-fürak	-	кокетливый	ш. сём-fertak, бдх. сёмfe-lak	сёмfe-rak	-	кокетливая

Этот тип перегласовки является результатом различного отражения исторического *а в зависимости от следующих двух фонетических позиций, а именно: а) в нейтральном положении долгое *а для мужского рода дает в шугнанском, бартангском и роморвском долгое ё, а в рушанском и хуфском ю⁹ по типу ш.-бдх., б.-ршв. vōrj, р.-х. vūrj 'жеребец' (*vāraka-); б) в положении i-умлаута историческое *а дало показатели жен. рода через гласные переднего ряда по типу ш.-бдх. vērз, р.-х., б.-ршв. vērз 'кобыла' (*varači-). Бартангский вместе с ро-

⁹ Рассматриваемая перегласовка в рушанском встречается также в основах трех глаголов прош. вр.: р. δūd 'попал', ж. δōd; xīvd 'заснул', ж. xōvd; xicōd 'замерз', ж. xicōd.

морским, как видим, по огласовке мужского рода точно совпадает с шугнанским, а по огласовке женского - с рушанским и хуфским. Следовательно, нейтральное положение в шугнанском, бартангском и роморвском дало одинаковый результат при отражении древнего *а.

Вышеуказанный тип соответствия имеет место также в ряде слов, не имеющих родового противопоставления.

ш.-бдх.	б.-ршв.	р.-х.
δōrg	δōrg	δūrk 'деревяшка', 'палка' (ав. daru-)
уōс	уōс	уūс 'огонь' (*aθra-)
рōø	рōø	рūø 'пуля' (*rāða-)
vidōj	vidōj	vidauj 'орошение' (*abi-taka-).

Эти слова по родовой принадлежности (сintаксически) относятся к муж. роду (ср. ш.-бдх. уōс wizud, р.-х. уūс wizud 'огонь потух'; wizud муж., жен. - wizad).

§ 24. Все приведенные выше типы чередования родовой перегласовки и их варианты представлены в табл. 9.

Таблица 9

Муж. род				Жен. род			
Тип и вариант	ш.-бдх.	р.-х.	б.-ршв.	ш.-бдх.	р.-х.	б.-ршв.	
I	и	и	и	а	а	а	
II	и(ü)	и	и	и	и	и	
III:	I	о	о	а	а(é)	а(é)	
2	ε	о	о	а	а	а(é)	
3	и	о	и(ö)	а	а(é)	а(é)	
4	й	и(ü, ü)	и, ö	ö, ä	ä	ä	
5	и	о	ö	и	é (x. æ)	é (ршв. ё)	
IV	ö	ü	ö	ë	ë	ë	

Отражение исторического *ā в шугнанском и рушанском соответственно через ю.-бдж. ē, р.-х. ē является более регулярным, в бартангском и роморвском в этом случае, как правило, реализуется долгое ö. Имена с данным типом соответствия при отсутствии семантического препятствия относятся к жен. роду: ю.-бдж. mēst, р.-х. mēst, б.-ршв. mōst 'месяц', 'луна' (*māsti-, др.-инд. mās-, ав. mah-); ю.-бдж. wēb, р.-х. wēb, б.-ршв. wōb 'арык', 'канал' (*wābī-, ав. waibī-), ю.-бдж. rēb, р.-х. rēb, б.-ршв. rōb 'западня', 'ловушка' (*rādua-); ю.-бдж. sēr, р.-х. sēr, б.-ршв. sōr 'умолот зерна на гумне' (*sārya-,ср. ав. sar-), ю.-бдж. nēz, р.-х. nēz, б.-ршв. nōz 'нос' (*nāh(y)a-či-, ср. ягн. nays, согд. nuc) и т.д.

Как видно из таблицы, почти все гласные того или иного языка (диалекта) участвуют в родовой дифференциации слов. Исключением является в шугнанском и его баджувском диалекте лишь один гласный ē (из десяти гласных фонем), в рушанском и его хуфском диалекте два - ī, ö (из десяти), в бартангском и роморвском один - ī (из девяти).

10. Данное отклонение бартангского от остальных сравниваемых языков остается не вполне понятным. Возможно, что гласный ö вместо ожидаемого ē возник под воздействием огласовочной модели омонимов муж. рода б.-ршв. rōb, р.-х. rōb, ю.-бдж. rīb 'след', б.-ршв. rōb, р.-х. rōb, ю.-бдж. rīb 'раз'. Однако здесь показателен факт совпадения языков по принадлежности рассматриваемого слова к жен. роду (несмотря на нехарактерную для данного грамматического рода огласовку ö), что опять-таки следует объяснить действием семантических рядов, так как имена этой семантической и тематической зоны преимущественно относятся к жен. роду, ср. ю.-р. гр. tāk 'силок', 'ловушка для птиц'; ю.-бдж. dām, р.-х., б.-ршв. dōm 'ловушка', 'западня', ю.-бдж. qarqān, бдж. qarqēn, р.-х. qanqayn 'калкан', 'ловушка' и т.п.

§ 25. Отношения языков по соответствиям огласовки для различия рода весьма разнообразны. Для выявления и уточнения между языками общности и расхождения приводим общую схему соответствия чередования гласных мужского и женского рода для каждой языковой разновидности.

	Муж. род	Жен. род	Примеры
ю.-бдж. и	а	ю.-бдж.: žurn 'круглый', ж. žarn; kud 'пес', ж. kid 'сука'; xīy 'сладкий', ж. xāy; čōxt 'согнутый', ж. čāxt; buq 'выпуклый', ж. baq; ж. čūy 'пестрый', ж. čāy, бдж. čuw, ж. čaw; rūst 'красный', ж. rošt; vorj 'конь', ж. vərz 'кошка'	
ī	i		
ö	ā		
ē	ō		
ö	ē		
р.-х. и	а	р.-х.: žurn // žarn; kud // kid; xōy // xāy; čōxt // čāxt; boq // baq, bēq; rūrv // rārv; čuw // čaw; rošt // rāst; lōš ('голый') // lēš; vorj // vərz	
ī	i		
ö	ā		
ē	ē		
б.-ршв. и	а	б.-ршв.: žurn // žarn; kud // kid; xōy // xāy; čōxt // čāxt; bōq // baq, bēq; rūrv // rōrv; čow // čaw; rošt // rāst; lōš // lēš; vorj // vərz	
ī	i		
ö	ā		
ē	ē		

Из этой схемы можно заключить следующее: объединяющим моментом для всех языков является соответствие огласовки муж. и // жен. а, i. Однако в рушанском перед двумя согласными огласовке муж. рода и в женском соответствует еще долгое ā (р. rūrv // rārv 'светлокрасный'). Бартангский в данном случае отличается от рушанского и примыкает к шугнанскому (ю.-бдж., б.-ршв. rūrv // rōrv). Рушанский и хуфский отличаются от других языков в указанном положении огласовкой муж. рода ī, по которой бартангский, роморвский и шугнанский опять совпадают (р.-х. vorj, ю.-бдж., б.-ршв. vorj 'теребец').

§ 26. Синхронные соответствия огласовок для обоих родов по всем языкам приведены в табл. IO.

Таблица IO

Муж. род			Жен. род		
ш.-бдх.	р.-х.	б.-ршв.	ш.-бдх.	р.-х.	б.-ршв.
и	и	и	а	а	а
ї	ї	ї	і	і	і
й	о	о	á	á	á
é	é	é	-	-	-
ó	ó	ó	ö	ö	ö
			é	é	é

Как явствует из этой таблицы, огласовка муж. рода для шугнанского языка и его баджувского диалекта характеризуется использованием большого количества различных по качеству и характеру гласных (в частности, как огубленных, так и неогубленных).

В рушанском, хуфском, бартангском и роморвском имеет место более стройная система родовой дифференциации, в огласовке муж. рода существует относительно небольшое количество только огубленных гласных (в рушанском и хуфском 3, в бартангском и роморвском 4).

При этом особо следует подчеркнуть весьма широкое словарное распространение румано-хуфского о и бартанг-роморвского ö - наиболее универсальных примет мужского рода, которым в шугнанском соответствует три различных по качеству гласных (ср. р.-х. xo̯ 'сладкий', wo̯ 'выпуклый', xo̯t 'согнутый' // б.-ршв. xo̯, xo̯q, xo̯t // ш.-б. xí, xíq, xo̯t).

§ 27. В сводной таблице (табл. IIa) даются исторические соответствия для каждого типа и варианта огласовок по рассматриваемым языкам и диалектам.

Тип (ва- ри- ант)	Исто- риче- ское (др. ир.)	Муж. род			Жен. род			
		Нейтральное положение			а-умлаут		i-умлаут	
		ш.- бдх.	р.- х.	б.- ршв.	ш.- бдх.	р.- х.	б.- ршв.	ш.- бдх.
III(1)	*a	í	o	ö	ä	á	á	
III(2)	*a	é	-	-	á	a(é)	á(é)	
III(4)	*a	ú(u)	u(ú, ú)	ú(ö)	ó, á	á á, ó(a)		
III(5)	*a	í	o	ö				(í) é(æ) é
III(3)	*u, *ü	u	o	u(ö)	a	a(é)	a(é)	
IV	*á	ó	ü	ö				- é é
V	*u, *ü	u(ú)	u	u				i i i
I	*u, *ü	u	u	u	a	a	a	

По данным табл. IIa можно заключить, что в установлении и развитии родоразличающих огласовок шугнано-рушанской группы большую роль сыграли две различных по качеству пары древнеиранских гласных *a, *á и *u, *ü. В нейтральном положении они отразились как показатели мужского рода, а в положениях a- и i-умлаута стали источниками огласовки для женского рода.

§ 28. В таблице IIb на основании установленных этимологий родоразличающихся имен даются некоторые примеры по каждому типу и варианту родовой перегласовки. Как явствует из этой таблицы, взаимоотношение сравниваемых языков и диалектов по отражению исторических *a, *á, *u, *ü носило самостоятельный и автономный характер, что проявляется в образовании для каждого языка и даже диалекта собственной родоизменяемой огласовки. Это прежде всего касается отражения исторических *a, *á, давших в современных языках шугнано-рушан-

ской группы самые различные по качеству огласовки для муж. рода (ср. третий тип с его пятивариантной перегласовкой муж. рода и четвертый тип). Сближение, а в ряде случаев совпадение изучаемых языков и диалектов обнаруживается в двух случаях: а) при отражении древнеиранских *u, *ū; б) при огласовке жен. рода (см. первый и второй тип перегласовки).

Таблица IIб

Исторические соответствия	Тип, вариант и род	III.-БДХ.		Р.-Х.		6.-ршв.: Перевод
		2	3	4	5	
*kra-	I	m.	čuk	čuk	čuk	петух
		x.	čač	čač	čač	курица
ср.ав.keresat- 'тощий'		m.	kurc	kurc	kurc	глубокий, впалый
		x.	karc	karc	karc	глубокая, впадая
ав. arša-		m.	yúrk	yúrk	yúrk	медведь
		x.	yúrk	yúrk	б.yúrk ршв., yirxan	медведи- ца
*garθ-(a)na-		m.	žurn	žurn	žurn	круглый
		x.	žarn	žarn	žarn	круглая
*trfša-		m.	tušp	tušp	tušp	кислый
		x.	tašp	tašp	tašp	кислая
ав. kuta(ka)-		m.	kut	kut	kut	короткий
		x.	kat	kat	kat	короткая
*kuta-(м.), *kuti- (x.)	II	m.	kud	kud	kud	пес
		x.	kid	kid	kid	сука

Продолжение табл. IIб

I	2	3	4	5	6
ав. vehrka- (м.), *vr̥ē- (x.)	m. x.	würj wirzin	wurj wirzin	wurj wirzin ршв.war- jan	волк волчица
*hwarza-, ав. x ^v arez(is- ta)-	(I)m. x.	xiy xay	xoř xay	xoř xay	сладкий сладкая
*traxta- < *taxra- перс. -тадж. talk	m. x.	cík cač	coč cač	coč cač	горький горькая
*hwanastrā-, *axša-?	(2) m. x.	xinéč xináč	xanóč xanáč	xanóč xanáč	белого- ловый белого- ловая
и.-е. √pū-?	(3) m. x.	pup par	pop par	pop par	подстри- женный подстри- женная
*kaša-	(4) m. x.	ш.čuy, бдх.čuw ш. čay, бдх.čaw	čuw čaw	čuw čaw	пестрый пестрая
*rurđ-, *ruvř- или *rudra-, со- да же ав. ra- očita- 'краснова- тый'	m. x.	rurv rōrv	rurv rōrv р.гагv, х. горv	rurv rōrv	светло- красный светло- красная
ав. baxta-	m. x.	vuyd voyd	vuyd voyd	b.vuyd b.voyd	бес, злой дух ведьма, злой дух
**(a)zaku-?	(5) m. x.	šig šig	šog šeg	šog šeg	теленок телка

Окончание табл. IIб

I	2	3	4	5	6
**-a-gara-	м.	-	ažor	ažor	ягненок-самец
		x.	p.ažer, x.ažær	ažer	ягненок-самка
*bāraka- (м.), *bara- čī- (х.)	иу	vōrj	vūrj	vōrj	херебец
		vīrž	vērž	vērž	кобыла
*parāza- (м.), *parā- si- (х.), ав. parat-	м.	nibōs	nabūs	б.наб-	внук
		nibēs	nabēs	б.набēs	внучка

§ 29. В целом можно сделать следующие общие выводы о родовых перегласовках в именах существительных и прилагательных.

1. К более или менее универсальным и распространенным показателям (приметам) мужского рода можно отнести всего три корневых гласных: и - общий для всех языков шугнано-рушанской группы, о - только для рушанского и хуфского; ё - только для бартангского и рошорвского.

По типу огласовки женского рода все языки и диалекты весьма близки, при этом в ряде случаев прослеживается совпадение бартангского, рошорвского, хуфского с шугнанским и баджувским по использованию ё. Подобное совпадение для шугнанского, баджувского, бартангского и рошорвского имеет место также и при огласовке муж. рода. Ср. ш.-бдх., б.-ршв. ё < *-a, где в этом случае в рушанском и хуфском представлено и.

2. При огласовке жен. рода происходит дифференциация имен на существительные и прилагательные, а именно: а-образная огласовка характерна для имен прилагательных, а і-образная огласовка - для имен существительных.

II. В рошорвском не изменяется по роду: nabōs 'внук', 'внучка'.

3. По огласовке муж. и жен. рода различаются три основных типа родовой перегласовки:

Муж. род	Жен. род
а) шугнано-баджувский и, ю, ё, і, ё	а, ё, і, ё, ё
б) рушано-хуфский: и, ю, о, и	а, ё, і, ё
в) бартанг-рошорвский и, ю, ё, ё	а, ё, і, ё, ё

4. Родовая дифференциация с помощью огласовки в системе существительных касается преимущественно одушевленных существительных. В отличие от существительных, изменяющиеся по роду прилагательные могут выступать в синтаксической связи как с одушевленными, так и неодушевленными существительными.

§ 30. Наряду с закономерными родовыми чередованиями прослеживается ряд отклонений от рассмотренных выше линий соответствий. Так, например, в рушанском и его хуфском диалекте зарегистрировано дифференцированное по роду слово с огласовкой муж. рода ё, нехарактерной для рушанского языка и хуфского диалекта: р.-х. šøy 'разраженный', 'расфранченный', 'нарядный', 'щеголь', 'франт' - жен. šay 'разраженная', 'расфранченная', 'нарядная', 'щеголиха'. Примеры: р. ik-im չանձում շօյ 'этот парень всегда франтом ходит'; р. tu-t šoy sut 'ты франтом (щеголем) стал'; р. tu-t šay sat 'ты франтихой (щеголихой) стала' (Соколова, 1959, 253). В остальных языках и диалектах это слово употребляется без родового изменения в форме šay и для выражения мужского и женского рода и обоих полов; ср.: ш. wi puc dōyim-as šay vad 'его сын всегда нарядным был'; ш. wi rizin dōyim-as šay vad 'его дочь всегда была нарядной'. Данная форма широко употребляется в качестве именного компонента сложных глаголов: ш.-бдх. šay կիցօք, šay ծեծօք 'наряжать', 'украшать', ш.-бдх. šay xu ծեծօք 'наряжаться'; ш. yi ֆինիկ կիշտ ուվենց շայ-ատ, yi մարդինա կիշտ թուշօք šay xu, da սիր անյեն 'одна женщина наряжает невесту, а другой мужчина наряжает жениха' и устраивают свадьбу'.

Этимология šøy и šay пока еще точно не установлена (см. Моргенштерне, 1938, 541; 1974, 80). Форма šay зарегистриро-

зана также и в других памирских языках и таджикских диалектах: сарык., ишк., вах. *šay* с общими значениями 'наряженный' (-ая), 'разраженный' (-ая), тадж.(каратагское) *šay* 'хороший' (Успенская, 1956, 57). Не вдаваясь в подробности этимологической интерпретации, в общих чертах можно полагать, что упомянутые выше формы, как впрочем и другие структурно и семантически близкие лексемы типа *šō(h)* 'шах', *šā* 'правитель' и форманты *šō*, *šā*, *šā* - как компоненты мужских имен (§ 208) по своему происхождению, очевидно, связаны с др.-ир. *šāya-* 'правитель', а по распространению и усвоению - с влиянием тадж.-перс. *šāh*, *šāh* 'шах', 'правитель' разных эпох. Общая для всех памирских языков форма *šay* в рушанском и хуфском была воспринята в качестве коррелята жен. рода (чему, естественно, легко способствовала сама модель с а-огласовкой) и на почве этого возникла форма муж. рода *šōy* 'распущенный', 'нарядный', 'щеголь', 'франт', причем нехарактерная для муж. рода ё-огласовка (можно было ожидать ё, и или ю) утвердилась, по всей вероятности, по аналогии с огласовкой усвоенного всеми памирскими языками заимствованного из таджикского *šō(h)*, которое семантически связано с обозначением чина и титула мужского пола и широко применяется в качестве компонента мужских имен.

§ 31. Употребление слов муж. рода с нехарактерной для них огласовкой (в данном случае ё, а, ю, ё) является не случайным. Оно прослеживается как в собственных словах, так и в словах, заимствованных из таджикского или через его посредство из других языков (арабского, тюркских), что лишний раз свидетельствует о несостоятельности мнения относительно зависимости родовой отнесенности имен от характера корневых гласных (§ 5). В качестве примеров можно привести следующие слова:

Муж. род.

Жен. род

ш.-бдх. *gōwambūn*, р.-х. *gōwam-* ш.-бдх., р.-х. *gōwambēn* 'толстый', 'толстяк', 'настая', 'толстячка', 'надутая' дутый'

р. <i>šilaq</i> 'неаккуратный', 'несосредоточенный'	šiləq 'неаккуратная', 'несосредоточенная'
р. <i>jīq</i> 'морщинистый', 'старый'	jēq 'морщинистая', 'старая'
бдх. <i>öšiqbōz</i> 'влюбленный'	öšiqbēz 'влюбленная'
ршв. <i>žilōq-žām</i> 'пучеглазый'	ршв. <i>žileq-žēm</i> 'пучеглазая'
ршв. <i>kata-žām</i> 'большеглазый'	<i>kata-žēm</i> 'большеглазая'

В данном случае показателен еще факт изменения по роду имен, многие из которых утвердились только в отдельных языках и диалектах. Так, в шугнанском и баджувском подавляющее большинство из вышеуказанных слов употребляется без различия рода: ш. *jēq*, бдх. *jīq* 'морщинистый', 'морщинистая', ш.-бдх. *šillin-šilaq*, *šillin-šilay* 'распущенный' (-ая), 'несобранный' (-ая), 'неаккуратный' (-ая). Второй компонент сложных слов ш.-бдх. -*žēm* (из *sēm*), р.-х., б. -*žām* (*sām* 'глаз') в рошорском с нехарактерной для муж. рода ё-огласовкой утвердился в качестве родового показателя муж. рода, а для жен. рода используется форма с е-огласовкой; ср. ршв. *kata-žām* 'большеглазый', жен. *kata-žēm* 'большеглазая' при ш.-бдх. *kata-žēm*, р.-х., б. *kata-žām* 'большеглазый', 'большеглазая'.

§ 32. Отклонение от основных типов родовых чередований прослеживается еще в ряде собственных мужских и женских имен, усвоенных из таджикского языка. В данном случае заимствованная форма с а-огласовкой утвердилась как коррелят мужских имен, а в женских именах закрепилось долгое а.

Мужские имена

ш.-р. гр. <i>Safar</i>	Safār
ш.-р. гр. <i>Baxt</i>	Bāxt
ш.-р. гр. <i>Dawlat</i> , ш. также <i>Dū-lat</i>	Dawlat, ш. также Dulat
ш.-р. гр. <i>Baxt-dawlat</i> , ш. также <i>Baxt-dūlat</i>	ш.-р. гр. <i>Dawlat-bāx(t)</i> , ш. также <i>Dulat-bāx(t)</i> , ш.-р.

Женские имена

ш.-р. гр. <i>Safar</i>	Safār
ш.-р. гр. <i>Baxt</i>	Bāxt
ш.-р. гр. <i>Dawlat</i> , ш. также <i>Dulat</i>	Dawlat, ш. также Dulat
ш.-р. гр. <i>Dawlat-bāx(t)</i> , ш. также <i>Dulat-bāx(t)</i> , ш.-р.	ш.-р. гр. <i>Dawlat-bāx(t)</i> , ш. также <i>Dulat-bāx(t)</i> , ш.-р.

ш.-бдх. Nék-baxt
р.-х., б.-ршв. Nik-baxt

гр. Sangin-bāx(t)
Nék-bāx(t), Nik-bāx(t)
Nik-bāx(t), Nik-bāx(t)
п-р. гр. Nazar-bāx(t)

и т. п.

§ 33. В некоторых собственных именах, заимствованных также из таджикского, компонент ш.-бдх.-bāx, р.-х., б.-ршв.-bāx со значением 'охраняющий' (от таджикского bāxi kardan 'охранять') без особого изменения огласовки выступает в качестве форманта мужских имен (возникновение ё в шугнанском и баджуvsком связано с положением перед -n). В женских именах возникает собственная родовая модель -bāx, общая для всех сравниваемых языков.

Мужские имена

ш.-бдх. Yēl'bāx, р.-х., б.-ршв. Yil'bāx букв. 'охраняющий летовку'

ш.-бдх. Jōybāx, р.-х., б.-ршв. Jōybāx 'злой дух-самка', букв. 'охраняющая место', 'местохранительница'

Женские имена

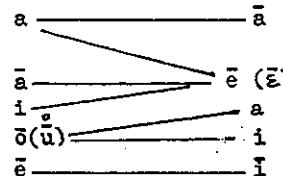
ш.-бдх. Yēl'bāx, р.-х., б.-ршв. (Y)il'bāx букв. 'охраняющая летовку'

Jōybāx 'злой дух-самка', букв. 'охраняющая место', 'местохранительница'

По свидетельству Х.Курбанова, в рошорском языке таджикское собственное имя Gulrēz (из тадж. gul 'цветок' и гез-основа наст. времени kəxtən 'рассыпать') при обозначении имени женщин имеет огласовку ī: Gurīz (Курбанов, 1976, 58).

§ 34. Соотношение огласовок муж. и жен. рода для рассмотренных в §§ 30-33 слов дает довольно пеструю картину, которую можно проиллюстрировать следующей схемой:

56

Примеры:

Safar - собств.имя муж., жен.Safār;
р.-х. šoy 'нарядный', жен. šay; go-wambōn 'толстый', жен. gōwambēn, jiq
'морщинистый', х. jēq; ршв.kata-zām
'большеглазый', х. kata-zēm

Таким образом, если исходная форма (т.е. форма муж. рода) содержит а- или i-огласовку, то при образовании формы жен. рода возникает либо ё (р. šilaq 'неаккуратный', жен. ši-lēq), либо же долгое ā (Safar, жен. Safār), а если форма муж. рода имеет долгое ā (ршв. kata-zām 'большеглазый') в форме жен. рода реализуется ё (ршв. kata-zēm 'большеглазая').

§ 35. В целом, по всем приведенным в §§ 30-33 данным можно сделать следующие выводы.

1. Слова с нехарактерной для муж. рода огласовкой (в данном случае а, ө, і) при дифференциации по роду и создании родовой оппозиции могут осмысляться как формы муж. рода. Корреляты муж. и жен. рода хотя по характеру огласовки сближаются, однако точно не совпадают, тем самым обеспечивается родовое противопоставление подобных слов (ср. имя собств. мужского Safar - жен. Safār).

2. Корреляты мужского рода по внешнему облику продолжают исходную форму того или иного слова (впрочем как и многие другие форманты муж. рода типа -bāx из рис. ш.-бдх. -gīl < kīl, р.-х. -gol < kol, б.-ршв. -gōl < kōl), однако формы жен. рода образуются по аналогии на базе собственных родовых моделей жен. рода через а- или i-огласовки, что особенно наглядно проявляется в заимствованных словах. Близость родовых коррелятов муж. и жен. рода по огласовке больше всего характерна для заимствованных слов.

3. Рассматриваемые в §§ 30-33 дифференцированные по роду имена свидетельствуют о продуктивности морфологического выражения категории рода, так как родовому изменению наряду с исконными словами подвергаются также и заимствованные.

ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ РОДА
В ГЛАГОЛЕ

§ 36. Для выражения категории рода в языках и диалектах шумано-руманской группы большую роль играет глагол, поскольку в самих именах нет регулярных рододифференцирующих показателей. Различение рода в основах прошедшего времени и перфекта было установлено еще в прошлом столетии Р. Шоу (1878), К. Г. Залеманом (1895), а позже относительно подробно изучено в трудах И. И. Зарубина (1930; 1937; 1960).

Монографические описания языков и диалектов шумано-руманской группы способствовали фиксации новых различающих род глаголов. Это, наряду с новыми, ранее неизвестными материалами, собранными нами специально по разрабатываемой теме, позволяет в настоящее время в широком сравнительном плане более детально проанализировать выражение категории рода в глаголе и определить отношение родоизменяемых глаголов к другим формам, безотносительным к родовому изменению.

§ 37. Как отмечает В. А. Ефимов, родоразличение в глагольных формах представляет собой "несомненную инновацию в средне- и новоиранских языках", так как род как грамматическая категория был чужд древнеиранскому глаголу (Ефимов, 1975, 451). Возникновение родовых противопоставлений тесно связано с использованием в древнеиранских языках отглагольных имен — причастий настоящего и будущего времени на **-nt-*, перфектных форм **-vah-*, медиальных на **-sha-*, **-apa-* и особенно причастия на **-(ə)tā-*, широко использовавшихся в предикативной функции и различных предикативных конструкциях. При этом причастие прошедшего времени на **-ta-* изменилось по роду следующим образом: форма на **-ta-* использовалась для выражения муж. рода, а форма на **-tā-* — для женского.

Выражение рода в глагольной системе языков и диалектов шумано-руманской группы осуществляется, как и в именах, с помощью внутренней флексии через *a-* и *i-*-умлаутную перегласовку для женского рода и *u-*образную огласовку для

мужского. Причем в перфекте наряду с внутренней перегласовкой используются также дополнительные суффиксальные элементы: *-j*, *č < *-(a)ka-* — для муж. рода и *-z*, *-c < *-(a)čī-* — для женского.

§ 38. Задокументированный нами новый тип родоизменяемых звукоподражательных и изобразительных глаголов и их сопоставительный анализ по сравнению с обычными дифференцированными по роду глаголами свидетельствует об использовании новых синтаксических средств для выражения категории рода и расширении сферы действия родовой перегласовки (родовое чередование наряду с основами прошедшего времени и перфекта распространяется также на основы наст. времени и инфинитива), что дает основание говорить о процессе развития категории рода и, в частности, о ее прочной позиции в глагольной системе.

Сравнительный анализ родоизменяемых основ с неизменяемыми по роду глагольными формами убеждает в том, что рододифференцированные глаголы представляют собой особый класс слов в системе глагола и потому, не ограничиваясь описанием изменяющихся по роду глаголов, здесь делается попытка выявить также их специфические и отличительные черты и вместе с тем по мере необходимости определить их отношение к другим классам слов. Этим обстоятельством и вызвано рассмотрение других глагольных форм (в частности, каузативных), не имеющих родового различия, но так или иначе связанных с дифференцированными по роду глаголами.

§ 39. Характерная черта родоразличения в глагольной системе заключается в том, что изменению по роду подвергаются только глаголы непереходного значения. Подобное явление означает тесную взаимосвязь и взаимообусловленность категории грамматического рода с категорией переходности / непереходности.

Исходя из этого, нами делается попытка рассмотреть выражение рода в глаголе в более широком контексте — начиная от анализа родоизменяемых форм и кончая их противопоставлением неродоизменяемым переходным парам, и особенно кауза-

тивным формам. Оппозиция каузативных глаголов, с одной стороны, заключается в том, что почти каждому дифференцированному по роду глаголу противопоставляется каузативная пара. Подобное противопоставление диктуется той необходимостью, что довольно большое количество глаголов при основах прошедшего времени и перфекта имеет лишь одну в залоговом отношении нерасчлененную основу¹ мужского рода для выражения значения переходности и непереходности (подробно см. §§ 97–III), тем самым порождается своего рода двусмысличество (ср. ш.-бдх. ziduxt, ziduxc 'оторвал', 'оторвался', жен. zidaxt, zidixc 'оторвалась'). Использование каузативных пар легко устраняет подобную двусмысличество и вместе с тем усиливает противопоставление (ср. ш.-бдх. zidérð : zidérðd; перф. zidérðj, инф. zidérðów 'оторвать' при zidarð : ziduxt, жен. zidaxt, перф. муж. ziduxc, жен. zidixc, zidixtów 'оторвася').

С целью выяснения взаимоотношения двух противополагающихся друг другу по форме и семантике классов глаголов ниже наряду с изменяющимися по роду формами будут охарактеризованы также их каузативные и переходные пары, безразличные к родоизменению, но составляющие оппозицию родовым формам.

§ 40. Рододифференцированные глаголы выделяются среди прочих глаголов как особый класс с присущими им специфическими чертами. Представляется целесообразным здесь же перечислить основные признаки, присущие изменяющимся по роду формам:

I) родовая перегласовка в основах прошедшего времени и перфекта (ср. viruxt, перф. viruxc, жен. viraxt, virixc 'сломаться' и неродоразличаемый переходный глагол žiruxt,

¹ Термин "залоговая нерасчлененность глаголов", насколько нам известно, впервые использован В.С.Соколовой при сравнительном исследовании глагольной системы шугнано-язгульской группы и мунданского языка (Соколова, 1973, 137–138).

перф. žiruxc 'кусать');

2) родовое чередование согласных (наряду с корневой перегласовкой) в исходе перфектной основы муж. и жен. рода (ср. муж. viruxt, жен. virixc и неродоизменяемый глагол žiruxt);

3) использование основ жен. рода пром.и перфекта также и при мн. числе и отсутствие подобных форм у переходных глаголов (ср. ш. viraxt, virixc 'сломалась', мн.ч. viraxt-ēn; virixc-ēn 'сломались' и žiruxt(ēn), žiruxc(ēn) 'кусал(и)';

4) наличие у изменяющихся по роду глаголов особой формы мн.ч. в перфекте – наряду с формой жен. рода и отсутствие подобной формы у переходных глаголов (ср. ш. viráxl-ēn // virixc-ēn 'сломались' и žiruxc-ēn 'кусали');

5) наличие у большинства из изменяющихся по роду глаголов каузативных пар.

При всем этом следует иметь в виду следующие исключения:

I) образование каузативных форм характерно также и для некоторых других неизменяющихся по роду глаголов (ср. ш.-бдх. nēy : nēya, ш.-бдх., р.-х. naýen : naýent, б.-рив. naýon : naýont 'вращать' при ш.-бдх. nōy : nōyd, р.-х., б.-рив. nōy : nēyd 'вращаться, бродить');

2) родовая дифференциация полностью не распространяется на все глаголы непереходного значения. Определенное количество глаголов, являющихся по семантике непереходными, по роду не изменяются. Например: ш.-бдх. wārv : wārvd, р. wārv : wirvd, х. wārv : wirvd, З ед. наст. ш.-бдх. wōrvd, р.-х. warvd, warvd; перф. ш.-бдх. wīrvj, р. wirvj, х. wīrvj 'кипеть'; ср. его каузативную форму: ш.-бдх. wārv : wērvd, warvēn : warvēnt, р.-х. warvēn : warvēnt, перф. ш.-бдх. wārvj, warvēn, р.-х. warvēn 'кипятить', 'варить'; ш.-бдх. waz : wāxt, р.-х. wāz : wāxt, З ед. наст. ш.-бдх. wōzd, р.-х. wāzd, перф. ш.-бдх. wīxč, р.-х. wāxč 'купаться'; – ср. каузатив: ш.-бдх. wēz : wēzd, перф. wēzj 'сплавлять', 'погружать (в воду)' и т.д.

В целом изменяющиеся по роду глаголы представляют собой особую группу слов, противостоящих структурно и семантически остальным подклассам недифференцированных по роду глаголов.

из всего вышеизложенного вытекает задача данного раздела – детальное описание родовой перегласовки в сравнительном, а в необходимых случаях также и историческом аспектах с целью установления закономерных соответствий родовых чередований, а также выявление сущности, расхождений и отклонений между языками и диалектами шугнанс-руманской группы по отражению в каждом из них родового противопоставления.

Выражение категории рода в глагольной системе в историческом плане восходит к старым родовым суффиксам причастия прош. времени на *-ta- (муж.) и *-tā- (жен.), однако дальнейшее развитие родоразличения в глаголе, как впрочем и в именах, происходило на собственно памирской почве в зависимости от так называемой умлаутной перегласовки.

Родовая перегласовка в основе прошедшего времени

§ 41. Носителем различия рода в основе прош. времени является корневое чередование гласных. Глагольная родовая перегласовка в основном аналогична родовому чередованию в именах. Типы чередования родовой перегласовки почти те же, что и в именах. Однако в ряде случаев наблюдается отличие между родовым чередованием в именах и глагольных основах, особенно в перфектных основах, в которых категория рода наряду с корневой огласовкой выражается еще и чередованием исходных согласных. Ниже по каждому типу родового чередования гласных приводятся соответствующие таблицы, в которых указаны различающиеся по роду основы прош. времени с основным вариантом перевода.

По характеру корневых гласных в дифференциации глаголов по роду, а также в зависимости от расхождения языков и диалектов по реализации родовой перегласовки выделяются пять

типов и несколько их вариантов родовой перегласовки.

§ 42. Первый тип родовой перегласовки имеет следующую модель: муж. и / жен. а. Этот тип родового чередования является наиболее универсальным и распространенным грамматическим средством как в системе родовой перегласовки имен, так и в глагольных основах. О жизнеспособности данной родоразличающей модели свидетельствует еще тот факт, что перегласовка муж. и / жен. а получила широкое распространение также и в звукоподражательных и изобразительных словах.

Модель муж. и / жен. а выделяется среди остальных типов родовой перегласовки тем, что она объединяет все языки и диалекты шугнанс-руманской группы. Расхождения между языками и диалектами по реализации этой модели весьма незначительны.

Все изменяющиеся по роду глаголы с перегласовкой муж. и / жен. а по структуре основы распадаются на две подгруппы: 1) основы с одним исходным согласным (типа *vad* 'гнил', жен. *pad*) и 2) основы с двумя исходными согласными (типа *tukt* 'дрался', жен. *taxt*).

Глаголы первой группы представлены в табл. I2, а глаголы второй группы – в табл. I4.

Для показа исторической судьбы изменяющихся по роду форм каждый глагол по возможности сопровождается этимологическими данными в форме исторического причастия прош. времени муж. рода на *-ta- и корня в средней степени огласовки (напр. *-vūta-, *Vbav* к глаголу *vad* 'был', жен. *vad*; *šuta-, *Všav* к *sut* 'ушел', 'стал', жен. *sat*; *puta-, *Vpav* к *vad* 'стгнил', жен. *pad*). Форма женского рода древнего причастия, образующаяся с помощью того же суффикса, но с долгим исходным а в виде *-tā- (*vūta-> *vad* 'была', *šuta-> *sat* 'стала', *puta-> *pad* 'стгнила') в таблицах не указывается. В некоторых случаях (главным образом, при отсутствии для причастия установленной достоверной праграммы) даются засвидетельствованные формы презенса.

§ 43. По глаголам, помещенным в табл. I2, можно заключить следующее: перегласовка муж. рода и / жен. а точно совпадает по языкам и диалектам шугнанс-руманской группы. В двух

Таблица I2

Язык	Основа прош. времени		Перевод	Исторические соответствия
	муж.	жен.		
ш.-р.гр.	sut	sat	становиться, идти	ав. *auta-, $\sqrt{b(y)av}$
ш.-бж., х., б.-рив.	vud	vad	быть	ав. *buta-, $\sqrt{bav}$
р.	vid	vid		
ш.-р.гр.	pud	pad	гнить	*puta-, ав. puua-, $\sqrt{par}$
ш.-р.гр.	firud	firad	полоскать	*fruta-, ав. kaу-зати ² , fravaya-, $\sqrt{frav}$
ш.-р.гр.	sud	sad	гореть, сгорать	*zuta-, $\sqrt{zav}$
ш.-р.гр.	pišud	pišad	развлекаться, утешаться	*pati-xuta-, pati-xawa-, xawa-, xawaya-
ш.-р.гр.	wizud	wizad	потухать, гаснуть	*vi-zuta-, ср.и.-е. *gheu-, $\sqrt{wyz'w}$, $\sqrt{zav}$
ш.-р.гр.	sirud	sirad	отделяться, разединяться	*us-ravaya-
ш.	birud	birad	отнимать от груди, прекратить сосать (грудь)	*apa-rabaya-?

случаях обнаруживается расхождение: I) рододифференцированный в подавляющем большинстве языков глагол vud 'был', жен. vad 'была', играющий определенную синтаксическую роль в уточнении категории рода имен (подлежащих), в руманском не подвергается родовому изменению (ср. р. yā ūanak ar tagōv vid; ш. yā ūnik ar tagōv vad 'та женщина находилась внизу'). В перфекте указанный глагол и в руманском изменяется по роду (муж. vij 'был', 'находился', жен. vic).

2) Глагол birud 'прекратил сосать (грудь матери)', жен. birad² характерен для шумганского языка. В остальных языках в данном значении употребляется глагол sirud 'отделился', жен. sirad (ср. р. yā ūababis az bač sirud, ш. uč ūababis az biš sirud '(тот) ребенок (мальчик) перестал сосать грудь' (букв. отделился от груди); р. yā ūacbis az bač sirad, ш. yā ūacbis az biš sirad '(та) девочка перестала сосать грудь').

В историческом плане родовая модель ш/а в вышеприведенных глаголах (табл. I2) отражает др.-ир. *u, *ū от корней с сонантом *v(w). В нейтральном положении исторические *u, *ū дают огласовку для мужского рода (*šuta-> sut 'стал', *būta-> vud 'был', а в положении а-умлаута - огласовку для женского (*šutā-> sat 'стала', *būtā-> vad 'была').

К рассматриваемому типу примыкает еще один глагол с не вполне ясной этимологией: ш.-р. ziben : zibud, к.zibed 'пр-

---

² Глагол sirāw : sirud, жен. sirad в значении 'отделяться', 'выделяться' встречается во всех языках шумгано-руманской группы (ср. ш. ūiž'j az mōl-and sirud, р. маюj az mōl-and sirud 'баран отделился от стада овец'). Несмотря на это, отметим, что предположение Г. Моргенштерне (1974, 20) об этиологической связи ш. birāw : birud, жен. birad с глаголом ш.-бж. rāv : rivd, р. rāv : rivd 'сосать' подтверждается еще бартангским вариантом: birāv : birēvd 'сосать'.

Сонант -w (в глаголе birāw) вместо ожидаемого -v (birāv) мог возникнуть значительно позже по аналогии с глаголами, приведенными в табл. I2 (типа ш.-бж. pišaw, р.-х. rišiw : pišud, к. pišad 'утешаться'; ш.-бж. ūaw, р.-х. ūew : ш.-р. gr. ūud, к. ūad 'гореть').

гать'. Для него предлагаются две исходные прамформы: *nača-pat-, *Vrat* (Соколова, 1967, § 107 и прим. 46 на стр. 36) и *uz-wan- (Моргенштерн, 1974, 107). В данном случае, как можно заметить, родовая перегласовка u/a в отличие от вынужденных в табл. 12 глаголов отражает историческое *a.

В специальном объяснении нуждается приводимое нами ниже в таблицах 13, 15, 19, 22, 25 сопоставление различающихся по роду непереходных глаголов и безразличных к родовому изменению каузативных форм.

§ 44. Родовое противопоставление в глагольной системе проявляется в следующих трех аспектах:

- 1) в противопоставлении форм мужского и женского в пределах одного глагола: *sut* 'ушел' - жен. *sat* 'ушла';
- 2) в противопоставлении изменяющегося по роду непереходного глагола и его переходной не изменяющейся по роду каузативной пары: и.-бж., р.-х. *rišud* 'развлекался', жен. *rišad* 'развлекалась' - и.-бж. *rišewa*, р.-х. *rišewt*, *rišewd* 'развлекал(а)', 'развлекает'.

3) в оппозиции двух классов глаголов - непереходных рододифференцированных и нерододифференцированных глаголов переходного значения (как каузативных, так и прочих переходных глаголов).

Вышеизложенные факты свидетельствуют о том, что развитие и активизация класса каузативов и вообще переходных глаголов теснейшим образом связана с обособленностью изменяющихся по роду форм - как особого класса глаголов с непереходной семантикой. Каждому изменяющемуся по роду глаголу противостоит по форме и семантике каузативная пара или другой глагол с переходным значением. Именно поэтому представляется целесообразным завершить анализ каждого типа перегласовки в рододифференцированных глаголах сопоставлением их каузативных форм.

§ 45. В древнеиранских языках, в частности в языке Авесты, глагольные основы на -aya- 'имели по преимуществу значения интенсивности и переходности. Поэтому они закрепились в значениях интенсивов рядом с другими переходными основами того же корня и в значении каузативов

ти в о в рядом с непереходными основами". Например *BARA-* 'нести', *BARAYA-* интенсив от *BARA-*; *TARSA-*, *✓ TReS* 'браться', каузатив *TRÄSAYA-* 'пугать'. Однако в целом каузативы на -aya- в древних языках не получили достаточного развития и "не стали генеральной формой" (Соколов, 1961, 87).

В памирских языках, особенно в мундганской и шугнанско-руманской группе каузативные глаголы стали весьма продуктивными. При этом интенсивное развитие каузативных глаголов в шугнанско-руманской группе языков тесно связано с дифференцированными по роду непереходными глаголами.

Вопрос о каузативных глаголах в общих чертах был затронут как при монографическом описании языков и диалектов шугнанско-руманской группы (Карамшоев, 1963, 165-167, 295-297; Файзов, 1966, 119-120; Карамхудоев, 1973, 147-148; Курбанов, 1976, 129-130), так и при изучении названной языковой группы в сравнительном и сравнительно-историческом аспектах (Соколова, 1973, §§ 98-106). При анализе внешней структуры и выделении каузативов среди прочих глаголов не всегда мнения исследователей шугнанско-руманской группы совпадали. Так, например, Н. Карамхудоев и М. Файзов под настоящими каузативами понимают только формы с суффиксами -ēn, -ōp (Карамхудоев, 1973, 148; Файзов, 1966, 119). Доказано, однако, что эти суффиксы - поздние образования (Соколова, 1973, 138), к тому же они более характерны для западноиранских языков (Пирейко, 1975, 330). Восточноиранские каузативные глаголы, в том числе и каузативы языков и диалектов шугнанско-руманской группы с различной внутренней перегласовкой восходят, как правило, к древним основам на -aya- типа: и.-бж. *rēw*, р.-х. *rēw* 'гноить', 'заквашивать' (*rāvaya-, *Vrat*) - каузатив к различающему род глаголу и.-бж., р.-х. муж. *rud* (*puta-), жен. *rad* (*putā-) 'гнить', 'заквашиваться'.

§ 46. Подробный разбор каузативов непосредственно не входит в задачу данного исследования, и проводимый ниже анализ преследует одну цель - показать оппозицию непереходных родовых глаголов и их каузативных (переходных) недифференцированных по роду пар. Для противопоставления двух только что упомянутых классов глагола привлекаются в основном материали

Таблица I3

шугнанского языка и его баджувского диалекта, так как они наиболее богаты каузативными формами и к тому же выделяются архаичностью. Лишь при отсутствии в шугнанском и баджувском соответствующих каузативов используются данные других языков рассматриваемой группы. По каждому типу родовой перегласовки ниже приводятся таблицы, в которых каждый изменяющийся по роду непереходный глагол сопоставляется со своей каузативной и переходной по семантике парой. При этом переводом снабжаются только каузативные глаголы, так как значение родовых форм было уже указано раньше в предшествующих таблицах.

Как явствует из табл. I3, на долю почти каждого изменяющегося по роду глагола приходится каузативная пара. Так, из десяти различающихся род глаголов восемь располагают каузативными формами и лишь два глагола (*sut* 'стал', ж. *sat*; *vud* 'был', ж. *vad*) не имеют соответствующего противополагающегося каузатива. Непереходному дифференцированному по роду глаголу *sut* 'стал', 'становился', жен. *sat* противопоставляется вспомогательный глагол *kin* : *cūd* 'делать' с переходным значением³ (ср. ш. *mōšin wērūn sat* 'машина испортилась' - *mōšin-at wērūn cūd* 'ты испортил машину'). В целом, только глагол *vud* 'был', жен. *vad* остается вне оппозиции.

§ 47. Каузативные формы, противопоставляющиеся дифференцированным по роду глаголам, формально распадаются на две основные группы: I) формы с внутренней сильной огласовкой: ш.-бдж. ē, р.-х. ē, исторически восходящие к древним основам на -aya- типа ш.-бдж. *sirēw* : *sirēwd*, р.-х. *sirēw* : *sirēwt* (*us-rāwaya-) 'отделять' к ш.-бдж., р.-х. муж. *sirud* 'отделился', жен. *sirad* 'отделилась'; II.-бдж. *wizēw* : *wizēwd*, р.-х. *wizēw* : *wizēwt* (*wazaya-?) 'гасить', 'тумить' к

³ Вспомогательный глагол *kin* : *cūd*, р.-х. *kin* : *cūg* в руманском при непереходном значении подвергается родовому изменению (см. § 64).

Основа прош.вр.		Каузативные основы (наст.:прш.)	Перевод каузатива
муж.	жен.		
ш.-бдж. <i>pud</i>	<i>pad</i>	<i>pēw</i> : <i>pēwt</i>	гноить, заквашивать
<i>pišud</i>	<i>pišad</i>	<i>pišēw</i> : <i>pišēwt</i>	развлекать
<i>firud</i>	<i>firad</i>	<i>firēw</i> : <i>firēwt</i>	полоскать
<i>čud</i>	<i>čad</i>	<i>čēw</i> : <i>čēwt</i>	зажигать
<i>wizud</i>	<i>wizad</i>	<i>wizēw</i> : <i>wizēwt</i>	гасить
<i>sirud</i>	<i>sirad</i>	<i>sirēw</i> : <i>sirēwt</i>	отделять, выделать
ш. <i>birud</i>	<i>birad</i>	<i>birēw</i> : <i>birēwt</i>	отделять, отнимать (от груди)
ш.-бдж. <i>zibud</i>	<i>zibad</i>	<i>zibēw</i> : <i>zibēnt</i>	заставлять прыгать

непереходному глаголу муж. ш.-бдж., р.-х. *wizud* 'потух', жен. *wizad* 'потухла'; 2) формы с каузативным суффиксом ш.-бдж., р.-х. ī-ēn, б.-рив. -ōl типа ш.-бдж., р.-х. *zibēn* : *zibēnt*, б.-рив. *zibōn* : *zibōnt* 'заставлять прыгать' к ш.-бдж., р.-х. б.-рив. муж. *zibud* 'прыгнул', жен. *zibad* 'прыгнула'.

В редких случаях каузативные основы могут иметь иную огласовку, например: ш.-бдж. ī, р.-х. ī: ш.-бдж. *yibūx* : *yibūt*, р.-х. *yibūk* : *yibūkt* 'сузить' к муж. ш.-бдж., р.-х. *yibūt* 'сузился', жен. *yibāt* 'сузилась'.

Основным внешним признаком каузативов является сильная i-умлаутная огласовка, которая в шугнанском и баджувском реализуется через открытую ē, в руманском и хуфском - через закрытое ē, а в бартангском и роморвском передается гласными ā, ī.⁴ (ср. ш.-бдж. *čēw* : *čēwd*, р.-х. *čēw* : *čēwd*, б.-рив.

⁴ В бартангском, как отмечает В.С.Соколова, сильная ог-

ə́w : ə́wd 'жечь' к ш.-бдх. ə́w : ə́d, жен. ə́d, р.-х., б.-рмв. ə́w : ə́d, жен. ə́d 'гореть').

Каузативная огласовка ш.-бдх. ё в положении перед -и, -и сужается в ё и сохраняется в каузативных суффиксальных элементах⁵ (ш.-бдх., р.-х. warvēn : warvēnt, б.-рмв. warvōn : warvōnt 'кипятить', ш.-бдх., р.-х., б.нідēmb : nіdēmt 'прилипать'), а в ряде глаголов формант -ён непосредственно входит в состав глагольных основ и тем самым обеспечивается переходность в значении глагола (ш.-бдх., р.-х. divēn : divēnt 'взять' при б.-рмв. divōn : divōnt; ш.-бдх., р.-х. ri-jēn : rījēnt 'нанизывать'; bi-jēn : bījēnt 'трясти дерево', бдх., р.-х. sipēn : sīpēnt 'черпать' при б.-рмв. sīpōn : sīpōnt).

§ 48. Другая (вторая) группа изменяющихся по роду глаголов отличается от вышерассмотренных в табл. I2 в синхронном плане сочетанием исходных согласных -xt в основе прош. времени вместо -d. Модель же родовой перегласовки u/a остается без изменения только для шумганского и баджувского. В остальных языках в огласовке глаголов жен. рода в ряде случаев реализуется долгое ā. Модель родовой перегласовки рассматриваемой группы глаголов имеет по языкам следующий вид (примеры см. в табл. I4).

Муж. род			Жен. род		
ш.-бдх.	р.-х.	б.-рмв.	ш.-бдх.	р.-х.	б.-рмв.
u	u	u(ō)	a	a(a)	a(a)

гласовка как примета каузативных глаголов ослаблена, поскольку ё встречается и в основах глаголов непереходного значения: б. wōr : wōrt 'выскакивать', б.wōx : wōxt 'падать' при ш.-бдх. zēr : zērt, wōx : wōxt (Соколова, 1973, II6 и след.).

5 О каузативных суффиксах в шумгано-руманской группе см. Соколова, 1973, §§ 151-155.

Исторически эта родовая перегласовка отражает два исходных источника:

1) огласовку от корней с союнтом г, типа *trd, √tard : zidukt (*hača-tarda-) 'оторвался', жен. zidaít (*hača-tarda-) 'оторвалась';

2) а-огласовку от корней типа √vaz : ш.-бдх. riwuit (*vašta-) 'улетел', жен. riwakt (*vaštā-, ав. vaštā-) 'улетела'.

Таблица I4

Язык	Основа прош.вр.		Перевод	Исторические соответствия
	муж.	жен.		
I	2	3	4	5
ш.-бдх.	riwuit	riwakt		*fra-vaz, ав. vāsta-, √vaz
р.-х.	rawuit	rawaít		
б.-рмв.	rawoít	rawait	летать	
ш.-р.гр.	tuit	tait	драться	др.-инд. tr̥dha-, √tard
ш.-р.гр.	zidukt	zidaít	оторваться, отрываться	от того же √tard с префиксом *hača-, т.е. *hača-tard-
ш.-бдх.	aruít	araít		*fra-rašta-√raz,
р.-х.	aruít	araít	подниматься, вздыхаться	*ā-ras-
б.-рмв.	aruít	araít		
ш.-р.гр.	ziyuít	ziyait	высыхать, выгорать	ав. hušata-, √haš; *uz-hušta
ш.	nixuit	nixaít	обрушиться	ав. karet-, др.-инд. kartati-, kartati-, √kart?
бдх., х.	rixuit	rixaít	обвалиться	

Продолжение табл. I4

I	2	3	4	5
р., б.-рмв.	raхuxt	raхaxt		
и.	pirxuxt	pirxaxt		возможно от того же <i>Vkart</i> (см. предшеств.)
бдх.	parxuxt	parxaxt		
р.	parxuxt, paraxuxt	parxaxt, paraxaxt, paraxaxt	заболеть, ухудшиться (о здоровье)	
х., б.-рмв.	paraxuxt	paraxaxt		
ш.-бдх.	paruxt	paraxt	вскочить	возможно, от
р.	paruxt	paraxt ⁶	брьзгаться	<i>Vvart</i>
ш.-бдх.	parwuxt	parwaxt ⁷	перевернуть- ся,	ав. <i>vareta-</i> , др.- инд. <i>vartati-</i> ,
б.-рмв.	parwuxt	parwaxt	свалиться	<i>Vvart</i>
р.-х., б.-рмв.	warwuxt	warwaxt	переворачи- ваться с бока на бок ⁸	

⁶ В бартангском и роморском в этом значении употребляется глагол *raхoxt*, жен. *raхaxt*; рмв. *ҳас ра шин raхaxt* букв. 'вода на меня брызгалась'.

⁷ В рушанском и хуфском не засвидетельствован.

⁸ В шугнанском в этом значении употребляется неодифференцированный по роду глагол *расwarxt* 'переворачиваться (с бока на бок)', 'страдать бессонницей'. Однако каузативная форма к *warwuxt*, жен. *warwaxt* засвидетельствована во всех сравниваемых языках: ш.-бдх. *warwex* : *wagwex*, р.-х., б.-рмв. *warwext*.

I	2	3	4	5
ш.-р.	<i>yibuxt</i>	<i>yibaxt</i> ⁹	сужаться, уменьшаться ростом	

По этому же типу идет глагол со спорной этимологией ш.-р. гр. *viruxt* 'сломался', жен. *viraxt* (по Соколовой, 1967, 60: **brišta-*, а по Моргенштерне, 1974, 85: **braša-*; ср. ав. *bray-* 'резать' и *Vraeš*).

Огласовка муж. рода в основе прош. времени отражает исходный гласный суффикса древнего причастия *-ta- в нейтральном положении: *riwuxt* 'улетел' (**vašta-*), положение а-умлаута дает огласовку для женского рода: *riwaxt* 'улетела' (**vaš-ta-*).

По рассмотренному типу адаптирован заимствованный из таджикского глагол ш.-р. гр. *žikuft*¹⁰ 'расцвел', жен. *žikift* 'расцвела'.

§ 49. Из данных табл. I4 можно отметить следующее:

По огласовке мужского рода шугнанский, баджуский, рушанский и хуфский точно совпадают, так как во всех глаголах реализуется и. Бартангский и роморский при сохранении этой огласовки в большинстве глаголов в редких случаях допускают

⁹ В роморском языке не засвидетельствован. Указанный глагол с неясной этимологией по своему внешнему облику примыкает к данному классу, хотя его каузативная форма несколько иная, чем у других вышеприведенных глаголов (см. табл. I5). Ср. ш.-бдх. *yibuxt*, р.-х., б.-рмв. *yibuxt* : *yibukt* 'сужаться'.

¹⁰ Данный глагол упоминается В.С.Соколовой как заимствованный из таджикского *žikuftam* 'расцветать', 'распускаться' (Соколова, 1967, § 107). Г.Моргенштерне по поводу заимствования указанного глагола высказывает некоторые сомнения (Моргенштерне, 1974, 102).

Таблица 15

специфическую огласовку ё (б.-рив. *raŋoɪt* 'улетел' при ш.-бдх. *riwuit*, р.-х. *rawuit*, б.-рив. *aŋoɪt* 'улетел' при ш.-бдх. *riwuit*, р.-х. *rawuit*; б.-рив. *aŋoɪt* 'вздыбился' при ш.-бдх., р.-х. *aruit*); в одном глаголе наблюдается параллельное использование и ё (б.-рив. *parwuit* // *parwoɪt* 'перевернулся' при ш.-бдх. *parwuit*).

В передаче огласовки женского рода мугнанский и баджувский выделяются сохранением а-огласовки во всех глаголах. Эта огласовка используется в подавляющем большинстве глаголов остальных языков — руманского, хуфского, бартангского и роморвского. Однако следует особо подчеркнуть, что в этих языках и диалектах хотя и редко, но все же в ряде глаголов сохраняется легкий ё — исторически основная примета женского рода; ср. р.-х., б.-рив. *rawaɪt* (*vaštā) 'улетела', б.-рив. *parwāɪt* 'перевернулась', р.-рив. *paraxāɪt* // *paraxāɪt* 'заболела').

§ 50. Изменяющимся по роду непереходным глаголам, помеченным в табл. I4, противопоставляются каузативные глаголы (табл. I5). Из всех приведенных в табл. I4 различающихся род форм только два глагола не имеют противополагающейся переходной пары (ш.-бдх., р.-х. *axuit*, жен. ш.-бдх. *agaɪt*, р.-х. *axāɪt*, б.-рив. муж. *aŋoɪt*, жен. *agaɪt* 'встать на дыбы', 'вздыбиться'; ш.-бдх., р.-х. *parwuit*, жен. ш.-бдх. *paraɪt*, р.-х. *parāɪt* 'вскочить'). Остальным родовым формам противостоит соответствующая каузативная пара; тем самым осуществляется четкое противопоставление изменяющихся по роду непереходных и переходных каузативных глаголов (см. табл. I5).

Как видно из таблицы I5, каузативные глаголы по образованию мало отличаются от глаголов, приведенных в табл. I3. Основным внешним признаком каузативов так же и здесь является i-образная огласовка через корневую ш.-бдх. ё, р.-х., б.-рив. ё (ср. ш. *nixəɪt* : *nixərət*, бдх. *rīxəɪt*, *rīxərət* : *rīxərət*, *rīxərət*, р.-х., б.-рив. *gaxēɪt* : *gaxērət*, х. *rīxēɪt* : *rīxērət* 'обрушиваться' к родовому глаголу ш. *nixuit*, х., бдх. *rīxuit*, р., б.-рив. *gaxuit*, жен. ш. *nixaɪt*, х., бдх. *rīxaɪt*, р., б.-рив. *gaxaɪt*). Другая модель каузативной формы образуется посредством суффикса ш.-бдх., р.-х. -en, б.-рив. -on

Основа прош. вр.		Каузативные основы (прш.: наст.)	Перевод каузатива
муж.	жен.		
ш.-бдх.	ш.-бдх.	ш.-бдх.	
<i>riwuit</i>	<i>riwāɪt</i>	ш.-бдх. <i>riwəz:riwəz̩d</i> , бдх. <i>riwazən:riwazənt</i>	заставлять летать
<i>tuɪt</i>	<i>taɪt</i>	<i>tarbən</i> : <i>tarbənt</i>	стравливать, принуждать драться
<i>ziduɪt</i>	<i>zidaɪt</i>	<i>zidərb</i> : <i>zidəb̩d</i>	отрывать, разрывать
<i>ziyuɪt</i>	<i>ziyaɪt</i>	ш. <i>ziyēv</i> : <i>ziyēv̩d</i> , бдх. <i>ziyēw:ziyēwd</i> , ши. <i>ziyawēn:ziyawēnt</i> ¹¹	заставлять сохнуть, сушить
ш. <i>nixuit</i> бдх. <i>rixuit</i>	<i>nixaɪt</i>	ш. <i>nixərət</i> : <i>nixərət̩</i> , бдх. <i>rīxərət</i> , <i>rīxərət̩</i>	обрушивать разрушать
<i>parwuit</i>	<i>parxaɪt</i>	<i>parxər</i> : <i>parxərət</i> (?), <i>parxərən:parxərənt</i>	заставлять заболеть
<i>parwuit</i>	<i>parwaɪt</i>	<i>parwək</i> : <i>parwəkt</i>	сваливать, переваливать
<i>warwuit</i>	<i>warwaɪt</i>	<i>warwək</i> : <i>warwəkt</i>	переворачивать
<i>yibuit</i>	<i>yibaɪt</i>	<i>yibūk</i> : <i>yibūkt</i>	сужать
<i>viruit</i>	<i>viraɪt</i>	ш. <i>virai</i> : <i>viruɪt</i> бдх. <i>viraw</i> : <i>viruɪt</i>	ломать, разбивать

(ш.-бдх., р.-х. *tarbən* : *tarbənt*, б.-рив. *tarbōn* : *tarbōnt* 'стравливать' к глаголу ш.-р. *tuɪt* 'дрался', жен. *taɪt*). Наряду с этим среди рассматриваемых глаголов есть каузативная форма с корневым ш.-бдх. ё, р.-х., б.-рив. ё (ш.-бдх. *yibui*:

II В мугнанском не зафиксирован.

γίβιχт, р.-х., б.-ршв. *γίβιχ* : *γίβιχт* 'сужать' к различающему род глаголу ш.-р. гр. *γίβιχт* 'сузился', жен. *γίβαχт*). Родоизменение глаголу ш.-р. гр. *γίριχт* 'сломался', жен. *γίραχт* противостоит не каузативная модель, а совпадающая нерасчлененная основа наст. и прош. времени. Грамматически это два глагола, противостоящих один другому по переходности и непереходности, причем в 3 л. ед.ч. наст. времени (в шугнанском и хуфском также и при основе наст. времени) оба глагола дифференцируются по роду. Ср. непереходный глагол ш. *γίραχт*, бдж., р.-х. *γίραχт*; ш.-р. гр. *γίριχт*, жен. *γίραχт*; 3 л. ед.наст. ш.-бдж. *γίρογιд*, р.-х. *γίρωχт*, *γίρωд* 'сломаться', 'разбиваться' к переходному ш. *γίραχт*, бдж. *γίραхт*: ш.-бдж. *γίριχт*; р.-х. *γίρанд* : *γίρиχт*; 3 л. ед.наст. ш.-бдж. *γίριгид*, р. *γίρинт*, х. *γίρинт* 'сломать', 'разбивать'.

В саджувском диалекте, как можно видеть из табл. I5, каузативная форма с суффиксом -ēn- более употребительна, чем в шугнанском (ср. ш.-бдж. *γιώεз* : *γιώεзд*, бдж. также *γιωазен* : *γιωазент* 'заставить летать' и т.д.).

§ 51. В целом все языки и диалекты по реализации родовой модели *u//a* весьма близки и в большинстве случаев совпадают. Подобное совпадение можно объяснить той уже установленной закономерностью, что краткие гласные *u*, *a*, *i* во всех языках и диалектах шугнано-рушанской группы реализуются одинаково (Соколова, 1953, 126-128), поэтому родовые модели *u/a*, *u/i* являются общими для всех языков и диалектов. При этом можно отметить, что когда в родовой дифференциации участвуют специфические и характерные тому или другому языку и диалекту краткие фонемы (напр. р.-х. *o*, х. *æ*), то в этом случае, естественно, им будут соответствовать в других языках гласные иного качества и, следовательно, между языками и диалектами обнаруживаются закономерные расхождения.

Что касается долгих гласных, участвующих в родоизменении глагольных основ (впрочем, как и в именах), то в этом случае наблюдаются сходения между сравниваемыми языками. Межязыковые родовые соответствия носят закономерный характер и не выходят за рамки основной системы соответствий вокализма. Рассматриваемые ниже типы изменяющихся по роду гла-

гольных основ убедительно свидетельствуют о закономерном соответствии родовой перегласовки в языках и диалектах шугнано-рушанской группы.

§ 52. Второй тип родовой перегласовки в зависимости от его реализации по языкам и диалектам имеет следующие два варианта.

Первый вариант характеризуется совпадением всех языков и диалектов по огласовке женского рода и их значительным расхождением по мужской огласовке, при которой каждая языковая группа имеет собственную огласовочную модель, что видно из следующей схемы:

	ш.-бдж.	р.-х.	б.-р.
муж.	ī	o	ō
жен.	ā	ā	ā

Рассматриваемая перегласовка имеет широкое словарное распространение при именах (см. §§ 16-23), но в глаголе охватывает относительно ограниченное количество слов (засвидетельствовано всего пять глаголов). Родовая огласовка здесь по сравнению с именами проявляется более четко и без особых отклонений.

Родовые основы прошедшего времени рассматриваемой модели перегласовки представлены в табл. I6.

§ 53. Как известно из табл. I6, различная по языкам огласовка муж. рода имеет закономерные соответствия, восходящие исторически к одному источнику - древнему *a. Следовательно, в диахронном аспекте все языки и диалекты объединяются. Расхождения между языками связаны с различными результатами отражения исторического *a в нейтральном положении, давшим огласовку для муж. рода: ш. *naʃfid*, *niʃfid*, бдж. *narfid*, р.-х. *nawfod*, б.-ршв. *nawfod* 'выихнулся' (**niʃ-fata-*), р.-х. *poxt*, б.-ршв. *poxt* 'сварился', 'поспел' (**raxta-*).

Положение а-умлаута дает всюду одинаковый результат и потому в огласовке женского рода все языки и диалекты совпадают: ш. *naʃfād*, *niʃfād*, бдж. *narrād*, р.-х., б.-ршв. *naʃ-*

Таблица 16

Язык	Основа пром.вр.		Перевод	Исторические соответствия
	муж.	жен.		
ш.	naifid	naifad	вывихиваться,	*niš-fata-, ✓fan
	niſfid	niſfad	выдергиваться	
бдк.	narfid	narfad		
	naſfid	naſfad		
р.-х.	nawfod	nawfad		
б.-ршв.	nawfod	nawfad		
ш.-бдк.	sifid	sifad		
р.-х.	sifod	sifad	подниматься	*us-patta-, ✓pat
б.-ршв.	sifod	sifad		
ш.-бдк.	naſjid	naſjad	проходить	*niž-gata- или же *niž-gasa-
р.-х.	nawzod	nawzad		
б.-ршв.	nawzod	nawzad	переходить	
ш.-бдк.	pəxt	pəxt	вариться,	*paxta-, ав. pača-
р.-х.	poxt	pəxt	поспевать	✓pak
б.-ршв.	poxt	pəxt		
ш.-бдк.	viwid	viwad	отказаться,	
р.-х.	viwod	viwad	обижаться	
б.-ршв.	viwōd	viwad		

fad 'вывихнулась' (*niš-fata-), р.-х., б.-ршв. pəxt 'поспела', 'сварилась' (*paxta-).

Как видно из табл. 16, в шугнанском и баджувском глагол pis : pəxt 'вариться', 'поспевать' не имеет родового различия. В данном случае показателен факт сохранения в шугнанском и

баджувском формы муж. рода, что не трудно узнать по модели различающихся по роду прилагательных типа муж. ш.-бдк. čəxt, р.-х. čoxt, б.-ршв. čoxt 'согнутый', 'кривой', жен. ш.-бдк., р.-х., б.-ршв. čäxt 'согнутая', 'кривая'.

§ 54. Второй вариант родовой перегласовки имеет по языкам следующий вид:

ш.-бдк.	х.	р.	б.-ршв.
муж.	ī	ū	ö
жен.	ö	ā	ā

Глаголы указанной модели представлены в табл. 17.

Этот вариант в отличие от первого при огласовке мужского рода дает в шугнанском, баджувском и хуфском ī, а в остальных языках сохраняется прежняя модель. При огласовке женского рода языки и диалекты также делятся на две группы: руманский вместе с бартангским и роморвским сохраняет ā-огласовку, а в шугнанском, баджувском и хуфском возникает долгое ö.

Как видно из табл. 17, расхождения в родовой перегласовке по языкам здесь наряду с действием умлаута связаны еще с положением гласных перед двумя согласными (но не перед увularными, где обычно происходит расширение гласных): в шугнанском, баджувском и хуфском в положении а-умлаута перед двумя согласными обнаруживается сужение ā>ö: ш.-бдк. ričost, х. racost при р., б.-ршв. räcast 'убежала' (*us-rasta-).

Нейтральное положение дает огласовку муж. рода, при которой в шугнанском и баджувском на месте ī возникает ū, а в хуфском вместо ожидаемого o также появляется ū; в руманском, бартангском и роморвском изменений не происходит (ср. ш.-бдк. ričust, х. racust при р. racost, б.-ршв. racost 'убежал' (*us-rasta-)).

Использование в этом варианте огласовки ш.-бдк. ū вместо ī (при первом варианте) в какой-то степени может свидетельствовать о тенденции шугнанского языка и баджувского ди-

Таблица I7

Язык	Основа прош.вр.		Перевод	Исторические соответствия
	муж.	жен.		
ш.-бдх.	nūst	nōst		*ni-hasta-, ав. hiða-; √had
х.	nūst	nōst	сидеть	
р.	nōst	nāst		
б.-ршв.	nōst	nāst		
ш.-бдх.	pirūst	pirōst		
х.	parūst	parōst	рваться	*pati-rasta- ¹² , ав. rada-, √rad
р.	parost	parāst		
б.-ршв.	parost	parāst		
ш.-бдх.	ricūst,	ricōst,		
х.	racūst	racōst	убегать	*us-rasta-, √rad ¹³
р.	racost	racāst		
б.-ршв.	racost	racāst		

алекта к выравниванию родовой огласовки по наиболее распространенной и-образной модели.

§ 55. В целом при втором типе для формы муж. рода сравниваемые языки и диалекты дают два вида огласовки (I-й вариант: і, о, ё; 2-й вариант ў, ө, ő); в форме жен. рода также два (I-й вариант: ӓ, 2-й вариант Ӧ,

¹² Этимология этого глагола спорна (см. Соколова, 1967, 26; Моргенштерне, 1974, 59).

¹³ Корень гад восстанавливается В.С.Соколовой на основании соответствия этого глагола изгулямскому гад:руст и ваханскому гад: ген (Соколова, 1967, 26 и прим. 9); о возражении Г.Моргенштерне см. Моргенштерне, 1974, 66.

а), что можно представить по языкам в виде следующей таблицы:

Таблица I8

Вариант	ш.-бдх.		х.		р.		б.-ршв.	
	род		род		род		род	
	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.
I-й	і	ӓ	о	ӓ	о	ӓ	Ӧ	ӓ
2-й	ү	Ӧ	ӱ	Ӧ	ӱ	Ӧ	Ӧ	Ӧ

Как видно из табл. I8, хуфский по второму варианту отличается от близкого ему рушанского и целиком совпадает с шугнанским и баджувским. Выражение жен. рода через ё-огласовку в этих только что указанных диалектах является относительным новообразованием, поскольку основной и более древней формой жен. рода является ӓ-огласовка. Следовательно, рушанский, бартангский и рошорвский в данном случае, имея для выражения жен. рода ӓ, проявляют известную архаичность.

§ 56. Всем рододифференцированным непереходным глаголам как в целом, так и каждому в отдельности (за исключением лишь одного глагола ш.-бдх. viwid, р.-х. viwod, б.-ршв. viwod 'отказался', жен. ш.-р. гр. viwād) противопоставляются не различающиеся по роду глаголы переходного значения. Каузативные формы к вышеуказанным в табл. I6 и I7 родовым глаголам приводятся в табл. I9.

Ниже следующий дифференцированный по роду в рушанском, хуфском, бартангском и рошорвском глагол не имеет соответствующего каузативного оформления: ш.-р. гр. pīs: р.-х. poxt, б.-ршв. poxt, ш.-бдх. rēxt 'сварился', 'поспел', жен. р.-х., б.-ршв. rāxt, ш.-бдх. rēxt, 3 л. ед. наст. ш.-р. гр. pist; перф. муж. р.-х. poxč, б.-ршв. poxč, ш.-бдх. rēxč, жен. р., б.-ршв. rēxč, х. rāxč, ш.-бдх. rēxč. Однако и ему противостоит форма переходного значения, которая только при основах

прош. времени и перфекта содержит нерасчлененную совпадающую форму, а основы наст. времени и 3 л. ед.ч. расчленены: ш.-бдх. *rīz*, р., б.-ршв. *rēz*, х. *ræz*: р.-х. *roxt*, б.-ршв. *roxt*, ш.-бдх. *rēxt*; 3 л. ед. наст. ш.-бдх. *rīzā*, р.-х., б.-ршв. *rēzā*; перф. р.-х. *roxt̚*, б.-ршв. *roxt̚*, ш.-бдх. *rēxt̚* 'печь', 'варить'.

Таблица 19

Основа прош.вр.		Каузативные основы		Перевод каузатива
муж.	жен.	наст. : прош.		
ш.-бдх.	ш.-бдх.	ш.-бдх.		
ш. <i>naħfīd</i> ,	<i>naħfad</i>	ш. <i>naħfēn</i> : <i>naħfēnt</i> ,		выдергивать,
niħfīd	<i>niħfad</i>	<i>niħfēn</i> : <i>niħfēnt</i>		вынимать, уда-
бдх. <i>narfīd</i>	<i>narfad</i>	бдх. <i>narfēn</i> : <i>narfēnt</i>		лять
<i>naħjīd</i>	<i>naħjād</i>	<i>naħżim</i> : <i>naħżimt</i>		переправлять
<i>sifīd</i>	<i>sifād</i>	<i>sifēn</i> : <i>sifēnt</i>		поднимать
<i>nūst</i>	<i>nōst</i>	<i>nēb</i> : <i>nēbd</i>		сажать
<i>pirūst</i>	<i>pirōst</i>	<i>pirēnd</i> : <i>pirēnt</i>		кусать, разры- вать
<i>ricūst</i>	<i>ricōst</i>	<i>ricēs</i> : <i>ricēst</i> (бдх. <i>ricasēn</i> : <i>ri-</i> <i>casēnt</i>)		заставлять убегать, про- гонять

Таким образом, противопоставление двух классов глаголов – редифференцированных непереходных и неродоизменяемых каузативных и вообще переходных пар также и здесь проводится довольно последовательно.

§ 57. Третий тип родовой перегласовки так же, как и ряд глаголов с моделью *w/a*, в диахронном плане реализуется в производных от корней с *a*-гласовкой.

В синхронном отношении рассматриваемый тип глаголов характеризуется сочетанием *-vd* при основе прош. времени, а так-

же совпадением всех языков и диалектов (кроме руманского) по согласовке муж. рода и сближением ряда из них по согласовке жен. рода. Внутри данного типа в зависимости от взаимоотношения языков и диалектов (т.е. их совпадения или расхождения) различаются два основных варианта.

§ 58. Первый вариант имеет по языкам следующие согласовки:

ш.	бдх.	х.	б.-ршв.	р.
муж. <i>ū</i>	<i>ū</i>	<i>ū</i>	<i>ū</i>	<i>u</i>
жен. <i>ō</i>	<i>ō(a)</i>	<i>ā(b)</i>	<i>ā</i>	<i>ā</i>

Эта модель родовой перегласовки распространяется всего на семь глаголов, представленных в табл. 20. Отличительная особенность данной группы глаголов наряду с расхождением в перегласовке заключается в консонантном исходе основы на *-vd*, от которого во многом зависит характер родовой согласовки.

Как свидетельствует табл. 20, структурно все глаголы однотипны. Среди них три глагола (ш. *bībūvd* 'закрылся', жен. *bībōvd*; *nībūvd* 'прицепился', жен. *nībōvd*, *rībūvd* 'прицепил-
ся', жен. *rībōva*) можно возводить к одному и тому же историческому источнику.¹⁴

¹⁴ Г. Моргенштерне на основании яgn. *badufs* : *badufa-*, согд. *rēwfs* : *rēwfa-*, перс. *nīhāmō* : *nīhūft* возводит *bībafc* : *bībūvd*, жен. *bībōvd* (ш.) в целом к **ura-dūfsa-*, но в то же время не исключает для него форму с *a*-гласовкой в виде *dāfsa-* (Моргенштерне, 1974, 18). Установление связи этого глагола с *nībafc* : *nībōvd* вполне обоснованно. К этим же глаголам мы можем отнести по происхождению еще ш.-бдх. существительное муж. рода *bāfsak*, язг. *bōfs* (бот.) 'кузинка', 'кольчики', прилипшие к одежде', перен. 'прилипчивый', 'нахальный', 'наязчивый', а также ш.-бдх. *rī-bāfsak*, р. *ra-bāfsak* 'за-

Таблица 20

Язык	Основа прош.вр.		Перевод	Исторические соответствия			
	муж.	жен.					
I			2	3	4	5	
ш.	bíðūvd	bíðōvd					
бдх.	bíðūvd	bíðāvd					
х.	bíðūvd	bíðāvd	закрываться (напр. о глазах)	*upa-dapta-, ср. ав.dapta-, $\sqrt{dap}$			
б.-ршв.	bíðūvd	bíðāvd					
ш.	níðūvd	níðōvd	прицепляться				
бдх.	níðūvd	níðāvd,	приставать,	*ni-dapta-, ср.			
х.	níðūvd	níðōvd,	заразиться,	ав.dapta-, $\sqrt{dap}$			
б.-ршв.	níðūvd	níðāvd,	схватиться,				
		níðāvd	драться				
ш.	ríðūvd	ríðōvd	прилипать,	*pati-dafsa-			
бдх.	ríðūvd	ríðāvd,	приклеиваться	или *pati-dufsa-			
х.	ríðūvd	ríðāvd	заразиться	ав.dapta-, $\sqrt{dap}$			
р.	raðūvd	raðāvd					
ш.-бдх.	wíruvd	wírovd					
х.	wíruvd	wírovđ					
б.-ршв.	wíruvd	wírávd,	стоять	(*ava-, *vi-) rapta-, $\sqrt{tar}$ или $\sqrt{tar}$, ав. гар-			
		wírovđ					

разный' (о болезни). При этом, поскольку глагол níðafsc : níðūvd, жен. níðōvd возводится к авестийскому причастию dapta- (Соколова, 1967, 26), то к этому же источнику можно возводить и две другие только что названные формы, весьма близкие как внешне, так и по содержанию. Начальные элементы bi-, ni-, ri- восходят к различным древним префиксам (возможно ni < *ni-, ri, bi < *ara-, *upa- и др.).

Продолжение табл. 20

I	2	3	4	5
р.	wíruvd	wírávd		
ш.	anjúvd	anjövd		
бдх.	injúvd	injövd		
х.	injúvd	injövd		
р.	injivd	injivd		
б.-ршв.	injivd	injivd		
ш.	sítuvd	sítövd		
бдх.	sítuvd	sítävd,		
х.	sítuvd	sítävd		
б.-ршв.	sítuvd	sítävd	жариться	
р.	sítuvd, sítävd	sítävd	печься	
ш.	círuvd	círövd		
бдх.	círuvd	círävd,		
х.	círuvd	círävd		
б.-ршв.	círuvd	círävd	саднить, щипать	
р.	círuvd, círävd	círävd		

Огласовка муж. рода в нейтральном положении восходит к древнеиранскому *a и во всех языках и диалектах (за исключением руманского, где возникает краткое u) перед -vd отражается через долгое ï (ш.-бдх., х., б.-ршв. bíðuvd, р. bíðuvd 'закрылся' - 'упа-dapta-'). Подобное расхождение по языкам в положении перед сочетанием -vd неслучайно. Руманский в отличие от других языков перед -vd не дает растяжения кратких также и в не изменяющихся по роду словах; ср. р. sívvd 'плечо' при ш.-бдх., х. sívd; р. tívd 'комар' при ш.-бдх., х. tívd; р. žívd 'молоко' при ш.-бдх., х. žívd и др.

Положение а-умлаута дает огласовку для женского рода (**ipa-dapta->* и. *viðövd*, в остальных *viðavd* 'закрылась' и т.д.). При этом соотношение языков и диалектов между собой резко меняется. Огласовка ю, как более древняя примета жен. рода, сохраняется в рушанском, бартангском и роморвском. В шугнанском мы видим сужение огласовки ю->ю. В баджуvsком и хуфском сужение ю->ю имеет место в двух глаголах (бж., х. *wirëvd* 'стояла', *injövd* 'начаться'). В остальных случаях прослеживается параллельное употребление ю/ю, что свидетельствует о намечающейся для этих диалектов тенденции по усвоению ю-огласовки вместо ю. Проникновение ю в баджуvsкий и хуфский в данном случае можно связать с влиянием шугнанского, однако этот вопрос требует дальнейшего исследования и уточнения.

§ 59. Другая отличительная особенность заключается в относительно слабой родовой закрепленности рассматриваемой группы, что выражается в следующем: глагольные основы жен. рода с а-огласовкой могут употребляться также и при имени (подлежащем) муж. рода:¹⁵ *sitavd* 'скрипелась', перен. 'печалилась', 'скрипелся', 'печалился'; *nibavd* 'приставал(а)'; *viðavd*, *rabavd* 'прилип(а)'; *viðavd* 'закрылась', 'закрылся'; *ciravd* 'саднил(а)', 'щипалась', 'щипался', перен. 'горевал(а)'.

В предложении глаголы с ю-огласовкой могут легко замечаться формами муж. рода (с огласовкой ю и ю) и употребляться при подлежащем муж. рода, выраженным как предметным именем, так и лицом. Примеры во фразе: р. *uá gúxt sitavd* (//

¹⁵ Подобное отклонение было отмечено также В.С.Соколовой на примере рушанских глаголов *situvd*, жен. *sitavd* 'зарываться', *nibavd*, жен. *nibavd* 'приставать', где форма муж. рода объясняется результатом произношения лиц старшего поколения, а форма жен. рода - доминирующая и повседневно встречающаяся (Соколова, 1967, 26, прим. 10).

situvd) 'мясо захарилось' (*gúxt* 'мясо' - муж. род); бж. *wiðövð luvð*: *mu ðin móð xu, wáz-um wim avén ciravd* (//*ciravd*; *situvd*//*sitavd*) 'его дед сказал: умерла моя жена, и я из-за нее горевал'.

Что касается огласовки ю в шугнанском, то она хотя, видимо, и значительно позже утвердилась в качестве приметы жен. рода, тем не менее родовое противопоставление глагольных основ с помощью ю формам муж. рода осуществляется последовательно и без особых отклонений.

Как видно из табл. 20, глагол ш. *anjövd*, бж., х. *injövd*, жен. ш. *anjövd*, бж., х. *injövd* в рушанском, бартангском и роморвском имеет i-образную огласовку и не подвергается родовой дифференциации: р., б.-ршв. *injivd* 'начался' (о родовых схватках). И, наоборот, засвидетельствован другой глагол, который по своему внешнему виду сближается с вышеприведенным, однако в шугнанском и баджуvsком не изменяется по роду: ш.-бж. *wižifc*, ш. *wižafc* : *wiživd*, р. *wižafs* : *wiživd*, в Дерзуде *wižavd*, жен. *wižavd*, х. *wižafc* : *wiživd*, жен. *wižavd* //*wižövd*, б. *wižafc* : *wiživd*, жен. *wižavd* 'возвращаться' (ср. его каузатив: ш.-бж. *wižib* : *wiživd*, р.-х., б. *wižib* : *wižip* 'возвращать').

§ 60. К этому же варианту по согласному сочетанию -vd в основе прош. времени относится глагол со значением 'спать', который имеет родовую перегласовку и отличается по языкам следующим образом (о перегласовке этого типа см. § 67): р.-х. *xiðvd*, б. *aðövd*, ш.-бж., ршв. *xövd* 'спал', жен. р.-х. *xövd*, б. *aðavd*, ш.-бж., ршв. *xövd* 'спала'. Как видим, приведенный глагол в шугнанском, баджуvsком и роморвском не различает рода (*xövd* 'спал', 'спала'). В остальных языках родовая дифференциация в этом глаголе осуществляется особым типом перегласовки (муж. р.-х. ю, б. ю, жен. р.-х. ю, б. ю), что характерно для рассматриваемого ниже пятого типа (см. § 67). Не трудно заметить, что огласовка муж. рода (р.-х. ю, б. ю) в данном случае аналогична именной модели (ср. р.-х. *vörj*, ш.-бж., б.-ршв. *vörj* 'конь', 'херебец'). Огласовка жен. рода в бартангском через корневое ю. (*aðavd* 'спала'), по всей веро-

Таблица 21

Язык	Основа прош.вр.		Перевод	Исторические соответствия
	муж.	жен.		
и.-бдк. х.	tūyd	tōyd	идти, уходить	*taýda- (ГОШ, § 29), *taxta- (EVSh 82), аз. $\sqrt{tak}$
б.-рив. р.	tūyd	tōyd		
и. бдк. х. б.-рив. р.	andūyd indūyd induyd irdawd indawd	andōyd indōyd indōyd indawd indawd	вставать, подниматься	*ham-tača(ya), $\sqrt{tak}$ (ГОШ 37, ср. EVSh 14), аз. $\sqrt{tak}$, tačaya-
и.-бдк. х. б. рив. р.	naxtūyd nixtuyd naxtuyd naxtūyd, nixtuyd naxtuyd nixtuyd	naxtōyd nixtōyd naxtōyd naxtōyd, nixtōyd naxtōyd nixtāyd	выходить	*niš-tačta- (EVSh 52), $\sqrt{tak}$, аз. tāčaya-, а может быть < *niš-taxta-, или *niš-taýda-
и. бдк. х. б.-рив. р.	ažūyd awūyd awuyd awūyd awuyd	ažōyd awōyd awōyd awōyd awayd	лежать	*a-(hi)šačya-, *-šačaya- (EVSh 13; ср. ГОШ § 27), аз. a-šay-.

а, а остальные языки и диалекты дают ə (*taxta- > и.-бдк., х., б.-рив. tōyd, р. tāyd 'ушел').

§ 62. Основным источником распространения ə-огласовки в качестве приметы жен. рода в системе глагола является та же модель, которая представлена при именах (ср. и.-бдк. vūyd, р. vuuyd 'злой дух', жен. и.-бдк. vōyd, р. vāyd 'ведьма', и.-бдк.

яности, является новообразованием и могла возникнуть по аналогии с формами глаголов жен. рода, помещенных в табл. 20 (типа *wibāvd* 'закрылась', *wirāvd* 'стояла').¹⁶

§ 61. В городе варианты родовой перегласовки представлены по языкам следующим образом:

и.-бдк.	х.	б.	рив.	р.
муж.	ū	u	ū(u)	u(ū)
жен.	ō	ō	ō	ā

Глаголы с данным вариантом родовой перегласовки приводятся в табл. 21. Характерная черта этой группы глаголов заключается в том, что основа прош. времени имеет в исходе согласное сочетание -yd (из *-yd- < *-xt-). Сонантный -у- представляет собой отражение исторического *k/č (Соколова, 1967, §§ 29, 162). В рушанском, бартангском и роморвском на месте -у- в одном глаголе возникает -w-, и в этом случае родовое изменение не происходит: р., б.-рив. indawd 'встал(a)' при и. andūyd, бдк. indūyd 'встал', жен. и. andōyd, бдк. indōyd 'встала'.

Как известно из табл. 21, историческое *a в нейтральном положении отразилось по языкам при форме муж. рода в двух видах огласовки: и.-бдк., б.-рив. ū, р.-х. u (*taxta- > и.-бдк., б.-рив. tūyd, р.-х. tuyd 'ушел'). В этом варианте показательно то, что хурнский по огласовке и примыкает к рушанскому, а бартангский и роморвский в отличие от первого варианта в данном случае совпадает с шугнанским. Роморвскую форму naxtuyd 'вышел' следует, возможно, считать результатом влияния рушанского.

Положение ə-умлаута дает огласовку для жен. рода, при которой рушанский, как и при первом варианте, получает долгое

¹⁶ Такого же мнения придерживается и В.С.Соколова (см. Соколова, 1967, 41, прим. 60).

rušt, x. gūšt, p. rošt 'красный', жен. ш.-бдх., x. gošt, p. rāšt 'красная'). Показательно то, что данная огласовка получила широкое словарное распространение, главным образом, в глаголах шугнанского языка.

Совпадение всех языков и диалектов (за исключением руманского) по корневому *ō*, как, впрочем, и *ī* можно в частности объяснить положением гласных (в данном случае *ō* < *a) перед двумя согласными, где хуфский, бартангский, роморвский часте отличаются от относительно близкого им руманского и примыкают к шугнанскому. Подобное совпадение вышеуказанных языков и диалектов прослеживается также в сфере других разрядов лексики (ср. ш.-бдх., х., б.-рив. wūrj, p. wūrf 'волк', ш.-бдх., б.-рив. wūr̩, p. wūrf 'нитка'; ш.-бдх., б.-рив. vōrj, p.-x. vūrj 'херебец', 'конь' и др.).

Поскольку *ō*-огласовка имеет широкое территориальное распространение и охватывает почти все языки и диалекты (кроме руманского), то ее не следует считать целиком результатом влияния шугнанского на те языки и диалекты, в которых также реализуется долгое *ō* (ср. Соколова, 1967, § 43, прим. 39). Шугнанское влияние можно рассматривать как усиливший фактор, но не единственный источник распространения *ō*-огласовки.

Как следует из табл. 21, глагол со значением 'вставать' в руманском, бартангском и роморвском имеет лишь одну недифференцированную форму для обоих родов (ср. р. уā ćigik in-dawd при ш. uā ćōrik andūyd 'тот мужчина встал' - р. уā ćanak indawd при х. uā ćinik andōyd 'та женщина встала'). В данном случае а-огласовка в руманском, бартангском и роморвском свидетельствует о сохранении формы именного рода и об утрате формы муж. рода.

Ко второму рассмотренному выше варианту родовой перегласовки структурно относится ниже следующий глагол с неясной этимологией: ш.-бдх. xiwūyd, б.-рив. rawūd, р. rawi(y)d, х. rawūd 'проголодался', 'истощал от голода', жен. ш.-бдх. ri-wōyd, б.-рив. rawōd, р. rawō(y)d, х. rawōd.

В целом для выражения каждого рода существуют соответственно две модели: муж. *ō* (ш.-бдх., б.-рив.), и (р.-х.), жен. *ō* (ш.-бдх., х., б.-рив.), *ā* (р.).

§ 63. Различаям род непереходным глаголам третьего типа (табл. 20, 21) четко противопоставляются их каузативные пары (табл. 22). Каузативные формы также и здесь приводятся в шугнанском и баджувском вариантах (см. табл. 22); лишь при отсутствии в шугнанском и баджувском соответствующих каузативов привлекаются данные других языков и диалектов.

Отметим лишь некоторые отличающиеся факты. Дифференцированному по роду глаголу ш.-бдх., б.-рив. tūyd, р.-х. tuyd 'умел', жен. ш.-бдх., х., б.-рив. tōyd, р. tāyd 'умна' только в хуфском имеется противополагающаяся каузативная форма, усиленная суффиксом -ēn(t): tayēn : tayēnt 'унести', 'увести'. В других языках для создания сходной оппозиции привлекается глагол ш.-бдх. yōs : yōd, З л. ед. наст. yēst, р.-х. yōz : yōd, З ед. наст. yēst, б. ayōs : ayōd; З л. ед. наст. ayōst. Ср. х. wūk tayēnt, ш. wūk(/rēn) yēst, бдх. wūk yēst 'с ума сводит', х. dōnd lap tīvd yēst idi, wūk tayēnt 'так много комаров, что с ума сводит'.

Дифференцированный по роду непереходный глагол ш. an-jafc, бдх. in-jafc: ш. anjūvd, бдх. injūvd, З л. ед. наст. ш. anjafct, бдх. in-jafct, перф. муж. ш. anjūv̩j, бдх. injūv̩j, жен. ш. anjīv̩z, бдх. injīv̩z, инф. ш. anjafctōw, бдх. injafctōw 'начаться' не имеет соответствующей каузативной формы. Однако ему противостоит нерасчлененный при основах прош. времени и перфекта переходный глагол ш. anjāv: anjūvd, бдх. in-jāv : injūvd, З л. ед. наст. ш. anjīvd, бдх. injīvd, перф. ш. anjūv̩j, бдх. injīv̩j, инф. ш. anjīvdōw, бдх. injīvdōw 'держать', 'захватить'.

Непереходному глаголу со значением 'спать' (р.-х. xūvd, б., aħōvd, ш.-бдх., рив. xōvd 'спал', жен. р.-х. xōvd, б. aħāvd, ш.-бдх., рив. xōvd) в баджувском противостоит каузативная форма: б. xafcēn : xafcēnt 'укладывать спать'. В остальных языках и диалектах противопоставление этому изменяющемуся по роду глаголу осуществляется другими средствами: в шугнанском с помощью каузатива aħēz : aħēzd 'укладывать спать', который одновременно противостоит также и своей непереходной паре aħas : aħūvd, жен. aħōvd 'лемать'; в руман-

Таблица 22

Основа прош.вр.		Каузативные основы наст.:прш.	Перевод каузатива
муж.	жен.		
и. andūyd бдх. indūyd	andōyđ indōyđ	andūz : andūzd indūz : indūzd	поднимать
и. aŷūyd бдх. awūyd	aŷōyđ awōyđ	aŷēz : aŷēzd awaysēn:awaysēnt	укладывать спать
и. anjūvd бдх. injūvd	anjōvđ injōvđ	anjāv : anjūvd injāv : injūvd	держать, захватить
и. bīdōvđ бдх. bīdōvđ	bīdōvđ bīdāvđ	bīdēmb : bīdēmt	закрывать
и. cirōvđ бдх. cirōvđ	cirōvđ cirāvđ	cirēmb:cirēmt	заставлять щи- пать, щипать
и. nīdōvđ бдх. nīdōvđ	nīdōvđ nīdāvđ	nīdēmb : nīdēmt	прилепляться, приклеивать
и. rīdōvđ бдх. rīdōvđ	rīdōvđ rīdāvđ	rīdēmb : rīdēmt	присоединять, прицеплять
и.-бдх. riwūyd бдх. rivūd	riwōyđ rivōd	бдх. riwaysēn : riwaysēnt river : rivērt	заставлять го- лодать заставлять да- вать молоко
и. sitōvđ бдх. sitōvđ	sitōvđ sitāvđ	sitēb : sitēpt	карить
и.-бдх. tūyd х. tuyd, и.- бдх. wirūvd и.-бдх. xōvd axōvd	tōyđ tōyđ wirōvđ xōvđ axāvđ	x.tayēn:tayēnt wirēmb : wirēmt xafcēn:xafcēnt	увести, унести оставлять стоять укладывать спать

ском глаголу xāvd 'сдал', жен. xōvd противополагается переходный глагол niway : niwid 'укладывать спать', а в бартангском inzūv : inzūvd, в баджувском inzūv : inzūvd (наряду с xafcēn : xafcēnt) с тем же переходным значением.

Различающийся по роду глагол и.-бдх., б. naxtūyd, р.-х. nixtuyd 'вышел', жен. и.-бдх., б. naxtōyđ, р.-х. nixtāyđ, х. также nixtōyđ 'вышла' не имеет соответствующей каузативной пары. Однако в качестве его переходного коррелята широко используется глагол и.-бдх. ziwēb : ziwōst, р.-х. ziwēb:ziwūst, б.-рмв. ziwōb : ziwōst 'выходить'; 'вытаскивать'.

Таким образом, всем непереходным изменяющимся по роду глаголам противостоят глаголы каузативного образования и переходного значения. При отсутствии у изменяющихся род глаголов соответствующей каузативной пары для создания оппозиции по линии непереходность-переходность, родоизменяемость -неродоизменяемость используются также и нерасчлененные глагольные основы (см. §§ 100-104).

§ 64. Четвертый тип родовой перегласовки является общим для всех языков и диалектов. Глаголы муж. рода во всем языкам и диалектам имеют огласовку ū, а формы жен. рода -ō. Данная модель перегласовки распространяется только на четыре глагола (см. табл. 28 и след.).

В историческом плане этот тип перегласовки отражает *^f и *ag.¹⁷ При этом все языки и диалекты по отражению исторического *rt делятся на две группы: а) в шугнанском и баджувском сочетание *rt> ū; б) в остальных языках и диалектах *rt> g. Подобное расхождение имеет широкое словарное распространение: оно прослеживается и в глаголе и в именах, независимо от их родовой дифференциации (ср. ав. bərəta- и.-бдх. vūd, р.-х., б.-рмв. vūg 'принес'; ав. rəgəta- и.-бдх. rūd, р.-х., б.-рмв. rūg 'брод'; ав. kərəta- и.-бдх. xēd,

¹⁷ Об отражении *^f, *ag в иранских и памирских языках см.: Моргенштерне, 1970; Эдельман, 1963б; Соколова, 1967, §§ 81-90, 141-147; Додыкудоев, 1962, 38-46.

Таблица 23

Язык	Основа прош.вр.		Перевод	Исторические соответствия
	муж. ӣ	жен. օ		
ш.-бдх. р.-х. б.-ршв.	mūd	mōd		*mrta-, $\sqrt{mār}$, ав. mīrya-:mērē- ta-
ш.- бдх. р.-х., б. ршв.	mūg	mōg	умирать	
ш.- бдх. р.-х., б. ршв.	pirmūd	pirmōd		*pari-mrta-, $\sqrt{mar}$
ш.-бдх. р.-х., б. ршв.	parmūd	parmōd		
ш.- бдх. р.-х., б. ршв.	parmūg	parmōg		
ш.- бдх. р.-х., б. ршв.	parmūg	parmōg	вянуть	
ш.-бдх. р.-х., б. ршв.	rivūd	rivōd	литься	*fra-barya, *fra- bāraya-, $\sqrt{bar}$,
ш.- бдх. р.-х., б. ршв.	ravūg	ravōg	вниз (о	ав. bairyā-:bərə- ta-
ш.- бдх. р.-х., б. ршв.	ravūg	ravōg	молоке при доении)	

р.-х., б.-ршв. ծէց 'нож' и т.п.).

Исторически нейтральное положение во всех языках дает одинаковую для муж. рода огласовку через долгое закрытое ӣ: *mrta-> ш.-бдх. mūd, р.-х., б.-ршв. mūg 'умер'. Положение а-умлаута также во всем языкам отражается одинаково, в сущенном виде через օ-огласовку: *mrta-> ш.-бдх. mōd, р.-х., б.-ршв. mōg 'умерла'.

К этому же типу структурно примыкает еще вспомогательный глагол со значением 'сделать(ся)': ш.-р. гр. kīl: ш.-бдх. ծūd, б.-ршв. ծūg, р.-х. муж. ծūg < *krta-, ав. kērēta-, $\sqrt{kar}$, жен. р.-х. ծōg < *krta-.

Этот глагол, как известно, вообще принадлежит к классу переходных, однако употреблялся в качестве непереходного вспомогательного глагола ('делаться', 'становиться'), он в рушанском и хурфском в составе именного сказуемого изменяется по роду. В остальных языках родового изменения не происходит. Ср. р. yā čurik mawz ծūg, ш. yū čorik mačēn̄j ծūd ' тот

мужчина проголодался' - р. yā čanak mawz ծōg, ш. yā činik mačēn̄j ծūd 'та женщина проголодалась'.

При выражении переходных значений указанный глагол во всех языках, в том числе в рушанском и его хурфском диалекте не имеет родового различия; ср. р. yā čanak day bürj-i safēd ծōg, ш. yā činik di bürj-i safēd ծūd 'та женщина побелила эту стену' - р. yā čurik day bürj-i safēd ծōg, ш. yū čorik di bürj-i safēd ծūd ' тот мужчина побелил эту стену'.

В качестве особенности данной группы рододифференцированных глаголов можно отметить, что ромефский в отличие от остальных языков в большинстве случаев не дает родовой дифференциации. Так, из четырех глаголов только в одном различается род (mūg 'умер', жен. mōg 'умерла').

§ 65. В специальном разъяснении нуждается родовая перегласовка муж. ӣ / жен. օ в рушанском. При родовом чередовании в именах рассматриваемая здесь перегласовка в рушанском, как правило, передается моделью ӣ, о/а (ср. р. rurv 'светло-красный', жен. գարv при ш.-бдх., б.-ршв. րւրv, жен. րուրv; р. rošt 'красный', жен. rāšt при ш.-бдх., х. rušt, жен. rošt). Тот же самый тип родового чередования мы находим и в глагольной основе: р. post 'сидел', жен. nāst при ш.-бдх., х. nūst, жен. nōst; р. tuyd 'умел', жен. tāyd при ш.-бдх., б.-ршв. տուդ, жен. տօդ. Это свидетельствует о том, что родовая перегласовка ӣ/օ в целом не-обычна для рушанского языка. Возникновение огласовки муж. рода օ в рушанском (как, впрочем, и в других языках) тесно связано с отражением исторических *է и *աг. Огласовки *է и *աг в подавляющем большинстве случаев давали по языкам одинаковые результаты. Как отмечает В.С.Соколова, "первоначально это были дифтонгические сочетания типа vw и ey, которые в сарыкольском языке сохранились в виде ժw и յy, а в остальных языках станулись в соответствующие монотоники" (Соколова, 1967, § 85); ср. *karta-> ш.-бдх. ծūd, р.-х., б.-ршв. ծōg, срк. ծewg 'делал'; ав. mētēta-> ш.-бдх. mūd, р.-х., б.-ршв. mūg, срк. mēwg 'умер'. Подобное совпадение языков и диалектов имеет место также и в недифференцированных по роду словах типа ш.-бдх. vūd, р.-х., б.-ршв. vūg, срк. vēug 'пржес', ш.-бдх. pūd, р.-х., б.-ршв. pūg, срк. pēwg.

'брод' и др.

Проникновение и усвоение огласовки жен. рода *ö* в руманском, очевидно, связано с влиянием окружавших языков - в первую очередь шугнанского, где *ö*-огласовка имеет широкое словесарное распространение.

§ 66. Другая характерная черта рассматриваемой выше дифференцированной по роду группы глаголов в именем, несколько особом противопоставлении им не изменяющихся по роду переходных и каузативных коррелятов. Так, напр., глагол и.-р. *kīn*: и.-бдх. *čīd*, р.-х., б.-ршв. *čīg*, р.-х. жен. *čēg* 'делать(ся)' вовсе не имеет противополагающейся переходной каузативной формы. Это, по-видимому, связано с тем, что указанный глагол по своей семантике является переходным и ему самому противостоит вспомогательный глагол исключно непереходного значения и.-р. *sut* 'стал', жен. *sat* (ср. и.-р. *ijrō sitōw* 'выполняться', и.-бдх. *ijrō čīdōw*, р.-х., б.-ршв. *ijrō čīgōw* 'выполнять' и т.д.).

Глагол и.-бдх. *mīd*, р.-х., б.-ршв. *mīg* 'умер', жен. и.-бдх. *mōd*, р.-х., б.-ршв. *mōg* только в бартангском имеет каузативное образование с помощью суффикса *-bi(t)*: б. *mītōn* : *mīgbōt*. Данная форма истолковывается как непереходный глагол со значением 'притворяться мертвым', 'леиниться' (Карамухоев, 1973, 147). Однако здесь прежде всего важен сам факт формального противопоставления. Что касается семантической оппозиции, то нам представляется, что исходное значение вышеуказанной каузативной формы должно быть 'умердывать', 'убивать'. Но это значение не получило должного развития по той, видимо, причине, что во всех языках глаголу и.-бдх. *mīd*, р.-х., б.-ршв. *mīg*, жен. и.-бдх. *mōd*, р.-х., б.-ршв. *mōg* 'умирать' семантически противостоит переходный глагол и.-бдх. *zīl* : *zīla*, р.-х. *zāl* : *zod*; б.-ршв. *zān* : ^{zōd}*'убиваться'*, 'умерзаться'. Поэтому не было необходимости образования и сопоставления реденоменируемому глаголу *mīd*, жен. *mōd* (и.-бдх.) каузативной пары.

Для двух родоразличимых глаголов со значением 'вянуть' (и.-р. *rīmīd*, жен. *rīmōd*) 'листься (о молоке)' (и.-бдх. *rīvīd*, жен. *rīvōd*) не засвидетельствованы каузативные пары.

§ 67. Пятый тип родовой перегласовки характерен не для всех языков и к тому же отличается от уже рассмотренных типов незначительным словарным распространением (засвидетельствовано всего три глагола). Шугнанский язык и его баджувский диалект по данному типу не имеет родового противопоставления. В остальных языках представлена следующая родовая перегласовка:

и.-бдх.	р.-х.	б.-ршв.
муж.	<i>ö</i>	^ö <i>ü</i>
жен.	<i>ö</i>	<i>ö</i> <i>a(ö)</i>

Глаголы с этим типом перегласовки даны в табл. 24.

Рассматриваемая родовая перегласовка исторически восходит к древнемиранскому *ā. Нейтральное положение дает огласовку муж. рода в руманском и хуфском в виде ^ö*ü*, а в бартангском - *ö*; ¹⁸ шугнанский, баджувский и роморвский имеют недифференцированную по роду *ö*-огласовку: *dāta-> р.-х. *öd*, б.-ршв., и.-бдх. *ödā* 'падал', 'попал', *čāta- > р.-х. *čicūd*, б.-ршв., и.-бдх. *čicōd* 'замерз'.

Положение а-умлаута реализуется в руманском и хуфском через *ö*, а в бартангском в двух глаголах - *ö*, в одном - *ä*. В остальных языках и диалектах используется та же недифференцированная *ö*-огласовка: *dātā-> р.-х., б.-ршв., и.-бдх. *ödā* 'падала', 'очутилась', *čātā-> р.-х. *čicād*, б.-ршв., и.-бдх. *čicōd* 'замерзла'.

Огласовка жен. рода *ä* в бартангском (*čicād* 'замерзла'), по-видимому, могла возникнуть по аналогии с формами типа р.-х., б.-ршв. *nawžād*, и.-бдх. *nažād* 'проходила', б.-ршв., р.-ви-*rád* 'стояла' и т.д.¹⁹

¹⁸ По такому же типу родовой перегласовки изменяется глагол р.-х. *čūvd*, б. *čōvd* 'спал', жен. р.-х. *čōvd*, б. *ačāvd* (см. § 70).

¹⁹ Подобное мнение высказано В.С.Соколовой в отношении бартангской формы жен. рода *ačāvd* 'спала' (Соколова, 1967, 41, прим.60).

Таблица 24

Язык	Основа прош.вр.		Перевод	Исторические соответствия
	муж.	жен.		
р.-х.	δ̄ād	δ̄ād	падать, по-	*dāta-, √dā, ав.
б.-ршв.	δ̄ād	δ̄ād	падать	daya-
ш.-бдж.	δ̄ād	δ̄ād		
р.-х.	χicud	χicōd		*ščata-?
б.	χicōd	χicād		
ршв.	χicōd	χicōd	замерзать	
ш.-бдж.	χicōd	χicōd		
р.-х.	-	zōd	рожать, раз-	*zāta-, ав.zaya-:
б.-ршв.	-	zōd	решаться(от	zāta-
ш.-бдж.	-	zōd	беременности)	

Из трех приведенных в табл. 24 глаголов двум противополагаются переходные и каузативные формы (табл. 25). К глаголу со значением 'падать', 'попадать', который в рушанском и хуфском имеет родовое отличие, во всех языках и диалектах стоит в оппозиции переходный глагол с нерасчлененной основой прош. времени, а в оартангском помимо переходного глагола для него засвидетельствована также каузативная форма.

Поскольку переходный глагол со значением 'давать' по основам прошедшего времени и перфекта точно совпадает с основой муж. рода непереходного глагола 'падать' (р.-х. δ̄ād, ш.-бдж., б. δ̄ād 'давал'; 'падал') и к тому же родовая дифференциация основы прош. времени упомянутого непереходного глагола имеет место только в рушанском и хуфском, то для показа сходства и расхождения общей структуры рассматриваемых двух рдоизменяемых непереходных глаголов и их переходных и каузативных пар в табл. 25 наряду с основой прош. времени даются также основа наст. времени, З л. ед.ч. и изменяющаяся во всех языках перфектная основа.

Таким образом, рушанский и его хуфский диалект при рассматриваемом типе родовой перегласовки выделяются среди

Таблица 25

непереходный		каузативный и переходн.	
основы		основы	
наст.:прош.; перф.	З л.ед.	наст.:прош.;перф.	Зл.ед.ч.
p.-x.δayt:δ̄ād, x.δ̄ād; m. δ̄āj, ж. δēc	Р.δayt X.δayd	δād:δ̄ād; δ̄āj	p. δ̄ād x. δ̄it
б.δi:δ̄ād; m.δ̄āj, x.δēc	δit	δād:δ̄ād; δ̄āj	δēd
ршв.δayt:δ̄ād; m.δ̄āc, x. δēc	δayt	δād:δ̄ād; δ̄āc	δēd
ш.-бдж.δi:δ̄ād; m.δ̄āj, x.δēc 'падать', 'падать', 'идти' (об осадках)	δēd	δād:δ̄ād; δ̄āj 'давать', 'быть', δiuyon:δiyont 'вызывать осад- ки', 'заставлять идти', 'падать' (об осадках)	δid δiuyont
p.-x.χicay:χicud, χi- cōd; m.χicuj, x. χicēc	χicayd	χicēw:χicēwt	χicēwt
б.χicī:χicōd, x.χicād; m.χicōj, x.χicēc	χicid	χicawōn:χica- wōnt	χica- wōnt
ршв.χicay:χicōd; m.χi- cōc, x.χicēc	χicayt		
ш.-бдж.χici:χicōd; χi- cōj, x.χicēc 'замерзать'	χicēd	χicēw:χicēwt 'морозить'	χicēwt

остальных языков и диалектов более последовательным выражением муж. рода огласовкой *ā*, а женского - *ō*. Однако в перфекте, как известно из табл. 25, рассматриваемые непереходные глаголы во всех языках имеют четкое родовое оформление.

§ 68. Разнообразные изменения и вариации исконных примет женского рода ā, а дают основание говорить о незавершившемся процессе развития а-огласовки. Для подтверждения подобного рассуждения можно привлечь данные экспериментального анализа длительности гласных. Так, на материале баджувского диалекта обнаруживается следующий любопытный факт: долгий ā и его краткая пара а выделяются среди прочих гласных различной изменяемостью и колебаниями в длительности. При противопоставлении их не только друг другу, но и всем остальным долгим и кратким гласным выявилась следующая отличительная особенность названных гласных (см. Карамшев, 1963, §§ 30, 40, 41, 49, 51; табл. I, 2, 4, 5, 6, II): в односложном слоге и особенно перед двумя согласными гласные ā, а выделяются среди остальных гласных своей значительной длительностью. Так, например, типовая длительность для ā в звонком окружении перед двумя согласными составляла 27-31 сигму, а для остальных долгих - 22-25, в глухом окружении соответственно для ā-22-27, а для остальных долгих - 17-21. Показательно то, что гласные ā и а, попадая во второй слог (при наличии в первом слоге долгого ā) обнаруживали тенденцию к сокращению. Для подтверждения этого наблюдения отдельно измерялась длительность последующих ā, а как при наличии в первом слоге долгого ā, так и других гласных. Ниже приводим результаты кимографического измерения по длительности ā в исходном положении при наличии в первом слоге того же долгого ā. Для сравнения рядом (в графе 2) указывается длительность исходного ā при наличии в первом слоге других гласных (но не ā).

1) kāl-dār^b

'головная боль'
16,6 (4)²⁰

2) qīč-dār^b

'боль в животе'
21,4 (10)

²⁰ Длительность второго (исходного) даётся здесь в следующем порядке: в первой строке столбца дана средняя длительность; в скобках указано число измерений, из которых вы-

I8-16	23-22
I)dākam, 'дадим'	24-17
I2,2 (14)	15,7 (15)
I3-II	17-15
I5-9	17-13

Последующий ā, как можно заметить из приведенных данных, в одном и том же согласном окружении дает разные показания. Следовательно, наличие в первом слоге долгого ā является неблагоприятным условием для сохранения долготы последующего ā.

Для краткого а во втором слоге воздействие долгого ā первого слога также вполне очевидно:

I) qābar 'могила'	pōr-at (sōd) '(ты) переправился'
8,0 (5)	14,0 (5)
-	-
I2-8	15-14

Таким образом, сокращение в исходном слоге гласных ā, а при наличии долгого ā в первом слоге является закономерным и это лишний раз свидетельствует о неустойчивом характере рассматриваемых гласных. Неустойчивость ā и а более наглядно проявляется при словообразовании, в результате чего долгий ā замещается кратким (ср. ш.-бдж. ganda 'дурной' - gangagi 'дурость', ɿiðā 'мальчик' - ɿiðayēñ 'мальчики', dāft 'степь' - dāfti 'степной!'), а краткий удлиняется (ср. ш.-бдж. tama 'вы' - tamā-m wint 'я вас видел!').

Итак, можно заключить, что именно на базе неустойчивости а-огласовки происходило не только количественное (ā—а,

ведена средняя длительность; во второй строке дается типовая или нормальная длительность, в последней, третьей, строке указаны крайние пределы длительности.

а — а), но также и качественное изменение, что, в частности, выражалось в сужении а → ə. Этот процесс своего рода умлаутизации привел к следующим двум взаимообусловленным результатам: а) к количественным колебаниям а-огласовки по длительности; б) к качественному изменению гласного (т.е. а → ə).

С другой стороны, можно полагать, что ослабление родоразличительной значимости а повлекло дальнейшее развитие и вместе с тем стандартизацию формы жен. рода с огласовкой а, ставшей общей для всех рассматриваемых языков и диалектов, а в роторвском — доминирующим показателем жен. рода, вытеснив i-огласовку.

§ 69. Синхронный и исторический анализ соответствия др.-ир. *ā, *a огласовке ə в шугнано-рушанской группе, а также рушано-хуфскому ɨ позволяет разграничить и в какой-то мере уточнить двоякое предназначение корневого ə, выступающего в одних случаях в качестве показателя женского рода, а в других случаях использующегося как примета мужского рода. Сопоставление многочисленных данных — как глагольного, так и именного происхождения свидетельствует об омонимическом характере огласовки ə на современном этапе, что наиболее наглядно проявляется в шугнанском, баджувском и менее отчетливо — в хуфском, роторвском и бартангском языках. Межязыковые линии соответствий позволяют говорить о двух ə в следующей последовательности.

1. ə — показатель женского рода. Основные источники этого ə — др.-ир. *ā, *r² в положении а-умлаута и перед двумя согласными. Перед одним согласным др.-ир. *ā, *r² во всех языках и диалектах подвергались сужению и в результате по всем языкам реализуется долгое ə: *data-> ш.-р. ədd 'падала'; *mētā-> ш.-бдж. mōd, р.-х., б.-ршв. mōg 'умерла'. Огласовка ə как примета жен. рода утвердилась, видимо, относительно поздно. При этом поскольку рушанский в отражении др.-ир. *ā, *a проявляет известный консерватизм, то возникновение ə в рушанском можно считать результатом влияния окружающих языков и, в первую очередь, шугнанского.

Перед двумя согласными др.-ир. *a в положении а-умлаута в рушанском сохраняется в виде долгого ā, в остальных языках

также и здесь происходит сужение ā в ə: *taxta-, *taydā-> р. tāyd, ш.-бдж., х., б.-ршв. təyđ 'ушла'; *rapta-> р. wi-rāvd, ш.-бдж., б.-ршв. wirōvđ 'стояла'.

В этом случае (т.е. в положении перед двумя согласными) можно говорить об архаичности рушанского языка, продолжающего отражать более древнюю форму с а-огласовкой.

2. ə — показатель мужского рода. Источником этого ə является также др.-ир. *ā, *a, но в нейтральном положении. В этом случае обособление и выделению ə как показателя муж. рода наряду с историческими соответствиями легко способствует рушано-хуфская языковая среда, где др.-ир. *ā отразилось в виде ɨ (в остальных языках — ə). Ср. *data-, р.-х. dīd, ш.-бдж., б.-ршв. ədd 'падал', 'очутился', *karta-> р.-х. ɨnvd, ш.-бдж., ршв. ɨvđ 'спал'. Соответствие др.-ир. *ā /р.-х. ɨ/ ш.-р., б.-ршв. ə имеет место также и в словах именного происхождения: *bāraka-> р.-х. vūr̥j; ш.-бдж., б.-ршв. vōr̥j 'конь'; *nāpat-> р.-х. nābus, ш.-бдж. nībōs, б. nābōs 'внук'; *kāra-> р.-х. ćur, ш.-бдж., б.-ршв. bōg 'муж' и др.

В целом омонимичность ə в каждом языке создает неблагоприятные условия для родового противопоставления. Сравниваемые языки и диалекты с целью устранения омонимичности выдвигают различные способы, поэтому между языками и диалектами прослеживаются довольно заметные расхождения в использовании родовых показателей.

§ 70. Факты свидетельствуют о том, что на почве омонимического употребления огласовки ə почти в каждой языковой среде усовершенствовались и перестраивались некоторые родоизменяемые показатели, в целом сводящиеся к следующему.

1. В рушанском и хуфском огласовка ɨ получила широкое применение в качестве приметы муж. рода, а огласовка ə закрепилась за словами жен. рода (ср. муж. р.-х. ɨnvd 'спал', vūr̥j 'конь', būrk 'бревно' — жен. ɨvđ 'спала').

2. В бартангском, наоборот, наблюдается тенденция использования огласовки ə в качестве приметы муж. рода и поэтому возникла необходимость в ряде случаев для перестройки

формы жен. рода с помощью традиционной а-образной огласовки (ср. муж. б. *aččvād* 'спал', жен. *aččvād* 'спала'). Однако подобное родоразличение наблюдается в единичных случаях и поэтому омонимичность б все же сохраняется (ср. муж. ш.-бдж. б.-ршв. *vōrj* 'конь', *bōrg* 'бревно').

3. В шугнанском, баджувском и рошорвском отсутствует вовсе указанная выше родовая дифференциация и поэтому омонимичность б полностью сохраняется (ср. ш.-бдж., ршв. *čōvd* 'спал', 'спала').

Таким образом, огласовка б в рушанском хотя и относится, очевидно, к новообразованиям (более древним показателем жен. рода является ё-огласовка), тем не менее с б в рушанском ассоциируется примета жен. рода.

Закрепленность б за словами жен. рода в рушанском и хуфском поддерживается противопоставлением огласовки муж. рода ё, которая в бартангском и рошорвском отсутствует вовсе, а в шугнанском и баджувском хотя и широко представлена, но не имеет родоразличительного свойства.²¹

Если учитывать соответствие ш.-бдж., б.-ршв. б / р.-х. ё, то омонимичность и двусмысленность б в какой-то степени устраняется и тем самым создаются косвенные предпосылки для выявления его родоразличительной способности, что конкретно выражается в следующем: б в шугнанском, баджувском, бартангском и рошорвском при соответствии рушано-хуфскому ё реализуется в словах муж. рода. Это проявляется и при именах су-

²¹ Словарное распространение ё в рушанском и хуфском резко отличается от шугнанского и баджувского; ср. ш.-бдж. *vīg*, р.-х., б.-ршв. *vīg* 'бурый'; ш.-бдж. *wān*, р. *wānn*, б.-ршв., х. *wōnn* 'шерсть'; ш. *mīn*, бдж. *mīn*, р. *mānn*, б.-ршв., х. *mōnn* 'яблоко'. Перед носовыми -и, -и также и в заимствованных словах в шугнанском и баджувском регулярно возникает ё: ш.-бдж. *jūn*, р.-х., б.-ршв. *þōn* 'душа', ш.-бдж. *nūm*, р.-х., б.-ршв. *nōm* 'имя'.

ществительных, как одушевленных (р.-х. *vīgj*, ш.-бдж., б.-ршв. *vōrj* 'жеребец', р.-х. *bīb*, ш.-бдж., б.-ршв. *bōb* 'дед'), так и (а это очень важно) при неодушевленных (ср. имена муж. рода: р.-х. *būrk*, ш.-бдж., б.-ршв. *bōrg* 'бревно', р.-х. *rīg*, ш.-бдж., б.-ршв. *rōg* 'пуля'). Все это свидетельствует о том, что огласовка ё в системе родового чередования играет большую родоразличительную роль в рушанском и его хуфском диалекте и вместе с тем является косвенным родоуточнителем для других языков. При этом следует отметить, что родовой закрепленности неодушевленных существительных с б-огласовкой наряду с соответствием ш.-бдж., б.-ршв. б / р.-х. ё способствует также семантическое и синонимическое поле, играющее большую роль в родовой соотнесенности имен.

§ 71. В связи с омонимическими свойствами огласовки б возникает вопрос о том, можем ли мы недифференцированные по роду основы прош. времени с корневым б считать остатками древнего причастия жен. рода? С самого начала здесь следует иметь в виду, что о сохранении форм женского рода с огласовкой б можно судить только на примере глаголов непереходной семантики, так как родовое изменение касается этого класса.²²

В наших материалах недифференцированные по роду глаголы с огласовкой б в основе прош. времени почти не зафиксированы. Единственным примером может служить глагол с неясной этимологией ш.-р. *palōys*:*palōyst*, перф.*palōyść*, инф.*pa-*

²² Т.Н.Пахалина при исследовании ваханского языка (окончательно утратившего категорию рода) приходит к выводу, что "ваханские основы прошедшего времени с корневым гласным о (из др.-ир. *ā) продолжают пассивное причастие женского рода" (Пахалина, 1975, 69). Однако все приведенные 14 основ прош. времени представляют собой глаголы переходного значения и каузативные формы, поэтому данный вывод материалами языков и диалектов шугнано-руманской группы не подтверждается.

lōystōw 'заниматься', 'работать'.²³ В этом глаголе, по-видимому, основа прош. времени не является продолжением древнего причастия жен. рода, а образована непосредственно от основы наст. времени, т.е. вторична.

Другие малоочисленные основы непереходных глаголов с ő-огласовкой (типа р.-х. őid 'падал', жен. őod), если и не во всех языках, то во всяком случае в каком-нибудь одном языке или диалекте имеют дифференцированные по роду формы.

В целом, сохранение основ непереходных глаголов прош. времени жен. рода с корневым ő не характерно для шугнано-руманской группы.

Что касается основ прош. времени переходных глаголов, то для них корневая огласовка ő является обычным явлением. Это в первую очередь касается шугнанского, баджувского, бартангского и рошорвского, в которых огласовка ő в рушанском и хуфском соответствует ı.

ш.-бдх., б.-ршв.	р.-х.	
birőxt	biróxt	пил(а)
zinőd	zinud	мыл(а)
ziwőst	ziwüst	вынес(ла)
zókt	zukt	взял(а)
parbőd	parbód	продал(а)
yőd	yud	нес(ла)
ayőd		
rimőd	rimud	послал(а)
ramőd		

В бартангском и рошорвском корневое ő служит в качестве показателя каузатива. В шугнанском и баджувском ему соответствует огласовка ē, а в рушанском и хуфском - ē. Ис-

23 Этот глагол употребляется также в местных таджикских говорах, ср. бадахшанско-тадж. p(e)losidan 'возиться', 'суетиться' (Розенфельд, 1971, 123). Общий для всех языков группы переходный глагол sipor:siport 'поручать', 'отдавать' (по-видимому, заимствованный из таджикского) также не может служить примером остатков жен. рода.

точником всех этих трех разновидностей является др.-ир. *ā и древнеиранский каузативный суффикс -aya-:²⁴ *ni-gāraya-> б.-ршв. nižör:nižört, бдх. nižér:nižert, ш. ažér:ažert; р.-х. nižér:nižert 'намачивать'; *ni-hádaya-> б.-ршв. nöb: nöbd, ш.-бдх. nēb:nēbd, р.-х. nēb: nēbd 'сахать'; *sāraya-> б.-ршв. sör:sört, ш.-бдх. sér:sért; р.-х. sör:sérd 'высекивать', 'следить'; *tāčaya-> б.-ршв. tōz:tōzd, ш.-бдх. tēz: tēzd; р.-х. tēz:tēzd 'цедить'; *wazəya-> б.-ршв. woz:wōzd, ш.-бдх. wēz:wēzd, р.-х. wēz:wēzd 'купать' и т.д.

Огласовка ő широко представлена в основах переходных и каузативных глаголов и эти формы отнюдь не могут рассматриваться как остатки причастий жен. рода.

Следует иметь в виду еще и следующую общую тенденцию языков и диалектов шугнано-руманской группы: при ослаблении и утрате категории рода и разложении рододифференцирующих показателей формы муж. рода произывают большую жизнеспособность и могут сохраняться, а родовые форманты жен. рода чаще выходят из употребления.

В качестве примера сохранения форм муж. рода (при потере форм жен. рода) можем указать на следующие непереходные глаголы с огласовкой, аналогичной муж. роду: ш.-бдх., ambüst, р. ambost, перф. ш.-бдх. am्बūsc, р. ambosc 'разрушился', 'обвалился', 'разрушилась', 'обвалилась'; ш.-р. гр. wuzd, перф. wuzj 'шевелился', 'двигался', 'шевелилась', 'двигалась' (о насекомых); ш.-р. гр. wuct, перф. wucc 'двигался', 'tronулся', 'двигалась', 'тронулась' и др.

От последнего глагола образована каузативная форма: wucēn:wucēnt, перф. wucēnč 'качать', 'двигать', 'шевелить'.

§ 72. Отношение языков и диалектов при родоизменении глагольной основы в общих чертах аналогично их отношении при родовой перегласовке в именах. Вместе с тем в родовой перегласовке глагольной основы прослеживаются некоторые спе-

24 О каузативных формах в древнеиранских языках см., в частности, Соколов, 1961, 86-87.

Таблица 26

цифические, а в ряде случаев существенные отличия.

Главным отличием следует считать наличие i-образной огласовки жен. рода в некоторых именах существительных (типа *bīc* 'детеныш-самка' к *bīc* 'детеныш-самец', *kid* 'сука' к *kid* 'пес', ш.-бдк. *nibēs*, р.-х., б. *nabēs* 'внучка' к ш.-бдк. *nibōs*, р.-х. *nabūs*, б. *nabōs* 'внук') и отсутствие указанной огласовки в основах прош. времени. Поэтому при имени родовая модель муж. i / жен. i выделяется в качестве отдельного типа. Таким образом, за счет участия кратких гласных в родовой дифференциации в именах наличествуют два типа родовой перегласовки (ч/a, ч/i), в то время как в глаголе представлена только одна модель (ч/a). С другой стороны, в глаголе единая для всех языков и диалектов родовая модель муж. i / жен. i выделяется как отдельный тип родовой перегласовки, однако она характерна только для шугнанского, баджувского и реже для хуфского. В остальных языках реализуются другие гласные (ср. ш.-бдк., х. *rūst*, р. *rošt*, б.-ршв. *gōst* 'красный', жен. ш.-бдк., х. *gōst*, р., б.-ршв. *gāst*). Исходя из подобного рода расхождений при именах выделены и проанализированы четыре типа родовой перегласовки, а в глагольной основе – пять типов. По тем же принципам выделяются варианты при каждом типе.

Взаимоотношение языков и диалектов по реализации родовых перегласовок в основе прош. времени иллюстрируется в сводной таблице (табл. 26), в которой суммируются все типы и варианты родовых моделей.

В верхней части таблицы даются соответствия родовых перегласовок по языкам, а в нижней половине таблицы – для каждого основного типа приводится по одному примеру. Во втором столбце указываются номера таблиц, в которых при рассмотрении каждого типа и варианта родовой перегласовки были приведены примеры с отражением родовых чередований.

§ 73. На основе приведенной сводной табл. 26 можно сделать следующие выводы:

I. Родовая перегласовка посредством кратких гласных как при имени, так и в глаголе является общим и объединяющим типом для всех языков и диалектов, при этом модель ч/a следует

Тип и вариант	Но- мер типа	Мужской род			Женский род		
		ш.-бдк. р.-х.	б.-ршв.	ш.-бдк. р.-х.	б.-ршв.	ш.-бдк. р.-х.	б.-ршв.
I	I2, I4	u	u	u	a	a	a
II(I)	I6	i	o	ö	ä	ä	ä
(2)	I7	ü	o	ö	ö	p.ä, x.ö	ä
III(I)	20	ü	p.u, x.ü	ü	ö	a(x.ö)	ä
(2)	21	ü	u	ü(u)	ö	p.ä, x.ö	ö
IV	23	ü	ü	ü	ö	ö	ö
У	24	ö	ü	ö	ö	ö	b. ä, ршв. ö

Примеры

I	I2	pud	pud	pud	pad	pad	pad
	I4	virukt	virukt	virukt	viraít	viraít	viraít
II(I)	I6	sifid	sifod	siföd	sifäd	sifäd	sifäd
(2)	I7	nüst	p.nost, x.nüst	nöst	nöst	p.näst, x.nöst	näst
III(I)	20	wiruvd	wiruvd, x.wiruvd	wiruyd	wirövd	wiravd, x.wirövd	wirövd
(2)	21	tüyd	tuyd	tüyd	töyd	p.täyd, x.töyd	töyd
IV	23	müd	müg	müg	möd	mög	mög
У	24	xičöd	xičud	xičöd	xičöd	xičöd	xičäd

считать среди всех остальных типов более универсальным и доминирующим средством родоразличения не только в глаголе, но также и в других частях речи (в прилагательных, звукоподражательных и изобразительных словах).

2. С участием в рододифференциации долгих гласных между языками и диалектами возникают значительные отличия. Вместе с тем все родовые соответствия с точки зрения исторического развития и в зависимости от влияния фонетических факторов носят закономерный характер.

3. Наиболее регулярным является соответствие огласовки муж. рода р.-х. о / б.-ршв., о/ ш.-бдж. й. Данное соответствие наряду с основой времени имеет место также и в именах (см. второй тип в глаголе и третий тип в имени). Для этого типа соответствия показательно то, что форма муж. рода в шугнанском и баджувском выражается необычной для родоразличения огласовкой – долгим неогубленным гласным переднего ряда й, который сам по себе не является приметой муж. рода. Этот гласный, однако, при соответствии рушано-хурскому краткому огубленному о и бартангско-роморскому долгому огубленному ѿ становится родовым формантом муж. рода. Указанное соответствие как в глаголе, так и в именах наблюдается в положении перед одним согласным (ср. ш.-бдж. viwid, р.-х. viwod, б.-ршв. viwod 'отказался', ш.-бдж. xi^v, р.-х. xo^v, б.-ршв. xo^v 'сладкий'), в то время как соответствие ш.-бдж. ѿ, и / р.-х. о / б.-ршв. ѿ не зависит от упомянутого положения и может реализовываться как перед одним согласным, так и перед двумя (ш.-бдж. ricūst, х. racūst, р. racost, б.-ршв. racost 'убежал', ш.-бдж., х. rūst, р. ro^vt, б.-ршв. ro^vt 'красный', ш.-бдж. vīq, р.-х. voq, б.-ршв. voq 'выпуклый').

4. Форма жен. рода при втором типе перегласовки в положении перед одним согласным по всем языкам совпадает (ш.-р. viwād 'отказалась'), что имеет место также и в именах (ш.-р. gr. xā^v 'сладкая', xamā^v 'белоголовая', 'с белой отметиной на лбу'). Однако в положении перед двумя согласными рушанский вместе с бартангским и роморским сохраняет а-гласовку, а в шугнанском, баджувском и хурском возникает долгое ѿ, что прослеживается также и в именах (р., б.-ршв. racost, ш.-бдж. ricōst, х. racost 'убежала', р., б.-ршв. ra^vt, ш.-бдж., х. ro^vt 'красная').

5. При третьем типе родовой перегласовки в глаголе отношение языков и диалектов в зависимости от фонетических усло-

ловий значительно меняется: перед сочетанием -vd рушанский выделяется среди остальных языков и диалектов выражением мужского рода с помощью краткого и; в остальных – долгое ѿ (р. rabivid, ш.-бдж., х. rībīvd, б.-ршв. rabīvd 'прилип'). Форма жен. рода в этом положении почти во всех языках выражается через долгое а, но в шугнанском происходит сужение а > ѿ. При этом баджувский и хурский в ряде случаев допускают ту и другую огласовку (примеры см. в табл. 20). В положении перед сочетанием -ua форма мужского рода с огласовкой ѿ в шугнанском, баджувском и бартангском совпадает, в рушанском и хурском реализуется и здесь краткое и (примеры см. в табл. 21). В женском же роде рушанский опять выделяется огласовкой а и тем самым проявляет по сравнению с другими языками известную архаичность, так как в остальных языках и диалектах происходит сужение а > ѿ, что следует считать относительно поздним явлением в родовом чередовании гласных.²⁵

6. Модель ѿ/о выделяется среди остальных типов родовой перегласовки тем, что она объединяет все языки и диалекты (примеры см. в табл. 23). Эта модель свойственна также и именам, однако в этом случае между языками и диалектами возникают определенные закономерные расхождения (ср. в глаголе: ш.-бдж. mūd, р.-х., б.-ршв. müg 'умер', жен. ш.-бдж. möd, р.-х., б.-ршв. mög 'умерла'; в именах: ш.-бдж., х. rūst, р. ro^vt, б.-ршв. ro^vt 'красный', жен. ш.-бдж., х. ro^vt, р., б.-ршв. ga^vt 'красная'). Поэтому при анализе родовой перегласовки в глаголе модель ѿ/о выделяется в качестве отдельного типа, а при именах – как вариант третьего типа (см. §§ 19, 64).

7. По последнему пятому типу родовой перегласовки в глаголе между языками и диалектами обнаруживаются следующие

25 Соответствие ш.-бдж. ѿ/р.-х. а, а наблюдается также и в других случаях: ш.-бдж. tōe^v, р.-х. tā^v 'деревянное блюдо', ш.-бдж. yōrj, р.-х. yarj 'люцерна', ш.-бдж. yōvj, р.-х. yawj 'мука', ш.-бдж. xīgōw, р.-х. xai^vgōw 'як' и т.д.

Таблица 27

	Муж. род				Жен. род				
	ш.- бдк.	б.- рмв.	х.	р.	ш.- бдк.	б.- рмв.	х.	р.	
В именах									
В глаголе									

расхождения: а) руманский и его хуфский диалект характеризуется совпадением по перегласовке муж. $\dot{\imath}$ жен. $\bar{o}$; б) бартангский при огласовке муж. рода $\bar{o}$ для жен. рода развил $\bar{a}$ -огласовку; в) в шугнанском, баджувском и рошорском родового изменения не происходит (примеры см. в табл. 24). Показателен также факт совпадения глагольной огласовки муж. рода с огласовкой соответствующего рода в именах (ср. ш.-бдк., б.- $\dot{k}icōd$, р.-х. $\dot{k}icūd$ 'замерз' - ш.-бдк., б.-рмв. $vōgj$, р.-х. $vūgj$ 'конь'). Причем в огласовке жен. рода между языками и диалектами обнаруживаются значительные отличия, что заключается, главным образом, в наличии i -образной огласовки в именах (ср. ш.-бдк. $vēgj$, р.-х., б.-рмв. $vērj$ 'кобыла') и ее отсутствии в основе прош. времени у глагола.

Для иллюстрации родовых перегласовок как в глаголе, так и в именах приводится сводная таблица 27.

§ 74. На основании приведенной табл. 27 можно заключить следующее:

1. Как в именах, так и в глагольной основе прош. времени обнаруживается довольно стройная система родоразличения, что в целом заключается в закрепленности u -образной огласовки за формами мужского рода и закрепленности a - и i -образных огласовок за формами женского рода.

2. Собственно u -огласовка среди всех прочих корневых показателей муж. рода выделяется широким словарным распространением (она представлена во всех изменяющихся по роду частях речи) и совпадением по всем языкам и диалектам. По реализации остальных показателей муж. рода $\dot{\imath}$, $\bar{u}$, $\bar{o}$, $\bar{a}$, $\bar{e}$ между языками и диалектами обнаруживаются определенные расхождения, которые, однако, являются закономерными.

3. Характерная черта изменяющихся по роду корневых показателей муж. рода заключается в их огубленности. Исключением является шугнанско-баджувские неогубленные $\dot{i}$, $\bar{e}$, которым, однако, в остальных языках регулярно соответствуют опять-таки огубленные i (р.-х.), $\bar{o}$ (б.-рмв.). Поэтому в целом мы имеем основание говорить об единой u -образной огубленной огласовке как об основной и универсальной примете муж. рода.

4. Главными приметами форм жен. рода являются a -образная и i -образная огласовки; i -образная огласовка (в виде ш.-р. i , б.-бдк. $\bar{e}$, р.-х., б.-рмв. $\bar{e}$) представлена только в нескольких именах существительных. Все языки и диалекты по использованию собственно i -огласовки точно совпадают (ср. ш.-р. гр. $gi\dot{j}$ 'козочка' и $gu\dot{j}$ 'козленок').

5. На почве положения a -умлаута образовались и получили развитие следующие три корневых показателя жен. рода - $\bar{a}$, $\bar{o}$. Огласовка $\bar{a}$ как отражение древнего показателя жен. рода ныне остается наиболее характерной и употребительной для руманского языка. Огласовка $\bar{o}$ как основной и доминирующий показатель жен. рода по своей родоразличаемой значимости со-

ставляет равноправную спозиционную пару к огласовке муж. рода и, что объясняется и широкой словарной употребительностью а (применяется во всех родоразличаемых разрядах слов), и ее универсальностью (все языки и диалекты по использованию а объединяются).

6. Огласовка ё в системе родовых показателей выделяется омонимическим употреблением и как показатель муж., и как примета жен. рода, что особенно характерно для шуманского, баджувского, бартангского и роморвского. Однако при соответствии указанной огласовки рушано-хурскому ю двусмысленность ё устраняется. Образование и утверждение огласовки ё в качестве показателя жен. рода происходило за счет сужения а, поэтому данное явление следует, видимо, считать новообразованием. При этом типе огласовки взаимоотношение языков и диалектов резко меняется, а именно: хурский, бартангский и роморвский отделяются от относительно близкого им рушанского и примижают к шуманскому и баджувскому. Рушанский проявляет известный консерватизм, так как в большинстве случаев сохраняет родовую форму с а-огласовкой.

Выражение категории рода в основе перфекта

§ 75. Большая группа непереходных глаголов различает род в перфекте. В количественном отношении различающих род форм в перфекте значительно больше, чем при основе прош. времени, что объясняется следующими двумя факторами. Во-первых, все глаголы, изменившиеся по родам при основе прош. времени, полностью сохраняют родовую дифференциацию также и при перфекте. Во-вторых, число различающих род форм в перфекте увеличивается за счет ряда других не дифференцированных по роду основ прош. времени (ср. перфект - от глагола со значением 'разбухать': муж. и. biwéðj, бдж. biwéðj, р. buwayj, х. bwij, б. biwij, рмв. bwij, жен. и. biwésc, бдж. biwec, р.-х. buwayc, б. biwic, рмв. bwic - при основе прош. и. biwéð, бдж. biwéð, р. buwayd, х. bwid, б. biwid, рмв. bwid; перфект от глагола со значением 'загораться': муж. и.-бдж. riðíðj, р.-х., б.-рмв. ráðíj, жен. и.-бдж. ríðic, р.-х., б. ráðic, рмв.

ráðic, ráðic, при основе прош. и.-бдж. riðid, р.-х., б.-рмв. ráðid и т.д.).

§ 76. С формальной стороны между основами прош. времени и перфекта в синхронном плане выявляются следующие расхождения:

1. В перфекте в родовой дифференциации наряду с внутренней перегласовкой (что является для основы прош. времени единственным родоразличающим средством) участвуют также и исходные согласные -č, -j - для мужского рода и -c, -z - для женского (и.-бдж. tūj 'ушел', жен. tīc 'умла' при основе прош. времени tūyid, жен. tōyid).

2. В перфекте различающие род глаголы в отличие от основы прош. времени имеют специальную форму для множественного числа (ср. перф. муж. viruč, жен. и мн. virič, особое мн.ч. viratč - при основе прош. времени муж. virukt, жен. и мн. virait). При этом форма жен. рода основ прош. времени и перфекта, как правило, употребляется также и при мн. числе. Ср. и.-бдж. čini virait (virič) 'шиала разбилась' - činiuy-én-én virait (virič) 'шиали разбились'. Однако специальная перфектная форма мн. числа не может употребляться при ед.числе и поэтому она нейтральна к различению рода; ¹ ср. и.-бдж.

I В связи с этим не вполне ясным и убедительным представляется анализ различающих род перфектов бартангского языка в работе Карамхудоева, когда автор, в частности, пишет: "Во множественном числе, так же как и в единственном, различаются формы мужского и женского рода; ср. zidač-an (м.р.) - zidič-an (х.р.); см. Карамхудоев, 1973, I68-I69). Выше приведенные автором перфекты с пометой муж. рода (zidač-an 'оторвались', sáč-an 'умли', násč-an 'сели'), являясь формами мн.числа, вовсе не закреплены за какими бы то ни было родом (см. также Соколова, 1967, § 44). Поэтому они свободно употребляются не только при мн.числе подлежащего муж. рода, но также и женского; ср.: и. wāð virðar-én saðj tar bōy; б. wāð virðar-an saðj tar bōy 'те братья ушли в сад' - и. wāð

činiyen-en viraxč 'шили разбились' (čini 'шила' - жен. рода); и.-бж. wüs-en viraxč 'балки поломались' (wüs 'балка' - муж.р.).

3. Огласовка жен. рода в перфекте отличается от огласовки жен. рода основы прош. времени. Что касается огласовки муж. рода в основах прош. времени и перфекта, то в этом случае обнаруживаются большие сходства. Поэтому приведенный выше разбор различных типов огласовки муж. рода основы прош. времени (см. §§ 41-74) в известной мере относится также и к огласовке основы муж. рода перфекта. В связи с этим при дальнейшем изложении основное внимание будет уделено рассмотрению огласовки жен. рода и разъяснению специфических черт, различающих род форм перфекта в сравнении с основой прош. времени.

§ 77. В историческом плане перфектная основа в языках и диалектах шумано-руманской группы, как и в остальных памирских языках, продолжает старое вторичное причастие,сложненное суффиксами *-ка- для муж. рода и *-ći- для женского. Эти суффиксы в сравниваемых языках и диалектах соответственно отразились следующим образом: *-ка- дал -č, -j - универсальный показатель перфектов и дифференцированных и недифференцированных по роду форм, а *-ći- дал показатель жен. рода в виде -c, -z; например, *paxt(a)ka->p.-x. roxč, б. roxč 'поспел', 'сварился' - жен. *paxt(a)či->p., б. reħs, x. ræħs 'поспела', 'сварилась'. Суффиксальный элемент *-ка- в результате смягчения (палатализации) дал -č, -j, а *-t (из *-ta-) ассимилировался с образовавшимися аффрикатами -c, -č, -z, -j (Соколова, 1967, §§ 35, 44, 59; 1973, §§ 131-150).

Форманты муж. рода -č, -j из *-ka-<*-taka- и жен. -c, -z из *-ći-<*-tači- вместе с внутренней родовой огласовкой стали основными средствами различия рода для перфектных форм с непереходным значением.

---

uaxžinen-en sač̚ tar bōy, б. wād uaxžon-an sač̚ tar bōy 'сестры ушли в сад'.

§ 78. В целом в перфектных формах представлено три вида огласовки, исторически связанных с тремя положениями, а именно: форма мужского рода отражает огласовку нейтрального положения, форма женского рода - огласовку i-умлаута, а форма мн. числа перфекта - a-умлаута. Отклонения от вышеуказанных видов огласовки невелики и они касаются, главным образом, роморского языка, где в перфектных формах жен. рода a-огласовка преобладает над огласовкой i.

В отличие от основы прош. времени, где форма жен. рода полностью совпадала с формой мн. числа, в перфекте различающие род глаголы сохранили форму мн. числа, исторически восходящую к форме мн. числа причастий, осложненных суффиксом *-ka- (по типу *paxt(a)ka->raħč). Для сравнения ниже наряду с различающимися род формами перфекта приводятся также основы множественного числа перфекта и дифференцированные по роду основы прош. времени.

Выделение и анализ типов родовой перегласовки в перфекте осуществляется в основном по тем же принципам, которые применялись при рассмотрении родовой перегласовки в именах и в основах прош. времени.

§ 79. Первый тип муж. и/жен. i. Этот тип родовой перегласовки является наиболее распространенным и доминирующим. Отличительная черта рассматриваемой модели заключается еще в том, что все языки и диалекты сближаются, а во многих случаях совпадают по реализации родового чередования указанного типа. С точки зрения проявления огласовки и согласного сочетания в перфекте выделяются два варианта.

Первый вариант с единой для всех языков и диалектов родовой перегласовкой муж. и / жен. i включает те изменения, которые исторические сочетания *rt, *rd перед *t дало х. "В этом положении гласный из *r (или *ar?) никогда не растягивается и всегда представлен как краткий гласный" (Соколова, 1967, 60). Лишь в двух формах перфекта в бартангском и роморском возникает гласный o (б.-ршв. aħoħč при и.-бж., р.-х. arħiħ 'прыгнул'; б.-ршв. rawoħč при и.-бж. riwħiħ, р.-х. rawiħč 'летел').

Таблица 28

Языки	Основа перфекта			Основа прош. врем.		Перевод
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.	
ш.-р. гр.	viručč	virixč	viračč	viručt	viraxt	разбивать- ся, ломать- ся
ш.-р. гр.	zidučč	zidičč	zidačč	zidučt	zidat	оторваться, разрываться
ш.-р. гр.	ziyučč	ziyičč	ziyachč	ziyučt	ziyat	выскакать (о посевах)
ш. бдк.	pirkučč	pirxičč	pirkachč	pirkučt	pirxat	
р.-х.	parkučč	parxičč	parxačč	parkučt	parxat	
б.	paraxučč	paraxičč	paraxachč	paraxučt	paraxat	
рив.	paraxučč	paraxačč	paraxachč	paraxučt	paraxat	заболеть (снова)
ш.- бдк.	aručč	aričč	aračč	aručt	araít	
р.-х.	aručč	aričč	araičč	aručt	araít,	пригать, вставать
б.	aročč	aričč	aračč	aročt	araít	на дыбы
рив.	aročč	aročč	aračč	aročt	araít	
ш.-р. гр.	tučč	tičč	taičč	tučt	taít	драться
ш.	nixučč	nixičč	nixačč	nixučt	nixaít	
бдк.	nixučč	rixičč	rixačč	nixučt	rixaít	
х.	nixučč	rixičč	rixačč	nixučt	rixaít	
р.	raxučč	raxičč	raxachč	raxučt	raxaít	
б.	raxučč	raxičč	raxachč	raxučt	raxaít	
рив.	raxučč	raxačč, raxyčč	raxachč	raxučt	raxaít	
ш.- бдк.	riwučč	riwičč	riwachč	riwučt	riwaít	обвалиться, разрушаться
р.-х.	rawučč	rawičč	rawachč	rawučt	rawaít	
б.	rawočč	rawečč	rawachč	rawočt	rawaít	
рив.	rawočč	rawačč	rawachč	rawočt	rawaít	
						легать

По согласным исходам муж. -č / жен. -с все языки и диалекты совпадают (примеры см. в табл. 28).

Форма муж. рода в перфекте весьма близка соответствующей форме муж. рода основы прош. времени: огласовка и в том и другом случае является результатом нейтрального положения, и, таким образом, обе основы отличаются друг от друга лишь исходным согласным (перф. viručč - основа прош. viručt 'сломался'). Однако формы жен. рода перфекта и основы прош. времени наряду с расхождением исходных согласных (-č вместо -t) отличаются одна от другой также образованием различной родовой огласовки: вместо а-образной огласовки основы прош. времени в перфекте представлена і-образная огласовка (viraxt - viričč 'сломалась'). Форма множественного числа перфекта по огласовке совпадает с формой жен. рода основы прош. времени и отличается от нее только исходным согласным -č вместо -t(viraxt 'сломались' - viraxt 'сломалась').

§ 80. Второй вариант включает формы (см. табл. 29), огласовка которых в баджувском диалекте имеет закономерное отличие от всех остальных языков и диалектов, а именно: в баджувском в перфекте муж. рода и мн. числа соответственно представлены долгие ī, ū, в остальных языках расхождения гласных не происходит и употребляются соответственно u, a (ср. муж. бдк. ūsūj при ш. ūsūj, р. ūsūj, x. ūsūj, б. ūsūj, рив. ūsūc 'умел'; мн. число бдк. ūsūj при ш. ūsūj, р.-х. ūsūj, саč, б.-рив. ūsūj, ūsūc 'умели').

§ 81. По данным табл. 29 можно отметить, что суффиксальные элементы перфекта отличаются по языкам и диалектам следующим образом: в шугнанском и баджувском исходный согласный -d- основы прош. времени в перфекте муж. рода и мн. числа сохраняется в спирантализированном виде (-đ-), в остальных языках и диалектах -d- выпадает (примеры см. табл. 29). В бартангском лишь в одном перфекте муж. рода наряду с ūsūj 'был' параллельно засвидетельствована форма ūsūčč, где происходит оглушение -đj → -đ. В хуфском диалекте в одном случае представлена форма с -g- (wizugj 'погас'), что может быть объяснено влиянием аналогии (ср. х.: čugj 'делался' при ш.-бдк. čūvjj, р., б. čūj, рив. čūj, čūč; х. mugj 'умер' при ш.-

Таблица 29

Продолжение табл. 29

Язык	Основа перфекта			Основа прош.		Перевод
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.	
I	2	3	4	5	6	7
и.	vūðj	vic	vaðj	vud	vad	
бдх.	vūðj	vic	vōðj	vud	vad	
р.	vīj	vic, vij	vaj, vij	vid	vid	
х.	vuj	vic	vaj	vud	vad	быть, находиться
б.	vuj, vuðc	vic, viðc	vac, vac	vud	vad	
рмв.	vuj, vuðc	vac, vaj	vac, vaj	vud	vad	
и.	wizabj	wizic	wizabj	wizud	wizad	
бдх.	wizubj	wizic	wizobj	wizud	wizad	
р.	wizuj	wizic	wizaðj	wizud	wizad	потухать, гаснуть
х.	wizugj	wizic	wizaðj	wizud	wizad	
б.	wizuj	wizic	wizaðj	wizud	wizad	
рмв.	wizuc	wizac	wizað	wizud	wizad	
и.	suðj	sic	saðj	sud	sad	
бдх.	suðj	sic	soðj	sud	sad	
р-х.	suj	sic, siwc	saj	sud	sad	гореть, сгореть
б.	suj	sic	saðj	sud	sad	
рмв.	suð, suj	sað, saj	sud	sad		
и.	zibubj	zibic	zibabj	zibud	zibad	
бдх.	zibubj	zibic	zibobj	zibud	zibad	
р-х.	zibuj	zibic	zibaðj	zibud	zibad	
рмв.	zibuð, zibuj	zibað, zibaðj	zibað, zibaðj	zibud	zibad	
и.	siruðj	siric	siraðj	sirud	sirad	пригать
бдх.	siruðj	siric	sirððj	sirud	sirad	
р-х.	siruj	siric	siraj	sirud	sirad	отделяться
б.	siruj	siric	siraj	sirud	sirad	
рмв.	siruc	siric	sirað, sirayð	sirud	sirad	выделяться

I	2	3	4	5	6	7
и.	suðj	sic	saðj	sut	sat	
б.	sūðj	sic	sōðj	sut	sat	
р.	suð, suð	sic	sað, sað	sut	sat	
х.	suð	sic	saj, sað	sut	sat	
б.	suð, suð	sic	saj, sað	sut, sud	sat, sad	
рмв.	suð	sað, saj	sað, saj	sut	sat	
и.	firuðj	firic	firabj	firud	firad	
бдх.	firubj	firic	firobj	firud	firad	
р.	firuj	firic,	firaj	firud	firad	
х.	firuj	firiwc	firaj	firud	firad	
б.	firuc,	firað,	firað,	firud	firad	
рмв.	firuj	firaj	firaj			

бдх. шуй, р., б. мүж, рмв. мүж, мүч).

Роморвский в большинстве случаев при формах перфекта муж. рода и мн.ч. дает оглушенный ё (вместо ѕ), что в редких случаях наблюдается также и в бартангском, и в рушанском. В шугнанском, балжууском и хуффском оглушения не происходит. Роморвский в отличие от всех остальных языков и диалектов допускает притяжку муж. рода ѕ вместо с также в формах перфекта жен. рода. При этом в ряде случаев в формах перфекта жен. рода представлена огласовка а и, таким образом, указанная форма совпадает с формой мн.числа (ср. рмв. wizað 'потухла', 'потухли' при и.-бдх., р-х., б. wizic 'потухла', мн.ч. и. wizabj, бдх. wizobj, р-х.; б. wizað 'потухли'). Это свидетельствует о выравнивании изменяющихся по роду перфектных основ по типу основ прош. времени с той разницей, что формальное сопадение жен. рода к мн. числам при основе прош. времени характерно

Таблица 31

для всех языков и диалектов, а в перфекте подобное совпадение стало присущим только рошорвско-му.

В целом родовую перегласовку рассматриваемого варианта можно представить в виде отдельной таблицы (табл. 30).

Таблица 30

Язык	В основе перфекта			В основе прош.	
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.
и.	и	и	а	и	а
р.-х.	и	и	а	и	а
б.	и	и	а	и	а
рмв.	и	и, а	а	и	а
бдх.	и	и	о	и	а

Как явствует из табл. 30, в перфектных основах представлены три вида огласовки. В диахронном плане историческое *а в нейтральном положении дает огласовку муж. рода в и., р.-х., б.-рмв. и, бдх. и, в положении i-умлаута — огласовку для жен. рода краткое i, а в положении a-умлаута отражается во мн. ч. в форме краткого а, однако в баджуском диалекте и в этом случае реализуется долгое ə (примеры см. табл. 29).

§ 82. Второй тип перегласовки в зависимости от взаимоотношения языков и диалектов включает два варианта. Оба варианта в целом характеризуются совпадением перфектной родовой перегласовки в шугнанском и ее резким расхождением в остальных языках и диалектах.

Первый вариант родовой перегласовки с соответствующими расхождениями по языкам и диалектам показан в табл. 31, а примеры для рассматриваемого варианта даются в табл. 32.

Язык	В основе перфекта			В основе прош.	
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.
и-бдх.	и	и	о	и	о
р.	и, и	и, и, а, е	а, а, о	и, и	а, а, о
х.	и, и	и, и	о, о, а	и, и	о
б.	и	и, и, а, е	о, а, а	и, и	о
рмв.	и, и	а, о	о, а	и, и	о

Таблица 32

Язык	Основа перфекта			Основа прош.		Перевод
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.	
I	2	3	4	5	6	7
ш.	ažūyj	ažiž3	ažōyj	ažud	ažōd-	
бдх.	nižūyj	nižiž3	nižōyj	nižud	nižōd	
х.	nižugj	nižig3	nižogj	nižug	nižog	
б.	nižūj	nižec	nižōj	nižug	nižōg	
рмв.	nižūj	nižuj	nižōj	nižug	nižōg	
ш.	andūyj	andic	andōyj	andūyd	andōyd	
бдх.	indūyj	indic	indōyj	indūyd	indōyd	
р.	indawj	indiwc,	indawj	indawd	indawd	
х.	indawj,	indiwc,	indawj	indawd	indōyd	
б.	induyj	indiwc				
рмв.	indawj,	indawj,	indawj	induyd	indōyd	
	indawč	indawč	indawč	indawd	indawd	встать

Продолжение табл. 32

I	2	3	4	5	6	7
и.	āyūj	āic	āoyj	āuyd	āoyd	
бдк.	awūj	awic	awoyj	awuyd	awoyd	
р.	awuj	awic	awayj	awuyd	awayd	лемать,
к.	awuyj	awiyc	awoyj	awuyd	awoyd	лохить-
б.	awuyj	awayc	awayj	awuyd	awoyd	ся
рмв.	awuyj	awayc	awoyj	awuyd	awoyd	
и.- бдк.	tūj	tīc	tōyj	tūyd	tōyd	
р.	tuyj	tiyc, tayc	tāyj	tuyd	tāyd	
к.	tuyj	tiyc	tōyj	tuyd	tōyd	уходить
б.	tūj	tayc	tōyj	tūyd	tōyd	
рмв.	tūj	tōyj, tōyc	tōyj, tōyc	tūyd	tōyd	
и.- бдк.	naiktūj	naiktīc	naiktōyj	naiktūyd	naiktōyd	
р.	niiktuyj	niiktayc, niiktēc	niiktāyj	niiktuyd	niiktāyd	
к.	naiktuyj	naikiyc, naikitūz	naiktōyj	naiktuyd	naiktōyd	выхо- дить
б.	naiktūj	naiktayc	naiktōyj	naiktūyd	naiktōyd	
рмв.	naiktuyj, naiktuyc	naiktōyj, naiktōc	naiktōyj	naiktuyd	naiktōyd	
и.- бдк.	mūj	mīj	mōyj	mūd	mōd	
р.	mūj	mīwc	mōj	mūg	mōg	
к.	mugj	migj	mōgj	mūg	mōg	умирать
б.	mūj	mīwc	mōj	mūg	mōg	
рмв.	mūc, mūj	mōc, mōj	mōc, mōj	mūg	mōg	

Как известно из табл. 31 и 32, в шугнанском и его баджувском диалекте при всех формах перфекта и основы прош. времени представлены долгие гласные, в остальных же языках и диалектах наряду с долгими употребительны также и краткие гласные. Шугнанский с баджувским диалектом выделяются среди прочих языков и диалектов постоянным соответствием огласовки муж. рода ю / жен. й. Остальные языки обнаруживают разной и различные отклонения в реализации родовой перегласовки рассматриваемого варианта.

Для руманского в целом не характерно растяжение гласных. Словарное распространение родовой перегласовки с краткими гласными и / і преобладает над долгими ю / ѹ. Аналогичное явление в изменяющихся по роду формах перфекта прослеживается также и в хуфском диалекте. Однако во мн. числе перфекта хуфский, впрочем как и бартангский и роморвский, по реализации огласовки ю отличается от руманского и сближается с шугнанским (примеры см. табл. 20). В бартангском, как и в шугнанском и баджувском, во всех формах муж. рода перфекта представлена долгая фонема ю. В роморвском наряду с ю в редких случаях допускается краткая огласовка (и).

Почти такое же соотношение языков и диалектов в реализации долгих и кратких гласных наблюдается и в огласовке перфектных форм жен. рода, а именно: в шугнанском и баджувском во всех формах употребляется лишь одна огласовка жен. рода й, в остальных языках (за исключением роморвского) используется обе огласовки і, ѹ. Причем форма с кратким і зафиксирована чаще, чем с долгим ѹ. В бартангском и руманском соответственно в двух перфектных основах представлена огласовка є (б. nižēc, при и. ažiž, бдк. nižiž, х. nižig 'намокла'; р. niiktēc (параллельно с niiktayc), и.-бдк. naiktīc, х. naikitūc, б. naiktayc 'вышла'). При этом важно еще то, что бартангский и руманский в ряде случаев в перфектной основе жен. рода наряду с і, ѹ допускают а-огласовку (б. ta-уc, р. tayc//tiyc при и.-бдк. tīc, х. tiyc, tīc, рмв. tōyj, tōyc 'ушла'). Это может свидетельствовать о намечающейся для названных языков тенденции выравнивания перфектной огласовки жен. рода по модели основы прош. времени того же рода через

а-огласовку (ср. перфект жен. р., б. *ništayc* - основа прош. р. *ništāyd*, б. *naštōyd* 'вымы' при и.-бдк. *naštīc*, х. *naštīyc*, *naštīyž*, рмв. *naštōyj* - основа прош. и.-бдк., х., рмв. *naštōybd*). Подобное явление для роморвского языка уже давно стало доминирующим, так как в роморвском а-огласовка выступает в качестве основной приметы жен. рода, а общая для остальных языков огласовка *i* вовсе не прослеживается. К тому же из шести глаголов в трех перфектных основах представлена форма с *ö*-огласовкой и тем самым мы встречаемся с фактом совпадения основы жен. рода с формой мн. числа в роморвском (ср. рмв. жен. и мн.ч. *tōyj* 'ушла', 'ушли' при формах жен.р. и.-бдк. *tīc*, р. *tiyc*, *tayc*, х. *tiyc*, б. *tayc* 'ушла' и мн. ч. и.-бдк., х., б. *tōyj*, р. *tāyj* 'ушли'; рмв. жен. и мн. *mōj* 'умерла', 'умерли' при и.-бдк. жен. *mīyž*, р., б. *mīwc*, х. *mīgž* 'умерла' и мн.ч. и.-бдк. *mōyj*, р., б. *mōj*, х. *mōgj* 'умерли'; рмв. жен. и мн. *naštōyj* 'вышла', 'вышли' при жен. и.-бдк. *naštīc*, р. *ništayc*, *ništēc*, х. *naštīyc*, б. *naštayc*, мн. и.-бдк., х., б. *naštōyj*, р. *ništayj* 'вышли').

Глагол со значением 'вставать' в руманском и роморвском при основе прош. времени не различает рода (ср. р., рмв. *indawd* 'встал(а)' при и. *andōyd*, бдк. *indōyd*, х. *indawd*, б. *indāyd* 'встал', жен. и. *andōyd*, бдк., х., б. *indōyd* 'встал(а)'). В перфекте муж. рода в руманском, бартангском и роморвском не дифференцированная по роду основа прош. времени *indawd* сохраняется в форме р., б. *indawj*, рмв. *indawj*, *indawc* 'встал' при и. *andōyj*, бдк. *indōyj*, х. *indawj* 'встал'.

Форма жен. рода перфекта, как по внутренней огласовке, так и по согласному окончанию, содержит приметы жен. рода. Лишь в роморвском языке представлена форма, не имеющая родовой дифференциации (ср. р. *indiwc*, *indiw*, б. *indiwc*, и. *an-dīc*, бдк. *indīc*, х. *indiwc*, *indiw*, б. *indiwc* 'встала' при рмв. *indawj*, *indawc* 'встал(а)', 'встали').

По реализации исходных окончаний и согласных звуков перфектные формы сравниваемых языков и диалектов также обнаруживают ряд расхождений (см. табл. 30). Так, например, шугнано-баджувские звуковые сочетания *-yj*, *-yž* в остальных языках передаются соответственно в формах *-j* и *-wc* (ср. перф. муж.

и.-бдк. *mīyj*, р., б., рмв. *mīj*, рмв. тх. *mīč* 'умер', жен.ш.-бдк. *mīyž*, р., б. *mīwc* 'умерла').

Для роморвского характерно оглушение звонких *-j* и *-z* соответственно в *-č* и *-c*. При этом в ряде случаев допускается параллельное употребление форм с теми и другими исходами (ср. рмв. *tōyj/tōyb* 'ушла', 'ушли', *mōč/mōj* 'умерла', 'умерли', *naštōyj/naštōyb* 'вышла', 'вышли' и т.д.).

§ 83. Второй вариант отражает родовую огласовку перед *-v* (табл. 33, 34). В этом случае различение рода в шугнанском и баджувском, так же как и при первом варианте, осуществляется с помощью перегласовки муж. *ī* / жен. *ī*. По огласовке муж. рода хуфский, бартангский и роморвский совпадают с шугнанским и баджувским. Огласовка женского рода в хуфском и бартангском также близка шугнанской и баджувской; отклонения касаются проявления в хуфском и бартангском краткого *i*, что можно считать результатом влияния руманского языка. В руманском положение перед *-v* в целом не благоприятствует четкому различению рода, так как в подавляющем большинстве случаев форма перфекта муж. рода имеет а-огласовку и совпадает с формой мн. числа. Причем форма жен. рода в этом случае выделяется огласовкой *ē* и исходным согласным окончанием *-z* (ср. р. перф. муж. и мн. *rařavj*, жен. *rařēvz* 'прицепляться'; муж. и мн. *nřāvj*, жен. *nřēvz* 'приставать', 'прилепляться').

Таблица 33

Язык	В основе перфекта			В основе прош.	
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.
и.	ī	ī	ō	ī	ō
бдк.	ī	ī	ā,ō	ī	ā,ō
р.	u,ā	ē,i,ā	ā	u	ā
х.	ū	ī,i,ā	ā	ū	ā,ō
б.	ū	ī,i,ā	ā	ū	ā
рмв.	ū,u	a	ā	ū	ā

Таблица 34

Продолжение табл. 34

Язык	Перфект			Основа прош.		Перевод
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.	
I	2	3	4	5	6	7
и.	anjūvј	anjivž	anjōvј	anjūvd	anjōvd	
бдк.	injūvј	injivž	injōvј	injūvd	injōvd	начать-
р.	injivј	injivž	injivј	injivd	injivd	ся (о
х.	injūvј	injivž	injūvј,	injūvd	injōvd	родовых
			injivž			схват-
б.	injūvј	injūvј	injūvј	injivd	injivd	ках)
и.	biðūvј	biðivž	biðōvј	biðūvd	biðōvd	
бдк.	biðūvј	biðivž	biðāvј	biðūvd	biðāvd	закри-
р.	biðāvј	biðēvž	biðāvј	biðāvd	biðāvd	ваться
х.	biðūvј	biðāvž	biðāvј	biðūvd	biðāvd	(о гла-
б-рмв.	biðūvј	biðāvž	biðāvј	biðūvd	biðāvd	зах;
						рте)
и.	cirūvј	virivž	cirōvј	cirūvd	cirōvd	
бдк.	cirūvј	cirivž	cirāvј,	cirūvd	cirāvd,	
р.	ciruvј	cirāvј,	cirāvј	ciruvd	cirāvd	
х.	cirūvј	cirivž	cirāvј	cirūvd	cirāvd	
б.	cirāvј	cirāvž	cirāvј	cirāvd	cirāvd	
рмв.	cirūvј,	cirāvј,	cirāvј,	cirūvd	cirāvd	
			cirāvč			
и.	niðūvј	niðivž	niðōvј	niðūvd	niðōvd	
бдк.	niðūvј	niðivž	niðāvј,	niðūvd	niðāvd,	
			niðōvј		niðōvd	
р.	niðāvј	niðēvž	niðāvј	niðūvd	niðāvd	
х.	niðūvј	niðivž	niðāvј	niðūvd	niðāvd,	
					niðōvd	
б.	niðūvј	niðēvž	niðāvј	niðūvd	niðāvd	при-
рмв.	niðūvј,	niðāvј	niðāvј,	niðūvd	niðāvd	деть-
			niðāvč			ляться

I	2	3	4	5	6	7
и.	piðūvј	piðivž	piðōvј	piðōvd	piðōvd	
бдк.	piðāvј	piðivž	piðāvј	piðāvd	piðāvd	
р.	raðāvј	raðēvž	raðāvј	raðāvd	raðāvd	
х.	piðūvј	piðēvž	raðāvј	raðāvd	raðāvd	
б.	raðūvј	raðivž	raðāvј	raðāvd	raðāvd	
рмв.	raðūvј,	raðāvč	raðāvј,	raðāvd	raðāvd	
и.	sitūvј	sitivž	sitōvј	sitōvd	sitōvd	
бдк.	sitūvј	sitivž	sitāvј,	sitāvd	sitāvd	
			sitōvј	sitōvd	sitōvd	
р.	sitāvј	sitēvž	sitāvј	sitāvd	sitāvd	
х.	sitūvј	sitivž	sitāvј	sitāvd	sitāvd	
б.	sitūvј	sitēvž	sitāvј	sitāvd	sitāvd	
рмв.	sitūvј,	sitāvč	sitāvј,	sitāvd	sitāvd	
			sitāvč			

Роморвский отличается от всех остальных языков и диалектов регулярным проявлением огласовки жен. рода ā и ее соответствием в других языках огласовке ī, ī (в ряде случаев ā-огласовка в формах перфекта жен. рода возникает также и в бартангском и хуфском). Это свидетельствует о выравнивании перфектной формы жен. рода с формой мн. числа, что для роморвского языка является нормой, а для хуфского и бартангского намечавшейся тенденцией.

§ 84. Особое соотношение между языками выявляется в огласовке мн. числа перфекта, где все языки и диалекты делятся по реализации огласовки на две группы: шугнанский с ō-огласовкой и все остальные с ā-огласовкой (см. табл. 33). При этом в баджувском в редких случаях возникает огласовка ā, что связано с влиянием шугнанского. Подобное соотношение между

рассматриваемыми языками обнаруживается также при огласовке жен. рода основы прош. времени обоих указанных вариантов (примеры см. табл. 32, 34).

Благодаря сохранившемуся во всех языках и диалектах звонкому -v в окончаниях всех перфектных основ представлены звонкие -j и -z. Исключением является роморвский, для которого даже и в этом положении прослеживается оглушение исходных звонких -j, -z в -č, -c. Параллельное употребление форм с -j/-č свидетельствует о том, что в роморвском языке продолжается сосуществование двух моделей (с -j и -č), из которых, однако, форма с -č в дальнейшем может вытеснить форму с -j.

§ 85. Третий тип родовой перегласовки в перфекте в зависимости от расхождения языков и диалектов характеризуется наличием четырех вариантов. Огласовка рассматриваемых ниже разновидностей в целом совпадает с аналогичной родовой перегласовкой в именах и основах прош. времени.

Первый вариант родовой перегласовки в перфектной основе представлен в табл. 35, а примеры для этого варианта приводятся в табл. 36.

Таблица 35

Язык	В основе перфекта			В основе прош.	
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.
ш-бдх.	í	í	á, ó	í	á
р.	o	é	á	o	á
х.	o	æ	á	o	á
б.	o	é	á	o	á
рмв.	o	á, é	á	o	á

По данным таблиц 35 и 36 можно отметить следующее: в шугнанском и баджувском перфект муж. рода по 1-огласовке со-

впадает с формой жен. рода и тем самым род различается только исходными согласными.

Таблица 36

Язык	Основа перфекта			Основа прош. вр.		Перевод
	муж.	жен.	мн.	муж.	жен.	
I	2	3	4	5	6	7
ш.	naifíðj,	naifíc,	naifáðj,	naifid,	naifáð,	вывихи-ваться, выдергивать-ся
бдх.	niifíðj	niifíc	niifáðj	niifid	niifáð	
р.	narfíðj,	narfic,	narfáðj,	narfid,	narfáð,	
х.	naifíðj	naific	naifáðj	naifid	naifáð	
б.	nawfoj	nawfec	nawfáj	nawfod	nawfád	
рмв.	nawfoj	nawfec	nawfáj	nawfod	nawfád	
ш.-бдх.	nawföj	nawfaj	nawfaj	nawfod	nawfád	
р.	nawžoј	nawžec	nawžáj	nawžod	nawžád	переходить, переезжать
х.	nawžoј	nawžec	nawžáj	nawžod	nawžád	
б.	nawžoј	nawžec	nawžáj	nawžod	nawžád	
рмв.	nawžoј,	nawžec;	nawžáj,	nawžod	nawžád	
		nawžök	nawžac,	nawžac		
ш.-бдх.	sifíðj	sifíc	sifaðj,	sifid	sifáð	
р.	sifoj	sifec	sifáðj	sifod	sifáð	подниматься
х.	sifoj	sifec	sifáðj	sifod	sifáð	
б.	siföj	sifec	sifáðj	sifod	sifáð	
рмв.	siföj;	sifec;	sifáðc,	sifod	sifáð	
	siföj	sifaj	sifáðj			
бдх.	viwiðj	viwic	viwáðj,	viwid	viwáð ²	

² В шугнанском и роморвском этот глагол не зафиксирован.

Продолжение табл. 36

I	2	3	4	5	6	7
p. x. б.	viwoj viwoj viwōj	viwēc viwaec viwēc	viwāj viwāj viwāj	viwod viwed viwōd	viwād viwād viwād	отка- заться, обижать- ся

Поскольку i-огласовка является признаком жен. рода вообще, а перфектной формы жен. рода в особенности, то указанное совпадение родовой огласовки в перфекте (как и при именах) создает омонимию долгого ī. Причем в основах пром. времени подобное совпадение родовой огласовки исключается, так как форма жен. рода отражает а-умлаутную огласовку (ср. муж. ш.-бж. sifid, р.-х. sifod, б.-рив. sirōd 'поднимался' - жен. ш.-бж., р.-х., б.-рив. sifād 'поднималась'). Однако если учесть закономерное соответствие огласовки муж. рода по языкам (ш.-бж. ī / р.-х. o / б.-рив. ū), то можно говорить о четком выражении рода не только перфектными согласными окончаниями, но также и посредством внутренней огласовки даже в шугнанском и баджувском. Следовательно, огласовка ī вне этого соответствия закреплена за формами жен. рода, а при соответствии р.-х., o, б.-рив. ū она как в именах, так и в перфекте выступает в качестве показателя муж. рода. В остальных языках и диалектах различение рода осуществляется двумя способами - огласовкой и перфектными окончаниями (ср. муж. ш.-бж. sifidj, р.-х. sifoj, б.-рив. sirōj 'поднимался', жен. ш.-бж. sific, р. sifēc, х. sifæc, рив. sifāč, sifāj).

Огласовка жен. рода имеет по языкам четкое соответствие: ш.-бж. ī / р., б. ē / х. æ, рив. ā, ē. Руманский и бартангский, как это можно заметить, объединяются, хуфский отделяется от руманского и выявляет собственную специфику (в четырех перфектных основах в хуфском представлена огласовка æ). В ришорвском в большинстве случаев, как и в предыдущих типах, реализуется ā-огласовка, и в результате форма перфек-

та жен. рода совпадает с формой мн. числа (примеры см. табл. 36).

§ 86. Второй вариант отличается от рассмотренного выше по огласовке муж. рода, в котором в шугнанском и баджувском реализуется ū, а в руманском, бартангском и ришорвском языках изменений не происходит, хуфский же в двух случаях совпадает с шугнанским. Огласовка жен. рода в перфекте аналогична предыдущей (т.е. ш.-бж. ī, р.-х., б.-рив. ē) и отличается лишь тем, что хуфский в перфекте совпадает с руманским и бартангским, причем по огласовке основы прош. времени хуфский примыкает к шугнанскому и баджувскому. Для этого варианта родовой перегласовки зафиксировано три глагола (табл. 38). Соответствие родовой перегласовки по языкам дается в табл. 37. Из табл. 37 и 38 видно, что ришорвский по огласовке муж. рода совпадает с бартангским, однако в форме жен. рода в перфекте наряду с ē допускает также и ā (рив. nāšč, nāšč 'села', rāgēšč 'порвалась').

Таблица 37

Язык	В основе перфекта			В основе прош.	
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.
ш.-бж.	ū	ī	ō	ū	ō
р.	o	ē	ā	o	ā
х.	o, ū	e	ō	o, ū	ō
б.	ō	ē	ā	ō	ā
рив.	ō	ē, ā	ā	ō, ū	ā

§ 87. Третий вариант представлен одним глаголом со значением 'печься', 'вариться', 'поспевать'. Этот вариант выделяется тем, что в шугнанском, баджувском и ришорвском этот глагол по роду не меняется, а в остальных языках и диалектах родовая огласовка совпадает с огласовкой первого

Таблица 38

Язык	Основа перфекта			Основа прош.		Перевод
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.	
ш.-бдх.	nūsc̄,	nīsc	nōsc̄	nūst	nōst	
р.	nōsc̄,	nēsc	nāsc̄,	nost	nāst	
х.	nūsc̄,	nēsc	nōsc̄,	nūst	nōst	сидеть
б.	nōsc̄,	nēsc	nōsc̄,	nōst	nāst	
ршв.	nōsc̄,	nāsc̄,	nāsc̄,	nōst	nāst	
ш.-бдх.	pirūsc̄,	pirīsc	pirošt̄	pirūst	pirošt	
р.	parosč̄	parēsc	parāsc̄	parost	parāst	порвать-
х.	parosč̄	parēsc	parōsc̄	parost	parōst	ся, разо-
б.	parōsc̄	parēsc	parāsc̄	parōst	parāst	рваться
ршв.	parōsc̄	parēsc	parāsc̄	parōst	parāst	
ш.-бдх.	ricūsc̄,	ricīsc	ricōsc̄	ricūst	ricōst	
р.	racūsc̄,	racīsc	racōsc̄	racost	racāst	
х.	racōsc̄,	racēsc	racāsc̄	racost	racāst	убе-
б.	racūsc̄,	racēsc	racōsc̄	racūst	racōst	жать ³
	racōsc̄,	racēsc	racāsc̄	racost	racāst	

³ В ршв. этот глагол не отмечен.

варианта: перф. муж. р.-х. рох̄с, б. рох̄с 'сварился', 'поспел', жен.р., б. рох̄с, х. рох̄с 'сварилась', 'поспела'; мн.ч. р.-х., б. рох̄с 'сварились', 'поспели' при одной форме ш.-бдх. рох̄с, ршв. рох̄с. Нетрудно заметить, что в последних языках сохранилась форма муж. рода.

§ 88. Четвертый тип родовой перегласовки имеет ограниченное словарное распространение (засвидетельствовано три глагола). Данный тип перегласовки представлен в табл. 39, а примеры даются в табл. 40. По этим таблицам можно заключить следующее:

1) Перфектная основа во всех языках и диалектах как по огласовке, так и по согласным окончаниям дифференцируется по роду, однако родовое изменение в основе прош. времени касается только рушанского и его хуфского диалекта. В бартангском языке лишь в одном глаголе содержится родовое различие (ср.б. aхövd, р.-х. хuvd 'спал', жен. б. aхävd, р.-х. хövd 'спала' при ш.-бдх. хövd, ршв. (a)хövd 'спал', 'спала').

2) В отличие от вымерассмотренных типов огласовка ö, в целом характерная для жен. рода, в шугнанском, баджувском, бартангском и ршв. при данном типе выступает в качестве показателя муж. рода. Однако если принимать во внимание историческое развитие указанной огласовки и соответствие ш.-бдх., б.-ршв. б/р.-х. ü, то омонимичность легко устраивается (см. §§ 68-70).

3) Форма мн. числа перфекта во всех языках и диалектах имеет ö-огласовку и в подавляющем большинстве языков (ш.-бдх., б., ршв.) совпадает с формой муж. рода. Лишь в рушанском языке и его хуфском диалекте подобное совпадение не обнаруживается, поскольку форма муж. рода имеет огласовку ü.

§ 89. Особую группу составляют перфектные формы, в которых различение рода осуществляется только с помощью исходных согласных: для муж. рода -č, -j, для жен. -s, -z (см. табл. 41). В этих формах основа прош. времени, как правило, не знает родовой дифференциации (за исключением ршв. sikixt 'уделен', жен. sikaxt 'уделела', что, по-видимому, является новообразованием). Другая особенность рассматриваемой группы

Таблица 39

Язык	В основе перфекта			В основе прош.	
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.
ш-бдх.	ó	é	ó	ó	ó
р-х.	é	é	ó	ú	ó
б.	ó	é	ó	ó	ó, á
ршв.	ó	é	ó	ó	ó

Таблица 40

Язык	Основа перфекта			Основа прош.		Перевод
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.	
ш-бдх.	ðóðj	ðéç	ðóðj	ðóð	ðóð	попадать,
р-х.	ðúj	ðéç	ðój	ðúð	ðóð	падать,
б.	ðój	ðéç	ðój	ðóð	ðóð	идти (об осадках)
ршв.	ðóð	ðéç	ðój,	ðóð	ðóð	
ш-бдх.	xiçóðj	xiçéç	xiçóðj	xiçóð	xiçóð	замер-
р-х.	xiçúj	xiçéç	xiçój	xiçúð	xiçóð	зять
б.	xiçój	xiçéç	xiçój	xiçóð	xiçóð	
ршв.	xiçój,	xiçéç	xiçój,	xiçóð	xiçóð	
xiçóð						
ш-бдх.	xóvj	xévz	xóvj	xóvd	xóvd	спать
р-х.	xuvj	xévz	xóvj	xúvd	xóvd	
б.	aðóvj	aðéfc,	aðóvj	aðóvd	aðávd	
ршв.	(a)xóvj,	(a)xéfc	(a)xóvj,	(a)xóvd	(a)xóvd	
	(a)xóvð					

Таблица 41

Язык	Основа перфекта			Основа прош.		Перевод
	муж.	жен.	мн.ч.	муж.	жен.	
I	2	3	4	5	6	7
бдх.	ingixč	ingixč	ingixč	ingixt	ingixt	
р-х.	ingixč	ingixč	ingixč	ingixt	ingixt	
б-ршв.	ingixč	ingixč	ingixč	ingixt	ingixt	
ш.	angixč	angixč	angixč	angixt,	angixt,	
ш-бдх.	biníj	biníc	biníj	binid	binid	
р-х.	biníj	biníj	biníj	binid	binid	
ш-бдх.	béðj	béðj	béðj	béð	béð	
ш.	biyéðj	biyéç	biyéðj	biyéd	biyéd	
бдх.	biwéðj	biwéç	biwéðj	biwéð	biwéð	
р.	buwayj	buwayc	buwayj	buwayd	buwayd	
х.	buwiłj	buwayc	buwiłj,	buwid	buwid	
б-ршв.	buwiłj	buwic	buwiłj	buwid	buwid	
р.	wékč	wékç	wékč	wékt	wékt	
б.	wékč	wékç	wékč	wékt	wékt	
ршв.	wékč	wékç	wékč,	wékt	wékt	
х.	wækč	wækç	wækč	wækt	wækt	
ш-бдх.	wækč	wækç	wækč	wækt	wækt	
р.	indayj	indayc,	indayj	indayd	indayd	
х.	indiłj	indiç	indiłj	indiłd	indiłd	
б.	indiłj	indiłç	indiłj,	indiłd	indiłd	
ршв.	indiłj,	indiłç	indiłj,	indiłd	indiłd	
ш-бдх.	déðj	déðj	déðj	déð	déð	

Продолжение табл. 4I

I	2	3	4	5	6	7
ш.-бдж. р-х. б. ршв.	píðiðj radíj radíj, radíč	píðic radic radic	píðiðj radic radic	píðid radid radid	píðid radid radid	зажигать- ся, заго- раться
ш.-бдж. р-х. ршв.	sikixč sikixč sikixč	sikixc sikixc sikaxč	sikixč sikixt sikixt	sikixt sikixt sikaxt	sikixt sikixt sikaxt	уцелеть, выздоров- ливать
ш.-р.гр.	tixč	tixc	tixč, taxč	tixt	tixt	воинить
б-ршв. р. х. ш.-бдж.	xičēfč xičēfč xičifč xičifč	xičēfc xičēfč xičifč xičifč	xičēft xičēft xičift xičift	xičēft xičēft xičift xičift	xičēft xičēft xičift xičift	лопнуть, трескать- ся

заключается в том, что перфектная форма муж. рода совпадает с формой мн. числа (см. табл. 4I). Кроме того, между языками обнаруживается следующее расхождение: различение рода в шугнанском и баджувском подвергается лишь одна половина перфектных форм, приведенных в табл. 4I.

§ 90. На основе анализа выражения категорий рода в перфектных основах можно сделать следующие выводы.

I. Двойное выражение категорий рода (огласовкой и исходными согласными) составляет специфическую черту различия рода в перфекте. Типы согласовки мужского рода перфектной основы совпадают с типами согласовки мужского рода в основе прош. времени и именных частей речи (существительных, прилагательных и звукоподражательных слов).

138

2. Перфектная основа жен. рода в отличие от основы прош. времени жен. рода (где отражается а-образная согласовка) имеет i-образную согласовку и тем самым сближается и даже совпадает с моделью жен. рода имени, что особенно характерно для шугнанского и баджувского (ср. перфект жен. ш.-бдж. tíc, р. tiyc//tayc, б. tayc 'ушла' и имя жен. рода ш.-р. гр. giј 'козочка' к муж. guј 'козленок').

3. Родовое чередование исходных согласных муж. -č, -j/ / жен. -c, -z является добавочным средством различия рода в перфекте. Показатели -č, -j наряду с формантами муж. рода являются универсальными формантами всех остальных перфектов, безразличных к родовому изменению (ср. ш.-бдж. перфект муж. рода tčyj 'ушел', мн.ч. tčyj 'ушли', qiwč 'позвал(а)', 'по-звали', tčyj 'принесл(а)', 'принесли').

4. При отсутствии родового чередования гласных различие рода осуществляется только исходными согласными (примеры см. в табл. 4I). Следовательно, наличие или отсутствие одного родового показателя в перфекте, по существу, не влияет на отнесение формы к тому или иному роду, иначе говоря, из двух различающихся род формантов (огласовка и суффиксальный элемент в виде исходного согласного) присутствие какого-либо одного показателя вполне достаточно для различия категории рода.

§ 91. В связи с последним выводом следует специально остановиться на отличии изменяющихся по роду перфектных основ в рошорвском языке. Как известует из вышеприведенных таблиц 28-4I и ранее опубликованных материалов (Зарубин, 1930, 105-107; Курбанов, 1976, 124-125), рошорвский язык в реализации родовых формантов перфекта отличается от остальных языков и диалектов рассматриваемой группы и проявляет своего рода автономность. Отличительные особенности рошорвского языка в различающихся по роду перфектах сводятся, в основном, к следующему:

I. Выражение рода конечными согласными окончаниями перфекта для рошорвского не является постоянным и универсальным. Различение рода с помощью исходных согласных муж. рода -j, -č / жен. -c, -z характерно лишь для незначитель-

ногого количества перфектов (типа ршв. awūj 'лежал', жен. awa-
уе). Поэтому родовое противопоставление по конечным соглас-
ным весьма ослаблено, так как в подавляющем большинстве слу-
чаев формы с -ј и -с употребляются и при муж. роде и при
форме жен. рода (ср. ршв. sifōč, sifōj 'поднялся', жен. si-
fāč, sifāj при ш.-бдх. sifibj, р.-х. sifoj, б. sifōj, жен. ш.-
бдх. sific, р., б. sifēc). Согласные форманты жен. рода -с,
-з в ршорвских перфектах уступили место универсальным пока-
зателям (они же показатели муж. рода у дифференцированных по
роду перфектов) -ј, -с и, таким образом, проявляется безраз-
личие к родовой дифференциации. Однако процесс замены -с, -з
исходными -с, -ј еще не завершен. В ряде случаев фиксируется
параллельное употребление перфектов жен. рода с -с, -ј и -с
(ср. ршв. ziyač / ziyič 'засохла', 'заяла', nawžāj / naw-
žēc 'проходила', sirač / siric 'отделилась' и т.д.).

Если исходить только из разрушения перфектных различаю-
щих род согласных окончаний и не принимать во внимание нали-
чия внутренней родовой огласовки, то можно прийти к заключе-
нию об исчезновении родовой дифференциации в перфекте ро-
шорвского языка. Однако, как уже было сказано, наличие одно-
го показателя вполне достаточно для закрепления и осмысливания
категории рода. В пользу этого рассуждения свидетельствует
еще тот факт, что выражение рода в основе прош. времени хотя
и осуществляется лишь одним способом — чередованием гласных
(типа ш.-р.гр. sut 'ушел', жен. sat 'ушла'), однако значение
родовой закрепленности здесь, по существу, такое же, какое оно
выявляется в перфекте при наличии двух способов — огласовки
и конечных согласных (типа ш. sūbj, бдх. sūbj, р.-х., б.-ршв.
suč 'ушел', жен. ш.-бдх., р.-х., б. sic, ршв. saj, sač, sic
'ушла'). Следовательно, мы имеем основание говорить только о
разрушении родовой модели в ршорвском языке за счет исход-
ных согласных, но не об утрате рода в тех перфектах, где ко-
нечные согласные перестали различать род, так как внутренняя
родовая перегласовка в достаточной мере обеспечивает родовую
дифференциацию.

2. Ршорвский язык самостоятельно развил также и отра-
жение i-огласовки. Во всех рассматриваемых языках и диалек-

тах в перфекте, как известно, представлена i-огласовка, одина-
ко в ршорвском только небольшая часть перфектов продолжает
отражать i-огласовку (напр. ршв. rabic 'сгорела', virišč 'слом-
алась'). Для подавляющего большинства перфектов жен. рода в
отличие от остальных языков и диалектов характерна а-огласов-
ка (ср. ршв. sifāč, sifāj 'поднялась' при ш.-бдх. sific, х.
sifæc, р., б. sifēc; ршв. sitāvј, sitāvč 'скрилась' при ш.-
бдх.; х. sitivž, р. sitivž, sitēvž; ршв. žikafč 'расцвела' при
ш.-бдх., р.-х., б. žikifc и т.д.).

3. Ршорвская перфектная форма жен. рода с а-огласовкой
возникла на исконной почве, но по аналогии с моделью жен. ро-
да основы прош. времени. Поскольку основа жен. рода прош. време-
ни точно совпадает с формой мн. числа, то подобное совпаде-
ние для ршорвского сохраняется также и в перфекте.

Перф. жен. / мн.ч.

vac	vaj	/	vac	vaj
wizac	wizac	/	wizad	wizad
wiravј	wiravј	/	wiravd	wiravd
vaj	vac	/	vad	vad
zibač	zibač	/	zibad	zibad
zibaj	zibaj	/	zidačt	zidačt
zidačč	zidačč	/		

Основа прош.жен.и мн.ч.

vad	'была', 'были'
wizad	'потухла', 'потухли'
wiravd	'стояла', 'стояли'
vad	'сгорела', 'сгорели'
zibad	'прыгнула', 'прыгнули'
zidačt	'оторвалась', 'ото- рвались' и т.д.

Влияние модели основы прош. времени жен. рода на форми-
рование перфектной огласовки жен. рода в ршорвском прослежи-
вается также и в тех случаях, когда в основе прош. времени
происходит сужение а, ā>ō.

Перф. жен./мн.ч.   Основа прош.жен.и мн.ч.

ршв.	mōč	/	mōj	mōg	'умерла', 'умерли'
	naítōyč	/	naítōyj	naítōyd	'вышла', 'вышли'
	tōyč	/	tōyj	tōyd	'ушла', 'ушли'

В этой связи можно заключить, что в ршорвском языке
происходила и в настоящее время продолжает происходить стан-
дартизация перфектной основы жен. рода по модели формы жен.

рода основы прош. времени. Таким образом, генерализация а-огласовки в перфектах жен. рода и проникновение в основу жен. рода модели основы прош. времени того же рода составляет специфику рошорвского языка.

4. В рошорвском языке в отличие от других рассматриваемых языков и диалектов конечные согласные основы перфекта оглушаются даже в благоприятных для сохранения -j и -z позициях.

В ряде случаев зафиксировано параллельное использование форм как с оглушенными, так и со звонкими согласными (типа перф. муж. рода ршв. *cirūvč* / *cirūvž* при ш.-бдж., х.*cirūvž*, р. *ciruvž* 'садник', жен. ршв. *cirāvč*, *cirāvž* при ш.-бдж. *cirivž*, р.-х. *cirivž*). Это также свидетельствует о структурном развитии перфектной основы в рошорвском языке.

5. Эволюция в системе различающих род перфектных форм в рошорвском языке во временном отношении, по-видимому, началась, относительно недавно (примерно с конца прошлого века). Об этом, в частности, свидетельствует совпадение рошорвских дифференцированных по роду перфектных основ с аналогичными формами в других языках и диалектах рассматриваемой группы по материалам, собранным в 1914-1915 гг. проф. И.И. Зарубиным в самой рошорвской среде и опубликованным в '30-х гг. (Зарубин, 1930, I05-I07).

Родовые формы перфекта при образовании пассивной конструкции

§ 92. Различающие род формы перфекта, имеющие непереходное значение, сохраняют родовую дифференциацию при образовании причастия прошедшего времени, осложненного суффиксом ш.-бдж., ршв. -in, р.-х., б. -in. Все дифференцированные по роду перфектные формы с суффиксом -in, -in при отсутствии объектного согласованного слова (т.е. прямого дополнения) сохраняют родовое различие. Наряду с формами муж. и жен. рода различается также и форма мн. числа (табл. 42).

Поскольку сфера применения причастия прош. времени значительно шире, чем, например, причастия настоящего времени, то I42

это означает, что рассматриваемая форма играет большую синтаксическую роль в уточнении категории рода имен. Причастие прош. времени получает родовое согласование при употреблении его в функции определения (ш. *tūyjín čörík* 'уехавший мужчина', *tīcīn yinik* 'уехавшая женщина'), сказуемого или его именной части (ш. *yā dēk viriščin* 'тот котел - треснутый', ш. *yā dek viriščin vad* 'тот котел был треснутым'; *dēk* 'котел' - жен.), а также подлежащего (ш. *tūyjín-at mūyjín-en yīwa* 'уехавший и умерший - одно' - поговорка).

Наиболее распространенным является использование причастия в качестве определения. В этой функции оно выполняет ту же роль, что и прилагательное. По способу связи с причастие также не отличается от прилагательного, т.е. всегда предшествует определяемому. При существительных (определеняемых) мужского рода употребляются причастия муж. рода (ш. *əyijín garbā* 'обгоревшая лепешка', *rīmījín gul* 'увядший цветок'), а существительным жен. рода предшествуют соответствующие формы жен. рода (ш. *əicin rakōl* 'обгоревшая тюбетейка', ш. *rīmījín šitōrək* 'увядший ревень').

При этом следует иметь в виду, что причастие нерасчлененных в залоговом отношении глаголов⁴ вне распространенного контекста двусмысленно, а именно: ш. *viriščin bōrg* 'сломавшиеся (сам по себе) бревно' - 'сломанное (кем-то) бревно' (*bōrg* - муж. род), ш. *viriščin čini* 'поломавшаяся (сама по себе) пиала' - 'поломанная (кем-то) пиала' (*čini* - жен. род).

В связи с этим в литературе по шугнано-рушанской группе иногда допускались искажения смысла фраз. Так, например, сочетание *viriščin sbat* 'сломавшиеся часы' переведено как 'сломанные часы' (Файзов, 1966, I27). В результате создалось впечатление, что различие рода характерно также и для причастия переходных глаголов (Соколова, 1973, I55).

⁴ О нерасчлененных глагольных основах см. §§ I00-I05 данной работы, а также: Соколова, 1973, § I26.

Таблица 42

Язык	Муж. род	Перевод	Жен. род	Мн. ч.
ш.-бдк. р. х. б. ршв.	tūyjin tuyjin tuyjin tūyjin tuyjin	ушедший	tīcin taycīn, tiycīn taycīn, tiycīn	tōyjīn tāyjīn tōyjīn tōyjīn tōyjīn
ш.-бдк. р. х. б. ршв.	nūscīn noscīn noscīn noscīn noscīn	сидевший	nīscīn nēscīn nēscīn nēscīn nāscīn	nōsčīn nāsčīn nōsčīn nāsčīn nāsčīn
ш. бдк. р-х., б. ршв.	sūbjin sūbjin sujin sudin		sicin sicin sicin sacīn	sabjīn sōbjīn sajīn sacīn
ш.-бдк. р., б. х. ршв.	mūjīn mūjīn mugjīn mūcīn, mūjīn	умерший	mījīn miwciñ mīgjīn mōcīn	mōjīn mōjīn mōgjīn mōcīn
ш.-бдк. р-х., б. ршв.	viručīn viručīn viručīn	треснутий	viričīn viričīn viričīn	viračīn viračīn viračīn

§ 93. Анализ различающихся по роду причастных форм показывает, что родовое изменение распространяется только на причастия непереходного значения. Переходные причастия, как

и их исходные основы прош. времени и перфекта, не различают рода. У нерасчлененных причастий (как, впрочем, и при основах прош. времени и перфекте) для выражения переходного действия субъекта (как муж., так и жен. рода и пола) реализуется лишь одна неродовая модель в форме муж. рода, что, можно проиллюстрировать следующей фразой: ш. dām yi piyōlā-yi mi yah viruč- at mam yiw-i mi virō viruč, wúz-ta wam xu uah viručīn čust kínum, at mi virō lāk wam xu viručīn piyōlā xuvač sōz kičt 'одну пиалу разбила моя сестра, а тут другую разбил мой брат. Я помню только разбитую моей сестрой пиалу, а мой брат пусть сам починит разбитую им самим пиалу'.

§ 94. Дифференцированные по роду формы перфекта в составе причастия прош. времени используются в массивной конструкции с вспомогательным глаголом 'быть' муж.: ш.-бдк., х., б.-ршв. vud, р.-vid, перф. ш. vuđj, бдк. vuđj, х. vuđ, б. vuđ, vuč, ршв. vuđ, vuč, р. viđ, жен. ш.-бдк., х., б.-ршв. vad, р. vid, перф. ш.-бдк., р.-х. vic, б. vic, vič, ршв. vađ, vač.

В этом случае родоразличение осуществляется одновременно и причастной (перфектной) формой и упомянутым здесь вспомогательным глаголом по следующей модели: ш. муж. viručīn vud (vuđj) 'был сломанным'; ш. жен. viričīn vad (vic) 'была сломанной'; мн. viračīn(-en) vad (vađj, vic) 'были сломанными'.

Каждая из этих форм употребляется при соответствующем по роду и числу подлежащем; ср. ш.-уи wūrý zidučīn vud 'китка была оборвана' (wūrý - муж.р.), ш. wi tučmā zidičīn vad 'его пуговица была оборвана' (tučmā - жен.род); ш. wād vāčēn-en zidačīn (// zidičīn) vad 'веревки были оторваны' (vāčēn - мн.ч.).

§ 95. С своеобразное проявление различающейся по роду основы перфекта наблюдается при употреблении ее в составе предшепреждшего времени, образующегося от перфектной основы с помощью суффикса ш.-бдк. -at, ш.х. tūyjat, р.-х. tūyjít, р.-х. tūyjít 'давно ушел', жен.ш.-бдк. tīcat, ш.х. tīcīt, р. tāycīt, tiycīt, x. tiycīt, tīcīt 'давно ушла'.

В бартангском и рошорвском языках подобная форма обра- зуется аналитически — сочетанием перфектной формы с вспомо- гательным глаголом прошедшей основы *vad* 'был', жен. *vad* 'была' типа: муж. б.-ршв. *tūyj vad* 'давно ушел', жен. б. *tayc vad*, ршв. *tōyj vad* 'давно ушла'.

Таким образом, сохранение изменяющихся по роду перфектных форм в бартангском и рошорвском сопровождается еще употреблением родоизменяемого вспомогательного глагола '*vad* 'был', жен. *vad*. Обе вышеуказанные разновидности имеют одинаковый смысл и в предложении, выступая в качестве сказуемого, являются уточнителями категории рода подлежащего; ср. муж. род: ш. *yu ar tagōv subjat* (бдж. *sūbjat*), р. *yā ar tagōv sujīt*, б. *yā ar tagōv suč vad* 'он давно вниз пошел'; жен. род: ш.-бдж. *yam ar tagōv sicat*, р. *yim ar tagōv sicit*, б. *yim ar tagōv sic vad* 'она давно вниз пошла'.

§ 96. В сочетании с вспомогательным глаголом *sut* 'стал', 'пошел' (жен. *sat*, перф. муж. ш. *sufj*, бдж. *sūbj*, х. *suʃ*, р., б.-ршв. *suʃ*, *suč*, жен. ш.-бдж., р.-х., б. *sic*, ршв. *sac*, *saj*, *sic*) проявляется следующая особенность перфекта: род подлежащего выражается только этим вспомогательным глаголом. Перфектная основа, как правило, употребляется в форме муж. рода и осложняется суффиксом -ak: ш. *yu wōc wizubjak sut* 'огонь потух' (*wōc* — муж. род); ш. *yā cirōw wizubjak sat* 'лампа потухла' (*cirōw* — жен. род); ш. *yu pustin wirūyjak sut* 'шуба распоролась' (*pūstin* — муж. род); ш. *yā gilim wi-
rūyjak sat* 'суконный халат распоролся' (*gilim* — жен. род).

В редких случаях при жен. роде подлежащего допускается осложненная супфиксом -ak форма мн. числа перфекта: ш. *yu yēd nōscak sat* 'мост опустился' (*yēd* — жен. род).

При отсутствии форманта -ak перфектная форма жен. рода может употребляться при подлежащем того же рода, ср. бдж. *wi-
yēv áčaq bībīvz ná-sat* 'его рот вовсе не закрылся' (*yēv* — жен. р.). По этим данным можно заключить, что перфектная форма муж. рода при словообразовании проявляет активность в употреблении и не зависит от категории рода подлежащего. Родовое различие подлежащего, тем не менее, благодаря вспомогательному глаголу, все же сохраняется.

ВЗАИМООТНОШЕНИЕ КАТЕГОРИИ РОДА С КАТЕГОРИЕЙ ПЕРЕХОДНОСТИ/НЕПЕРЕХОДНОСТИ

§ 97. Поскольку изменение по роду в языках шугна-но-рушанской группы пронизывает только систему непереходных глаголов, а переходные глаголы выявляют безразличие к различию рода, представляется весьма важным выяснить взаимоотношение и взаимообусловленность категорий переходности / непереходности с категорией рода.

Анализ языковых данных свидетельствует о том, что противопоставление родовых глаголов непереходной семантики и безотносительных к изменению рода переходных и каузативных форм как семантически, так и в морфологическом отношении является закономерным. Наряду с этим сохраняется довольно большое количество нерасчлененных основ прош. времени переходных (неразличающих род) и непереходных (различающих род) глаголов, описание которых дается ниже.

Проблема становления и развития переходных и непереходных глаголов была специально затронута В.С. Соколовой в связи с определением генетических отношений мунджаńskiego языка и языков шугнано-рушано-язгулямской группы (Соколова, 1973, §§ 46-155). Что касается выявления взаимоотношения категорий рода и переходности / непереходности глаголов, то этот вопрос впервые стал объектом рассмотрения при описании баджувского диалекта (Карамшоев, 1963, §§ 124, 250, 268, 269). В частности было установлено, что родовое изменение характерно только для глаголов непереходного значения. Указанный вопрос также был затронут также И. Карамхудоевым при разборе переходных и непереходных глаголов бартангского языка (Карамхудоев, 1973, 142-147). Накопленный материал (как опубликованный, так и специально собранный по разрабатываемой теме) позволяет в более широком контексте рассмотреть взаимосвязь грамматических категорий рода и переходности / непереходности и тем самым выявить взаимообусловленность этих категорий.

В предыдущих разделах, при рассмотрении каждого типа и варианта родовой перегласовки в глагольных основах прош. врем-

мени была предпринята попытка сопоставить с различающими род глаголами их каузативные и переходные пары, с тем, чтобы показать оппозицию двух классов глаголов – дифференцированных по роду непереходных и противополагающихся им каузативных форм, безразличных к родовому изменению (§§ 45–68).

Спорным остается вопрос о том, различали ли в диахроническом плане переходные глаголы категорию рода в памирских языках вообще, а в шугнано-руманской группе – в особенностях. Этот вопрос хотя специально и в таком плане еще не ставился, однако исследователи памирских языков касались его в связи с анализом других проблем (историческое развитие гласных, классификация и установление генетических отношений памирских языков и т.д.). В целом вырисовываются следующие две противоречивые точки зрения.

1. Различение рода в глагольной системе шугнано-руманской группы, присущее ныне непереходным глаголам, в историческом плане считается характерным также и для переходных глаголов. Эта точка зрения была высказана в работе Д.И.Эдельман, посвященной исследованию и установлению хронологии ряда фонетических и морфологических явлений в шугнано-руманской группе и язгулямском языке (Эдельман, 1973, 177–178).

Аналогичная мысль вытекает и из того раздела монографии Т.Н.Пахалиной, где автором впервые предпринята попытка установить историческую родовую принадлежность глагольных основ прош. времени ваханского языка, утратившего категорию рода. Поскольку все приведенные Т.Н.Пахалиной глаголы под рубриками "основы женского рода" // "основы мужского рода" являются по семантике переходными, то это означает признание автором различия рода в системе переходных глаголов (Пахалина, 1975, 70).

2. Различение рода в глагольной системе шугнано-руманской группы как синхронно, так и исторически считается неотъемлемой частью непереходных глаголов. Эта точка зрения существует из исследования В.С.Соколовой о переходных и непереходных глаголах шугнано-руманской группы (см. Соколова, 1973, §§ 121–130).

Проведенный нами анализ языковых данных свидетельствует о правомерности второй точки зрения.

§ 98. Сравнительно-историческое исследование данного вопроса свидетельствует о том, что развитие переходных и непереходных глаголов, их структурная и семантическая оппозиция во всех современных иранских языках, в том числе и в памирских, с точки зрения диахронии в известном смысле слова представляет собой инновацию. По признанию Л.А.Пирейко: "Категория переходности / непереходности не имела цельного морфологического выражения в древнеиранских языках" (Пирейко, 1975, 305). Можно согласиться с выводом о том, что "именно с развитием синтаксических оборотов на основе главным образом перфектных причастий и образованием из них аналитических глагольных форм в дальнейшей истории иранских языков связано становление морфолого-синтаксических признаков глагольной категории переходности / непереходности, имеющей вообще в индоевропейских языках статус лексико-синтаксических категорий" (Пирейко, 1975, 312).

§ 99. В памирских языках категория переходности / непереходности приобретала важное грамматическое назначение как по отношению к эргативной конструкции в ряде языков, так и в становлении оппозиции различающихся и неразличающихся по роду глаголов. Формальное противопоставление переходности / непереходности для глагольных форм настоящего времени связано с древними формами презенса (в частности *-ауа- – формант переходных и каузативных, *-уа-, *-с- – приметы непереходных). В языках и диалектах шугнано-руманской группы представлено довольно большое количество непереходных глагольных основ настоящего времени на -с и переходных на -п(д), -ш(в), а также с каузативной огласовкой, восходящей к *-ауа-. (см. Соколова, 1973, §§ 92–131).

Становление родовых форм и противопоставление переходных и непереходных глаголов в прошедшем времени связано с их возникновением из именных конструкций – из сочетаний отглагольных имен – причастия на *-та-, *-така- (для муж. рода) и *-тā-, *-тacī- (для жен. рода) со связкой или энклитическими

местоимениями. Дальнейшее развитие формального противопоставления основ прошедшего времени по переходности / неперходности можно охарактеризовать, с одной стороны, закреплением унаследованных от древности форм, а с другой - образованием и активизацией новых средств для выражения переходности. Дополнительным признаком противопоставления глаголов по переходности / неперходности является родоразличение в системе неперходных глаголов и его отсутствие для переходных. Иначе говоря, изменение по роду неперходных глаголов стало непосредственным морфологическим средством категории неперходности, а отсутствие родового изменения является опосредствованным, косвенным, но "значимым формальным признаком переходности, а вместе с тем и дополнительным способом (наряду с контекстом) активизации переходных глаголов" (Соколова, 1973, § 128).

Противопоставление различающихся по роду неперходных и неразличающихся род переходных глаголов осуществляется относительно последовательно. Об этом свидетельствует взаимообусловленность безотносительных к роду каузативных форм и их дифференцированных по роду неперходных пар (§§ 45–68), а также ширерассматриваемые переходные и неперходные глаголы с нерасчлененными в залоговом отношении основами прошедшего времени.

Переходные и неперходные глаголы с нерасчлененными основами прошедшего времени.

§ 100. Поскольку образование и становление переходных и неперходных глагольных форм прошедшего времени является относительно поздним явлением, то нерасчлененные основы прошедшего времени переходных и неперходных глаголов нужно рассматривать как грамматический архаизм. Сохранение группы переходных и неперходных глаголов с идентичной основой прошедшего времени (равно как перфекта и инфинитива) представляет собой особый интерес с точки зрения функционирования грамматического рода, поскольку проявление рода в глаголе тесно переплетается с категориями залога, переходности и неперходности. Подробный анализ названной группы глаголов в известной мере может способствовать решению ряда других вопросов не только на морфологическом уровне (взаимодействие и взаимосущ-

словленность категорий рода, переходности, неперходности и способы их выражения), но также и на синтаксическом (выражение рода подлежащего и его согласование со сказуемым, наличие или отсутствие объектного управления).

§ 101. Засвидетельствовано около двадцати различающихся род неперходных и не изменяющихся по роду переходных пар с одинаковой основой прошедшего времени (табл. 43).

Как яствует из этой таблицы, у неперходных, различающихся род глаголов, основа прош. времени муж. рода (как впрочем и перфект муж. рода) совпадает с основой того же времени переходных глаголов.

Переходные и неперходные глаголы рассматриваемой группы с формальной стороны характеризуются как совпадением, так и расхождением основ. Совпадают, как правило, переходные и неперходные глаголы при основах прош. времени, перфекте и инфинитиве, что вне контекста влечет за собой двусмысленность:¹

Прш.	Перф.	Инф.
ш.-р.гр. viru <small>xt</small>	viru <small>xt̥</small>	viru <small>xt̥t̥w</small>
'сломал(а)' – 'сломался'		'сломать' – 'сломаться'
ш.-р. zidu <small>xt</small>	zidu <small>xt̥</small>	zidiu <small>xt̥t̥w</small>
'оторвал(а)' – 'оторвался'		'оторвать' – 'оторваться'
ш. firud	firu <small>d̥j</small>	firi <small>d̥w</small>
бдк. firud	firu <small>d̥j̥</small>	firi <small>d̥w̥</small>
р.-х.firud,	firu <small>j</small>	firi <small>d̥w</small>
'полоскал(а)' – 'полоскался',		'полоскать' – 'полоскаться' и пр.

I В опубликованных словарях по языкам и диалектам шугано-рушанской группы не всегда удавалось уловить эту особенность и должным образом разграничить подобную двусмыслинность. В ряде случаев нерасчлененные глаголы были рассмотрены и истолкованы либо как переходные, либо – только неперходные; см. к примеру Зарубин, 1960, 284: zidarb̥:ziduxt 'рваться', 'ломаться', а для переходного значения приводится только каузатив: zidarb̥ēn:zidarb̥ēnt 'рвать', 'разрывать', в то время как первая – некаузативная форма применяется также и в переход-

Таблица 43

ЛЗМК	Основы непереходных пар			Основы переходных пар			
	прош.		наст.	Перевод	прош.	наст.	
	муж.	жен.					
1	2	3	4	5	6	7	
и.	anjūvd	anjōvd	anjafc	начать- ся (о болез- нях), БУКВ. 'схва- титься)	anjūvd injūvd injōvd injafs injivd injivd	anjāv injāv injāv injāv injāv injāv	держать- схва- тить, захва- тить
о.дк.	injūvd	injōvd	injafc				
ж.	injūvd	injōvd	injafs				
р.	injivd	injivd	injafs				
б.-рмв.	injivd	injivd	injafs				
и.	viru <small>kt</small>	virak <small>t</small>	virāy	ломать- ся, раз- бивать- ся	viru <small>kt</small> viru <small>kt</small> virak <small>t</small> viraw viru <small>kt</small> viru <small>kt</small>	virāy viraw virand viraw	ломать, раз- бить, обламы- вать
о.дк.	viru <small>kt</small>	virak <small>t</small>	viraw				
р.-х.	viru <small>kt</small>	virak <small>t</small>	viraw				
б.-рмв.	viru <small>kt</small>	virak <small>t</small>	viraw				
р.-х.	ðud	ðod	ðay	падать, понада- ть	ðud ðod ðod ðod	ðab ðab ðab ðab	давать, ударять
ш.-бдк.	ðod	ðod	ði(y)				
б.	ðod	ðod	ði				
рмв.	ðod	ðod	ðay				
р.-х.	poxt	paxt	pis	варить- ся, печь- ся, по- спевать	poxt poxt paxt	pež pež piž	варить, печь
б.-рмв.	poxt	paxt	pis				
ш.-бдк.	pex <small>t</small>	pex <small>t</small>	pis				
и.	zidu <small>kt</small>	zidax <small>t</small>	zidar <small>b</small>	ото- рваться, разрыв- аться, обо- реяться	zidu <small>kt</small> zidu <small>kt</small> zidax <small>t</small> zidu <small>kt</small>	zidar <small>b</small> , zidar <small>b</small> (en) zidar <small>b</small> (en)	ото- рвать, разрыв- вать, обо- рвать
о.дк.	zidu <small>kt</small>	zidax <small>t</small>	zidar <small>b</small>				
р.-х.	zidu <small>kt</small>	zidax <small>t</small>	zidar <small>b</small>				
б.-рмв.	zidu <small>kt</small>	zidax <small>t</small>	zidar <small>b</small>				

ном значении: и. tu-t di wūrū zidukt 'ты разрывал нитку'. Причем в 3 л. ед.ч. наст. времена оба глагола дифференцированы: и.-бдк. zidarb 'отрывается' - zidarb 'отрывает' и т.д.

Продолжение табл. 43

I	2	3	4	5	6	7	8
ш. бдк.	ziyu <small>kt</small>	ziya <small>kt</small>	ziya <small>y</small>	заси- хать, вянуть	ziyu <small>kt</small>	ziye <small>y</small>	засу- шивать
р.-х.	ziyu <small>kt</small>	ziya <small>kt</small>	ziyaw		ziyu <small>kt</small>	ziyaw	
б.	ziyu <small>kt</small>	ziya <small>kt</small>	ziyū(y)		ziyu <small>kt</small>	ziyawōn	
ш.-бдк.	zud	əad	əaw	гореть,	əud	əew	жечь,
р.-х.	zud	əad	əiw	сгорать,	əud	əew	сжигать
б.-рмв.	zud	əad	əiw	зами- гаться	əud	əaw	
ш.-бдк.	wizud	wizad	wizaw	раснуть,	wizud	wizew	расить,
р.-х.	wizud	wizad	wiziw	поту- хать	wizud	wizew	тушить
б.-рмв.	wizud	wizad	wiziw		wizud	wizaw	
ш.-бдк.	firud	firad	firaw		firud	firew	
р.-х.	firud	firad	firiw	полос- каться	firud	firew	полос- кать
б.-рмв.	firud	firad	firiw		firud	firew	
ш.-бдк.	pišud	pišad	pišaw	развле- каться,	pišud	pišew	развле- кать,
р.-х.	pišud	pišad	pišiw	уте- шаться	pišud	pišew	уте- шать
б.-рмв.	pišud	pišad	pišiw		pišud	pišaw	
ш.-бдк.	sirud	sirad	siraw	отде- ляться,	sirud	sirew	отде- лять,
р.-х.	sirud	sirad	siriw	выде- ляться,	sirud	sirew	отби- рать,
б.	sirud	sirad	siriw	отде- ляться,	sirud	siraw	отри- вать
и.	birud	birad	biraw	отде- ляться (от груди; о ре- бёнке)	birud	biraw	(ребен- ка от груди)
ш.-бдк.	wiruyd	wiroyd	wiraws	распла- рывать- ся	wiruyd	wiruz	распла- рывать
р.-х.	wirawd	wirawd	wiraws		wirawd	wiruz	

Окончание табл. 43

I	2	3	4	5	6	7	8
б.-ршв.	wiruyd	wirāwd	wirīws		wirāwd	wirūž	
ш.-бдк.	wižīvd	wižīvd	wižīfc	возвра- щаться, вер- нуться	wižīvd	wižēb	воз- вра- щать, вер- нуть
р.	wižīvd	wižāvd	wižafs		wižīvd	wižib	
х.	wižīvd	wižāvd,	wižafs		wižīvd	wižib	
с.	wižīvd	wižāvd	wižafs		wižipt	wižib	
ршв.	wižīvd	wižīvd	wižafs		wižīvd	wižib	
н.	nixušt	nixašt	nixar⁹	разру- шаться, обруши- ваться, обвали- ваться	nixušt	nixər⁹, nixək	разру- шать, обрушить- ваться, обвали- ваться
бдк.	rixušt	rixaxt	rixar⁹		rixušt	rixər⁹, rixək	
р.	raxušt	raxaxt	raxar⁹		raxušt	raxək	
х.	raxušt	raxaxt	raxar⁹		raxušt	raxək	
б.-ршв.	raxušt	raxaxt	raxar⁹		raxušt	raxək	

Среди засвидетельствованных глаголов одна пара в большинстве языков и диалектов располагает идентичной нерасчлененной формой также и при основе настоящего времени: ш. *virāv*, бдк. *viraw*, б.-ршв. *virāw* 'разбейся', 'ломайся' - 'разбей, ломай'. Причем в рушанском и его хуфском диалекте в данном случае имеем дифференцированную основу: в непереходном значении *viraw* 'разбейся', 'ломайся' - в переходном *vi-rānd*² 'разбей!', 'ломай!'.

Однако в целом мы имеем достаточные основания говорить о двух противополагающихся друг другу классах глаголов - безотносительно к роду переходных и различающихся род - непе-

² О форманте *-n(d)*, а также других показателях переходности см. Соколова, 1973, §§ 98-III4, 151-153.

реходных.

§ 102. Морфологическое противопоставление рассматриваемой группы переходных и различающихся род непереходных глаголов выражается весьма последовательно. В качестве противополагающихся признаков переходных и непереходных глаголов можно назвать следующие:

1. Непереходные глаголы при основах прош. и перфекта изменяются по роду, однако их соответствующие переходные пары нейтральны к родовому изменению. При этом основы переходных глаголов прошедшего времени точно совпадают с формами муж. рода основ прошедшего времени и перфекта; идентична для обоих классов глагола также форма инфинитива, ср. непереходный ш.-р.гр. *virušt*, перф. *virušč* 'разбился', жен. *viraxt*, перф. *virixč* 'разбилась', инф. *virixtōw* 'разбиться' при переходном ш.-р.гр. *virušt*, перф. *virušč* 'разбил(а)', инф. *virixtōw* 'разбить'; непереходный ш.-р.гр. *wizud*, перф. ш. *wizubj*, бдк. *wizubj*, р.-х., б.-ршв. *wizuj* 'потух', 'погас', жен. ш.-р.гр. *wizad*, перф. *wizic* 'потухла', 'погасла', инф. ш.-р.гр. *wizidōw* 'потухать', 'гаснуть' при переходном ш.-р.гр. *wizud*, ш. *wizubj*, бдк. *wizubj*, р.-х., б.-ршв. *wizuj* 'га-
сил(а)', 'тушил(а)', инф. *wizidōw* 'гасить', 'тушить' и т.д.

2. Основа наст. времени как у переходных, так и у непереходных глаголов дифференцируется посредством корневых гласных (см. табл. 43). При этом основа различающихся род непереходных глаголов в переходных парах противопоставляется основе с сильной и каузативной огласовкой: ш.-р.гр. *pis* 'варись' - ш.-бдк. *pīz*, р.-х., б.-ршв. *pēz* '(с)вари'; ш.-бдк. *wizaw*, р.-х., б.-ршв. *wiziw* 'гасни' - ш.-бдк. *wizēw*, р.-х., б.-ршв. *wizew*, *wizaw* 'гасни' - ш.-бдк., р.-х. *wizēw*, б.-ршв. *wizaw* 'гаси'. Кроме того, из всех засвидетельствованных форм пяти различающим род глаголам противостоят переходные пары с различной некаузативной огласовкой в основе наст. времени (типа: ш. *anjav* 'держи', *virāv* 'разбей', б-х. *dāb* 'дай', *pīz* 'вари', *wirūž* 'распори'). Остальным родовым непереходным глаголам при их переходных парах противопоставляется каузативная основа наст. времени с различающейся по языкам корневой огласовкой: ш.-бдк. *ē*, р.-х. *ē*, б.-ршв. *ā* (типа ш.-бдк. *wizēw*, р.-х. *wizaw*).

z̄ew, б.-ршв., *wizāw* 'туши', 'гаси'). В целом это означает, что формальное размежевание в основах наст. времени произошло значительно раньше, чем в основах прош. времени, так как в последнем случае нерасчлененные основы полностью сохранились (*wizād* 'погас', 'потух' - 'погасил', 'потушил', см. табл. 43).

3. Переходные и непереходные глаголы отличаются основой в 3 л. ед.ч. наст. времени, ср., например, ш.-бдж. *virōyd*, р.-х., б.-ршв. *virāwt* '(с)ломается' - ш.-бдж. *virīyd*, р. *virānt*, х. *virānt*, б.-ршв. *virāwd* 'сломает', 'разбивает'; ш.-бдж. *wizād*, р.-х., б.-ршв. *wiziwt* '(по)гаснет' - ш.-бдж. *wizēwt*, р.-х. *wizēwt*, б.-ршв. *wizāwd* 'погасит', 'погасил' и т.д.

К приведенной выше группе примыкает еще одна пара, которая отличается родовой неизменяемостью в прошедшей основе, однако в перфекте, как и все рассматриваемые глаголы, дифференцируется по роду. Ниже перечисляем все формы этой пары - непереходный 'загораться', 'зажигаться', 'гореть': ш.-бдж. *rīðis:rīðid*, р.-х. *raðays:raðid*, б. *raðis, raðis:raðid*;³ 3 л. ед.наст. ш.-бдж. *riðist*, р.-х. *raðayst*, б. *raðist*, *raðist*; перф. муж. ш. *riðisbj*, бдж. *riðibj*, р.-х., б. *raðibj*, жен. ш.-бдж. *riðic*, р.-х., б. *raðic*; инф. ш.-бдж. *riðidow*, р.-х., б. *raðidow*. Переходный 'зажигать', 'поджигать', 'разжигать': ш.-бдж. *riðin:rīðid*; р.-х., б. *raðin:raðid*; 3 л. ед. наст. ш.-бдж. *riðint*, р. *raðint*, х., б. *raðint*; перф. ш. *riðisbj*, бдж. *riðibj*, р.-х., б. *raðibj*, инф. ш.-бдж. *riðidow*, р.-х., б. *raðidow*.

§ 103. Формальные признаки, отличающие переходные глаголы от непереходных, оказались недостаточными для создания противопоставления и грамматической оппозиции между переходными (неродовыми) и непереходными (родовыми) парами. Несосто-

³ Форма *raðis*, по свидетельству Н.Карамхудоева, свойственна говору сел. Равмид (Карамхудоев, 1973, 146).

ятельность противопоставления можно объяснить прежде всего нерасчлененностью основ прош. времени и перфекта, что в свою очередь породило омонимию (основы прош. и перф. *zidušt*, *zidušč* означали не только 'оборвался', но также и 'оборвал', 'оборвала', р.-х. *roxt*, б.-ршв. *rōxt* - не только 'сварился', но также и 'сварил', 'сварила'). Перестройка нерасчлененных основ стала необходимой и даже неминуемой еще потому, что сам процесс развития переходных и различающих род непереходных глаголов требовал полной морфологизации нерасчлененных непереходных глаголов, так как почти всем остальным различающим род непереходным глаголам уже противостояли каузативные пары. Это не могло не ускорить процесса дифференциации нерасчлененных основ переходных и непереходных глаголов.

§ 104. Поскольку противопоставление дифференцированных по роду непереходных глаголов и безразличных к родовому изменению их переходных и каузативных пар носит закономерный характер, то и в данном случае с целью создания более последовательной морфологической оппозиции и устранения двусмыслиности на базе глаголов с нерасчлененными при прош. времени, перфекте и инфинитиве основами были образованы каузативные формы. Реализация каузативных форм осуществляется параллельно с нерасчлененными основами переходных глаголов. Таким образом, если раньше для выражения переходности/непереходности и мужского рода использовалась лишь одна форма, то в настоящее время для выражения каждой из названных категорий применяются две формы - старые нерасчлененные основы и новые каузативные глаголы (см. табл. 44).

Поскольку в предыдущей табл. 43 была указана также и основа наст. времени, то в табл. 44 приводятся только основы прош. времени. С целью показа "существования" двух форм для выражения одного только переходного значения даются друг за другом обычные нерасчлененные основы переходных глаголов (они же и формы муж. рода для непереходных глаголов) и каузативные формы. Каузативная основа прош. времени одновременно употребляется также и в значении 3 л. ед.ч. настоящего времени, ср. ш.-бдж. *zidērbd*, р.-х. *zidarbēnt*, б.-ршв.

Таблица 44

Язык	Непереходные пары			Переходные каузат. пары		
	муж.	жен.	перевод	обычные	каузат.	перевод
ш.-бдж.	zidu <small>š</small> t	zida <small>š</small> t	оторвать- ся, разры- ваться	zidu <small>š</small> t	zidérôd, zidarôent	оторвать, разры- вать
р.-х.	zidu <small>š</small> t	zida <small>š</small> t	ото- рваться	zidu <small>š</small> t	zidar-	
б.-ршв.	zidu <small>š</small> t	zida <small>š</small> t		zidu <small>š</small> t	đ(ént)	
ш.	ziyu <small>š</small> t	ziya <small>š</small> t		ziyu <small>š</small> t	ziyéyd,	
бдж.	ziyu <small>š</small> t	ziya <small>š</small> t	засыхать,	ziyu <small>š</small> t	ziyéwt	засуши- вать,
р.-х.	ziyu <small>š</small> t	ziya <small>š</small> t	вянутъ	ziyu <small>š</small> t	ziyéwt,	застав- лять за- сыхать,
б.-ршв.	ziyu <small>š</small> t	ziya <small>š</small> t		ziyu <small>š</small> t	ziyawént	сушить
ш.-бдж.	əud	əad	сгорать,	əud	əwd	жечь,
р.-х.	əud	əad	зажи- гаться	əud	əwt	сжигать
б.-ршв.	əud	əad		əud	əawd, əawont	
ш.-бдж.	wizud	wizad		wizud	wizéwd	
р.-х.	wizud	wizad	гаснуть,	wizud	wizéwd	
б.-ршв.	wizud	wizad	потухать	wizud	wizéwd	тушить
ш.-бдж.	pišud	pišad	развле- каться,	pišud,	pišéwd	развле- кать,
р.-х.	pišud	pišad	утешать- ся	pišud	pišéwd	утешать
б.-ршв.	pišud	pišad		pišud	pišawd	
ш.-бдж.	firud	firad	полос- каться	firud	firéwd	полос- кать
р.-х.	firud	firad		firud	firéwd	
б.-ршв.	firud	firad		firud	firawd	
ш.-бдж.	sirud	sirad	отде- ляться,	sirud	siréwd	отде- лять,
р.-х.	sirud	sirad	выде- ляться	sirud	siréwd	выде- лять
б.-ршв.	sirud	sirad		sirud	siréwd	

ziderôent 'отрывал(а)' - 'отрывает', ш.-бдж. wizéwd, р.-х. wizéwt, б.-ршв. wizawd 'тушил(а)' - 'тушит' и др.

§ 105. На основе анализа глаголов, помещенных в табл. 43 и 44, можно заключить следующее:

1. Нерасчлененные основы прош. времени, перфекта и инфинитива обслуживали как переходные, так и непереходные глаголы и поэтому вне контекста возникает дву- и даже трехсмысленность каждой формы (ср. основы прош. ш.-ю.гр. pišud, перф. ш. pišuđ, бдж. pišuđ, р.-х., б.-ршв. pišuđ 'развлекал', 'развлекала', 'развлекался', инф. ш.-р.гр. pišidow 'развлекать', 'развлекаться'). При этом для выражения переходности одновременно применяется также и безразличная к родовому изменению каузативная форма (ш.-бдж. pišawd, pišéwđ, р.-х. pišéwd, pišéwđ, б.-ршв. pišawd, pišawđ⁴ 'развлекал', 'развлекала'). Параллельное употребление нерасчлененных форм наряду с каузативными формами свидетельствует о незавершившемся процессе развития вышеназванных двух классов глаголов.

2. Главной линией взаимообусловленности категорий переходность/непереходность, родоизменяемость/неродоизменяемость является оформление глаголов переходной семантики каузативными формантами и противопоставление названного класса глаголов различающим род непереходным формам. Нетрудно предвидеть дальнейшую активизацию каузативных пар и в конечном итоге замену ими нерасчлененных основ переходных глаголов, о чем свидетельствует, в частности, тот факт, что у подавляющего большинства нерасчлененных глаголов при основе настоящего времени каузативная форма уже вытеснила обычную и является единственной основой (см. табл. 43).

⁴ Глагольные основы əawd, wizawd, pišawd в монографии Н.Карамхудоева даются с кратким а (Карамхудоев, 1973, 146), что по-видимому, является случайным. О соответствии ш.-бдж. ə / р.-х. ē / б.-ршв. ə см. Соколова, 1973, §§ 101, 115.

§ 106. Как яствует из описания различающих род непереходных глаголов, а также их переходных и каузативных пар и как свидетельствует анализ нерасчененных основ, функционирование категории рода в глагольной системе тесно связано с категориями залога, переходности и непереходности. Поскольку родовому изменению подвергаются только глаголы с непереходной семантикой, то это способствует взаимопроникновению двух категорий – непереходности и грамматического рода и тем самым обеспечивает их единство по отношению к категории переходности. Поэтому в целом можно говорить о противопоставлении двух категорий – грамматического рода и непереходности одной категории переходности.

§ 107. Противопоставление изменяющихся по роду непереходных глаголов и их не изменяющих род переходных пар характеризуется взаимодействием названных выше двух классов глаголов, что в данном случае означает регулярное развитие каузативных и переходных глаголов на основе различающих род непереходных форм. В результате взаимообусловленности категорий рода, непереходности и переходности происходила и проходит формализация переходных глаголов. Развитие каузативных форм теснейшим образом связано с различающими род непереходными глаголами. Различающие род формы в известной мере способствуют дифференциации глаголов не только семантически, но также и грамматически. При этом четкая и последовательная формализация происходит и в системе переходных глаголов. Об этом свидетельствует, во-первых, морфологическая обособленность каузативных форм и их регулярное противопоставление непереходнымарам; во-вторых, дифференциация нерасчененных основ переходных и непереходных глаголов посредством использования каузативных форм для выражения переходности, и, следовательно, создания оппозиции различающим род непереходным глаголам.

§ 108. На основе анализа взаимодействия категорий переходности с категориями непереходности и грамматического рода в глагольной системе шугнано-рушанской группы представляется возможным затронуть и в какой-то степени выяснить вопрос неравномерного развития системы каузативных и переходных гла-

голов в других памирских языках. Факты дают основания полагать, что семантическое и формальное развитие переходных и особенно каузативных форм обеспечивается их противопоставлением и оппозицией различающим род непереходным глаголам. Это означает, что развитие категории переходности в известной мере зависит от жизнеспособности категории рода.

§ 109. Материалы других памирских языков также могут свидетельствовать о взаимообусловленности формального развития переходных (каузативных) глаголов и категории рода. В этой связи особый интерес представляет неравномерное, а порой автономное развитие каузативных форм в других памирских языках с точки зрения отсутствия или наличия в них категории рода. Обращает на себя внимание тот факт, что разрушение родовых форм и окончательная утрата категории рода является неблагоприятным фактом для существования категории переходности и формальной организации каузативных форм. Наглядными примерами могут служить данные сарыкольского, язгулямского и йидга. Так, в сарыкольском языке, который входит в шугнано-рушансскую группу, в результате разрушения родовых моделей грамматический род окончательно элиминирован.⁵ Одновременно сарыкольский выделяется среди остальных языков группы отсутствием четкого морфологического противопоставления переходных (каузативных) и непереходных глаголов, так как переходные глаголы утратили свои старые приметы (Соколова, 1973, § II9).

В язгулямском языке глагол также не различает категории рода (родовые модели сохраняются преимущественно в формах косвенного падежа указательных местоимений). В то же время язгулямский язык характеризуется разрушением старых морфологических примет переходности и каузативности, так как "для

⁵ Утрате категории рода в сарыкольском наряду с внутренними факторами способствовали также и внешние – изолированность и оторванность от основного шугнано-рушанского языкового массива, иноязычное окружение и влияние не имеющего категории рода уйгурского языка (Карамшоев, 1976, 221–222).

сарыкольского и язгулямского языков, где каузативная огласовка в конечном счете совпала со средней а-огласовкой, вообще едва ли можно говорить о выделении каузативных глаголов" (Соколова, 1973, § 101).

В йидга, по свидетельству Г. Моргенштерне, переходное и непереходное спряжение в настоящем времени уже перестали противополагаться друг другу, косвенный падеж подлежащего при переходных глаголах в прошедшем времени практически не является нормой, а различие в окончаниях между переходными и непереходными глаголами в прошедшем времени вообще утрачено. Вместе с тем для языка йидга (в отличие от близкого ему мундханского) в настоящее время уже не характерна и категория рода (Моргенштерне, 1938, 110-121; Соколова, 1973, §§ 58, 92).

На примере сарыкольского, язгулямского и йидга можно заключить, что потеря категории рода влечет за собой ослабление и разрушение старых формальных признаков переходности в прошедшем времени; тем самым ослабляется морфологическое противопоставление глаголов по признаку переходность/непереходность. Причина подобной взаимообусловленности категории рода и категории переходности, как нам представляется, кроется в особом оппозиционном характере двух классов глагола – различающих род непереходных и не различающих род переходных.

Что касается ишкашимского и ваханского языков, не имеющих категории рода, то в них при глаголах прошедшего времени система переходных и каузативных форм малоразвита и не имеет четкого морфологического оформления (см. Пахалина, 1959; 1975; Грюнберг, Стеблин-Каменский, 1976, 593, 615-618).

С точки зрения различения рода в глагольной системе особняком стоит мундханский язык: личные глагольные формы, в частности основы прош. времени, не различают рода, но зато именные разряды слов (существительные, прилагательные, местоимения, причастия, числительные) имеют четкую и последовательную родовую дифференциацию с помощью родовых окончаний и суффиксов (см. Грюнберг, 1972, §§ 14-15, 17, 19-20, 31, 40, 45, 134). В этой связи можно предполагать, что поскольку выраже-

ние категории рода регулярно и последовательно выражается в самих именах, то не возникла необходимость в распространении родовых моделей на личные глагольные основы. Показательно, однако, тот факт, что мундханский, располагая богатыми и четкими морфологическими средствами для родовой дифференциации имен, одновременно выделяется развитой системой переходных и каузативных форм и их противопоставлением непереходным основам в прошедшем времени. "Более полная и последовательная унификация каузативных глаголов в один грамматический класс в мундханском при большей их стойкости обусловлена тем обстоятельством, что они получили здесь свое особое спряжение (спряжение I), развившееся в противоположении другому спряжению – непереходному (спряжение II)" (Соколова, 1973, § 103).

§ 150. В связи с анализом переходности/непереходности особый интерес представляет вопрос о взаимосвязи категории рода с так называемой эргативной (косвенной) конструкцией в рушанском, хуфском и бартангском, где при не дифференцированных по роду переходных глаголах косвенными формами указательных местоимений выражается род подлежащего (ср. р. daуши naï-wzənt 'он меня не узнал', дашши naï-wzənt 'она меня не узнала'). В шугнанском, баджувском и рошорвском указанная выше косвенная (эргативная) конструкция подлежащего с переходным глаголом не сохранилась и поэтому подлежащее во всех случаях (и при переходных, и непереходных глаголах) употребляется в прямом падеже (ср. ш. uidши naï-wzənt 'он меня не узнал', 'она меня не узнала'). Таким образом, благодаря сохранению эргативной конструкции рушанский, хуфский и бартангский располагают дополнительным средством выражения рода субъекта – косвенными формами указательных местоимений при переходных не различающих рода глаголах (наряду с общим для всех языков группы средством выражения рода подлежащего непереходными родовыми глаголами). Поэтому наличие косвенной (эргативной) конструкции в рушанском, хуфском и бартангском можно рассматривать как фактор, способствующий упрочнению и сохранению категории рода в назван-

ных языках,⁶ а отсутствие указанной конструкции в других языках (шугнанском, баджувском, рошорвском) - как неблагоприятный фактор для функционирования грамматического рода.

§ III. Подобное заключение в известной степени подтверждается материалами сравниваемых языков. Из предыдущих разделов видно, что рушанский, хуфский, бартангский, сохранили косвенную конструкцию подлежащего и одновременно они же в большей степени обладают различающими род формантами, чем шугнанский, баджувский и рошорвский. При этом обращает на себя внимание тот факт, что рошорвский язык весьма близок бартангскому⁷ и отличается от него главным образом отсутствием эргативной конструкции. Вместе с тем в рошорвском, в отличие от бартангского, прослеживается слабое родовое противопоставление, что проявляется не только в бедности грамматических средств различения рода, но также и в неустойчивой родовой закрепленности предметных имен.⁸ Что касается шугнанского языка и его

⁶ Нестойкость категории рода в язгулямском при наличии в нем эргативной конструкции, очевидно, является результатом разрушения родовых огласовок и особенно влияния таджикоязычной среды (Карамшоев, 1975б). При всем этом показательно в язгулямском то, что из всех частей речи только косвенные формы указательных местоимений сохранили регулярное родовое противопоставление (ср. муж. day, way, жен. im, dim).

⁷ Исходя из общности фонетического и грамматического строя бартангского и рошорвского, последний в ряде памироведческих работ рассматривается как диалект бартангского языка (см. в частности Соколова, 1967, 41).

⁸ О колебании в родовой принадлежности неодушевленных имен в рошорвском см. Курбанов, 1976, 62.

баджувского диалекта, то они по сравнению с рушанским, хуфским и бартангским располагают меньшим количеством морфологических родовых формантов, что особенно заметно выявляется в системе различающихся по роду первичных суффиксов.

Следует отметить относительно большую синтаксическую возможность различения рода подлежащего с помощью прямой формы лично-указательного местоимения 3 л. ед.ч. дальней степени в шугнанском и баджувском (уи 'он', 'тот', уа 'она', 'та') и отсутствие подобной родовой дифференциации в остальных языках рассматриваемой группы (ср. р.-х., б.-ршв. уа 'он', 'она', 'тот', 'та'). При этом в рушанском, хуфском и бартангском, как уже было отмечено, в отличие от остальных языков и диалектов группы при не различающих род переходных глаголах-сказуемых посредством косвенных форм указательных местоимений ед.ч. выражается категория рода подлежащего (ср. р. way az ши pawst 'он спросил меня'; им az ши pawst 'она спросила меня'). Лишь один рошорвский не сохранил различения рода подлежащего ни с помощью прямых, ни с помощью косвенных форм указательных местоимений.

Таким образом, функционирование грамматического рода теснейшим образом связано не только с переходными и каузативными формами, но также и с косвенной (эргативной) конструкцией.

§ III2. На основе анализа особой взаимосвязи различающихся по роду непереходных и безразличных к родовому изменению переходных глаголов представляется целесообразным снова вернуться к поставленному в начале данного раздела вопросу о том, изменились ли в промлом переходные глаголы по роду? Сам факт четкого и последовательного противопоставления переходных (не дифференцированных по роду) и непереходных (изменяющих род) глаголов дает отрицательный ответ на этот вопрос. Если допустить для переходных глаголов в историческом аспекте родовое изменение, то это означало бы отсутствие оппозиции и, следовательно, ликвидацию различий рода в системе непереходных глаголов. Характер проявления категории переходности/непереходности, по-видимому, с самого начала процесса проникновения в глагольные основы родовых моделей

препятствовал распространению родовых моделей в систему переходных глаголов. Кроме того, если бы родовое изменение исторически было характерно и для переходных глаголов, то оно в реликтовом виде могло бы сохраниться в этих глаголах. Даже переходные по своему происхождению глаголы (типа ш.-бдк. *kin*: *čud*, р.-х. *kin*: *čig* 'делать') в случае весьма редкого изменения по роду становятся неперходными (ср. р. *mawz čig* 'проголодался', *mawz čōg* 'проголодалась'). Таким образом, родовое изменение было и остается характерным только для неперходных глаголов.

При всем этом следует отметить, что вопрос проявления грамматического рода в глагольной системе с точки зрения переходности/неперходности требует дальнейшего специального изучения в более широком плане. Окончательное решение данного вопроса можно получить при сравнительном анализе материалов других иранских языков, обладающих категорией рода. В качестве примера можно напомнить, что в согдийском языке категория рода в аналитических глагольных формах активного залога проявляется лишь у неперходных глаголов — прежде всего это формы неперходного перфекта, образованные по модели причастия с суффиксом *-te-* (из др.-ир. **-taka-*) и глагольные основы прошедшего времени (Исхаков, 1972, 24). В остальных современных иранских языках (диалекты курдского языка, афганский и др.), по-видимому, не прослеживается обусловленность изменяющихся по роду глаголов от их переходной и неперходной семантики (см. Курдоев, 1957, 44–51; Бакаев, 1973, 93–103; Дворянков, 1960, 47–49; Ефимов, 1975, 452–456).

ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ РОДА В ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНЫХ СЛОВАХ

§ II3. Родовое изменение звукоподражательных и изобразительных по облику и происхождению слов представляет собой особый интерес (поскольку это языковое явление составляет, по-видимому, специфику языков и диалектов шугнано-рушанской группы) и заслуживает всестороннего и детального анализа, тем

не менее вопрос этот до сего времени остается почти неизученным.

Выражение категории рода в звукоподражательных словах впервые было установлено при описании баджувского диалекта. Однако в последующих монографических описаниях языков и диалектов шугнано-рушанской группы этому вопросу уделялось недостаточное внимание. Собранные нами новые материалы позволяют более подробно проанализировать различные группы слов звукоподражательного характера. Особый интерес представляет родовое изменение звукоподражательных глаголов, прежде не привлекавшее внимания исследователей. Изменение по роду звукоподражательных слов, насколько известно, не имеет себе прямых аналогий ни в древних языках, ни в живых современных, как иранских, так и индоевропейских, и поэтому изменение рода в названном разряде слов следует, видимо, считать памирской инновацией, возникшей на почве внутренних законов развития сравниваемых языков и диалектов.

Проникновение и распространение родовой перегласовки на указанную группу слов не имеет давней традиции и находится в процессе развития. Родовое противопоставление в звукоподражательных словах проявляется несколько иначе, чем в изменяющихся по роду именах и глаголах, создавая более унифицированную модель различающих род звуковых чередований. Модели перегласовок для звукоподражательных слов и звукоподражательных глаголов и описание их дается ниже с соответствующими подразделениями. Звукоподражательные и изобразительные слова, различающиеся по роду, структурно распадаются на две следующие большие группы:

I) слова, образующиеся с помощью суффиксов *-ast*,¹ *-at*; причем указанные суффиксы в ряде случаев могут заменять друг друга (ш.-бдк. *farkast*, *farkat*, *xen.farkast*, *farkat* 'мгновен-

1 О функции и этимологии этого суффикса в других иранских языках см. Абаев, 1958, 91; Розенфельд, 1971, 28, 80; Фазлов, 1958, 39–40.

но', 'быстро');

2) слова, образующиеся путем повтора одной и той же основы. В рушанском, хуфском и бартангском подобное повторение часто может осуществляться еще при помощи связывающего элемента -а- (ш.-бдж. čul-čul, р.-х. čol-a-čol, жен. ш.-р.гр. čal-čal, р.-х. также čal-a-čal 'журчанье').

Родовое чередование в звукоподражательных и изобразительных словах в основном аналогично модели родовой перегласовки в других разрядах слов (в именах и глаголах).

§ II4. Перегласовка по модели муж. и / жен. а в подавляющем большинстве случаев является общей для всех языков и диалектов. Однако в рушанском и хуфском форма муж. рода ряда слов содержит в основе краткое о. Кроме того, при повторении изменяемых по роду основ в рушанском, хуфском и бартангском, как уже было отмечено, между компонентами используется соединяющий элемент -а-.

Родовая перегласовка муж. и / жен. а (р.-х. также о/а) реализуется как в словах, осложненных суффиксами -ast, -at, так и при повторе основ.

В подавляющем большинстве случаев одни и те же звукоподражательные и изобразительные слова одновременно сочетаются и с указанными суффиксами и в то же время могут входить в состав модели с повтором основ. В том и другом случае звукоподражательное слово в основном выражает одно и то же значение, оттенки значения уточняются контекстом.

В синтаксическом плане рассматриваемые звукоподражательные и изобразительные слова употребляются чаще всего в адвербальной функции в качестве обстоятельства: ш. furkast sut tar bōy 'он быстро пошел в сад'; р.үа kiyōn tat-tap wōxt 'та груша со стуком падает' (райзov, 1966, I9).

Употребление звукоподражательных слов в функции других членов предложения (подлежащего, дополнения, определения, в составе сказуемого) является обычным явлением: ср.ш. ḫas ča-čal wēv tar ṛčū yat 'до их слуха донеслось журчанье воды'; р. үа mōšin ráv-páč čo xo, wizad 'машина тарахтела, тарахтела и заглохла' (райзов, 1966, I9).

Поскольку звукоподражательные слова используются как наречия (обстоятельства) и в то же время могут субстантивироваться, то при переводе на первом месте дается их адвербальное значение — как более распространенное, а на втором месте — предметное. Кроме того, следует подчеркнуть следующую их специфику: формы с суффиксом -ast (реже -at) по значению совпадают или же сближаются с формами при повторе основ. В этом случае обе формы (с суффиксами и при повторе компонентов) снабжаются одним переводом. При семантическом расхождении к каждому слову дается отдельный перевод.

§ II5. Первый тип родовой перегласовки имеет следующий вид: муж. ш.-бдж. и, р.-х. и, о, ѿ / жен. ш.-бдж., р.-х. а. Примеры данного типа даются в табл. 45.

§ II6. Второй тип родовой перегласовки с моделью муж. ш.-бдж. ѿ, р.-х. ѿ, ѿ / жен. ш.-бдж., р.-х. а, а имеет неизначительное словарное распространение (см. табл. 46).

§ II7. В ряде слов шугнанский, баджувский, рушанский и хуфский совпадают по родовой перегласовке: муж. ѿ / жен. а (см. табл. 47).

§ II8. Показателен тот факт, что в ряде случаев между формами мужского рода и соответствующими формами женского рода прослеживается семантическое расхождение, в результате чего родовое противопоставление выражается слабо, а иногда даже исчезает. В данном случае каждая единица снабжается соответствующим переводом (примеры см. в табл. 48).

Подобное семантическое расхождение родовых коррелятов прослеживается также при звукоподражательных глаголах (см. §§ 121-128). В целом расхождение в семантике изменяемых по роду коррелятов служит фактором ослабления, а порою и утраты родового противопоставления.

Таблица 45

Язык	Муж.	Жен.	Перевод
I	2	3	4
ш-бдх. р-х.	curast, curat cur-cur corast, cor(a)-cor	carast, carat car-car carast, car(a)-car	с морохом, с желе- стом
ш-бдх. р-х.	curkast, curkhat, curk-curk corkast, cork(a)-cork	carkast, carkhat, cark-car carkast, cark(a)-car	морох, шелест, с треском, треск; немедленно, быстро
ш-бдх. р-х.	čulast, čul-čul čolast, čol(a)-čol	čalast, čal-čal čalast, čal(a)-čal	с бульканьем, с хурчанием, булькая, хурча; бульканье хурчанье
ш-бдх. р-х.	dungast, dung- -dung dongast, dong(a)-dond	dangest, dang-dang dangast, dang(a)-dang	с дрожью, дрожа; дрожь
ш-бдх. р-х.	bayast, bay-bay	bayast, bay-bay	с хужканием; хужкание
ш-бдх. р-х.	furast, furat forast	farast, farat farast	беспрерывно; кружение
ш-бдх. р-х.	furkast, furkhat furk-furk forkast, fork(a)-fork	fariast, farkhat fark-fark farkast, fark(a)-fark	мгновение; немед- ленно, быстро-бы- стро
ш-бдх. р-х.	fukast, fuks-fuks foxast, fox(a)- -fox	fakast,fak-fak faňast,faň(a)- -fak	со вздохом; бес- прерывный вздох; быстро-быстро

Продолжение табл.45

I	2	3	4
ш-бдх. р-х.	gurast, gurat gur-gur gorast,gor(a)-gor	garast, garat gar-gar garast,gar(a)-gar	быстро, беспрерыв- но, друг за дру- гом
ш-бдх. р-х.	yurast, yur-yur yorast,yor(a)-yor	yarast, yar-yar yarast,yar(a)-yar	с грохотом, гро- хоча; грохот
ш-бдх. р-х.	pureast,pure-pure šipureast,šipure- šipure	parøast,parø-parø šiparøast,šiparø- šiparø	с шумом, с шеле- стом; шум крыль- ев птиц и т.п.
ш-бдх. р-х.	poreast, pore(a)- porø, šiporeast, šipore-šipore	parøast, parø(a)- parø, šiparøast, šiparø-šiparø	
ш-бдх. р-х.	putast, put-put potast,pot(a)-pot	patast, pat-pat patast,pat(a)-pat	шепот, шепотом
ш-бдх. р-х.	qutast,qut-qut qotast,qot(a)-qot	qatast,qat-qat qatäst,qat(a)-qat	кудахтанье
ш-бдх. р-х.	qumbast, qumb- qumb qumbast,qumb(a)- qumb	qambast, qamb- qamb qambast,qamb(a)- qamb	с бульканьем, булькая
ш-бдх. р-х.	šitupast, šitup-šitup šitopast,šitop(a)- šitop	šitapast, šitap-šitap šitapast, šitap- šitap	с шумом, с гро- хотом; шум, гро- хот (от падения)
ш-бдх. р-х.	šiqutast, šiqut-šiqut šiqutast,šiqut(a)- šiqut	šiqatast, šiqat- šiqat šiqatast,šiqat- šiqat	с шумом, со сви- стом; шум, свист (от глотания че- го-л.)

Окончание табл. 45

I	2	3	4
ш-бдж. р-х.	əupast, əip-əip əopast, əon(a)-əon	əapast, əap-əap əapast, əap(a)-əap	шум (от быстрого движения)
бдж. р-х.	ħuwast, ħuw-ħuw ħuwast	ħawast, ħaw-ħaw ħawast	немедленно, момен- тально, быстро-бы- стро

Таблица 46

Язык	Муж. род	Жен. род	Перевод
ш-бдж. р-х.	b̥yast, b̥uy-b̥uy b̥yast, b̥uy-b̥uy, b̥uya-b̥uy	b̥ayast, b̥ay-b̥ay b̥ayast, b̥ay-b̥ay, b̥aya-b̥ay, bayast	блеяние, мычание
ш-бдж. р-х.	w̥yast, w̥uy-w̥uy w̥yast, w̥uy(a)- w̥uy	w̥ayast, w̥ay-w̥ay w̥ayast, w̥ay(a)- w̥ay, way(a)-way	мычание; рыдание
ш-бдж. р-х.	ħipūxast, ħipux-ħipux ħipūxast, ħipūx- (a)-ħipux	ħipaxast, ħipax- ħipax ħipaxast, ħipax- (a)-ħipax	с грохотом, грохот (выстрела)

Таблица 47

Язык	Муж.	Жен.	Перевод
ш-бдж. р-х.	dungast, dung-dung	dangast, dang-dang	с грохотом,
р-х.	dongast, dong(a)- dong	dangast, dang(a)- dang	с топотом;
ш-бдж. р-х.	qumbast, qumb-qumb	qambast, qamb-qamb	грохот, то- пот
ш-бдж. р-х.	qumbast, qumb(a)- qumb	qambast, qamb(a)- qamb	
ш-бдж. р-х.	ħiqumbast, ħiqumb- ħiqumb	ħiqambast, ħiqamb- ħiqamb	с грохотом,
ш-бдж. р-х.	ħiqumbast, ħiqumb- (a)-ħiqumb	ħiqambast, ħi- qamb(a)-ħiqamb	грохот (от стрельбы или взрыва)

Таблица 48

Язык	Муж. (жен.)	Жен. (муж.)
ш-бдж. р-х.	w̥yast, w̥uy-w̥uy w̥yast, w̥uy(a)-w̥uy	w̥ayast, w̥ay-w̥ay w̥ayast, w̥ay(a)-w̥ay
ш-бдж. р-х.	'мычание' (крупного рогатого скота)	'крик, плач' (от испуга)
ш-бдж. р-х.	b̥yast, b̥uy-b̥uy b̥yast, b̥uy(a)-b̥uy	b̥ayast, b̥ay-b̥ay b̥ayast, b̥ay(a)-b̥ay
ш-бдж. р-х.	'мычание' (крупного рогатого скота)	'blesanie' (овцы)
ш-бдж. р-х.	pulast, pul-pul polast, pol(a)-pol	palas, pal-pal palast, pal(a)-pal
	'горение' (огня)	'блеск', 'сверканье' (чего-л.)

Особенности выражения рода в звукоподражательных глаголах

§ 119. На основе внутренней огласовки легко можно узнати и установить родовую принадлежность большого количества звукоподражательных и изобразительных глаголов. Однако основной целью данного раздела является не уточнение и определение родовой принадлежности звукоподражательных глаголов, а анализ родового противопоставления каждой пары. Вопрос о родовом изменении звукоподражательных глаголов до сих пор оставался вне поля зрения специалистов. В научной литературе было зафиксировано лишь незначительное число звукоподражательных глаголов, без какого-либо указания на их родовую принадлежность. Так, например, в работе И.И. Зарубина "Шуганские тексты и словарь" (1960), содержащей наиболее полный словарь, количество звукоподражательных глаголов рассматриваемого типа не превышает одного десятка. В этой работе зафиксировано лишь четыре пары, т.е. восемь глаголов. Ниже приведим их в том виде, в каком они были интерпретированы самим автором.

1) *farkx:farxt* 'хрипеть', 'храпеть'; 3 ед. *farxt*; прич. *farkč*; инф. *farxtow* (ШТС, I40);

furx:furxt 'хрипеть', 'храпеть'; ср. *farx:farxt* (ШТС, I43);

2) *fač:fačt* 'тяжело дышать', 'задыхаться'; ср. *fuč:fučt* (ШТС I41);

fuč:fučt 'тяжело дышать'; ср. *fač:fačt* (ШТС, I43).

3) *fas:fast* 'сморкаться'; 3 ед. *fast*; прич. *fasč*; инф. *fastow* (ШТС, I41);

fus:fust 'втягивать носом, вдыхать носом'; 3 ед. *fust*, прич. *fusč*; инф. *fustow* (ШТС, I43).

4) *taq:taqt* 'стучать', 'постукивать'; 3 ед. *taqt*; прич. *taqč*; инф. *taqtow*; ср. *tuq:tuqt* (ШТС, 239); *tuq:tuqt* 'стучать', 'постукивать'; ср. *taq:taqt* (ШТС, 249).

Вопрос о родовой соотнесенности звукоподражательных глаголов не был затронут также при монографическом описании языков и диалектов шугано-руманской группы. При сборе материалов нами было зафиксировано около 40 пар звукоподражатель-

ных глаголов. Каждая пара состоит из двух форм, отличающихся друг от друга внутренней перегласовкой, а в ряде случаев также и семантикой. В общей сложности мы располагаем 80 глаголами звукоподражательного и изобразительного типа, которые так или иначе отражают родовую перегласовку и на этом основании могут быть разделены на формы мужского и женского рода.

§ 120. Звукоподражательные и изобразительные изменения по роду глаголы выделяются среди других различающихся по роду глаголов следующими особенностями:

1. Родовое изменение происходит не только в основах прош. времени и перфекта (как у обычных глаголов), но также и в формах настоящего времени и в инфинитиве, что способствует расширению согласовательных связей не только подлежащего, но также и других членов предложения - дополнения и определения. Ср. и. *wúz-um* *ħac čaltow ɬiwj* 'я люблю журчание (ж.) воды'; р. *ħuvd* *sa čolt*, *áz-ta ħápm* 'если молоко за-булькает (м.), я слышу' (*ħac* 'вода' - жен.род, *ħuvd* 'молоко' - муж.).

2. Родовые варианты звукоподражательных глаголов в ряде случаев обнаруживают семантическое расхождение, что приводит к ослаблению родового противопоставления.

3. В звукоподражательных глаголах часто наблюдается колебание в использовании родовых форм, что выражается в следующем: формы муж. рода могут параллельно употребляться при именах (подлежащих) женского рода, а формы жен. рода - с именами мужского: и. *uč kid үiget* (// *yarət*) 'пес лает' - *uč kid үarət* (// *үiget*) 'сука лает'. Подобное отклонение обнаруживается в бытовой и небрежной речи. При нормальном стиле речи родовое согласование глагола и имени восстанавливается (и. *uč kid үiget* 'пес лает' - *uč kid үarət* 'сука лает').

§ 121. С точки зрения структуры родовых моделей в основном различаются два типа перегласовок.

Первый тип характеризуется реализацией кратких гласных: для муж. рода и.-бх. и, р.-х. о, для жен. а. Этот тип родовой перегласовки имеет широкое словарное распространение. Родовое противопоставление при данном типе перегласовки вы-

рахается довольно четко и последовательно, расхождения между родовыми коррелятами здесь, как правило, не обнаруживаются. Ниже без особого объяснения перечисляются изменяющиеся по роду глагольные формы в следующей последовательности: на первом месте дается основа настоящего времени, а затем друг за другом располагаются основы прош. времени, перфекта и форма инфинитива. Поскольку форма жен. рода в рассматриваемых языках совпадает, перед примерами не ставится помета, указывающая на принадлежность формы какому-л. языку или диалекту.

муж.ш-бдх.	cur:curt; curč; curtōw	'шелестеть';
р-х.	cɔr:cɔrt; cɔrč; cɔrtōw	'моросять'
жен.	car:cart; carč; cartōw	
муж.ш-бдх.	čul:cult; čulč:čultōw	'хурчать', 'буль-
р-х.	čol:čolt; čolč; čoltōw	кать'
жен.	čal:čalt; čalč; čaltōw	
муж.ш-бдх.	zung:zungt; zungč; zungtōw	
р-х.	zɔng:zɔngt; zɔngč; zɔngtōw	'щелкать'
жен.	zang:zangt; zangč; zangtōw	
муж.ш-бдх.	zur:zurt; zurč; zurtōw	'испускать (ветры
р-х.	zɔr:zɔrt; zɔrč; zɔrtōw	со свистом)'
жен.	zɑr:zɑrt; zɑrč; zɑrtōw	
муж.ш-бдх.	duq:duqt; duqč; duqtōw	'дрожать', 'ка-
р-х.	doq:doqt; doqč; doqtōw	чаться', 'бежать
жен.	daq:daqt; daqč; daqtōw	рысы'
муж.ш-бдх.	duqēn:duqēnt; duqēnč; duqēntōw	'качать', 'приво-
р-х.	doqēn:doqēnt; doqēnč; doqēntōw	дить в дрожь'
жен.	daqēn:daqent; daqēnč; daqēntōw	
муж.ш-бдх.	γurθ:γurθt; γurθč; γurθtōw	•
р-х.	γorθ:γorθt; γorθč; γorθtōw	'лаять'
жен.	γarθ:γarθt; γarθč; γarθtōw	

муж.ш-бдх.	γur:γurt; γurč; γurtōw	'грохотать', 'та-
р-х.	γor: γort; γorč; γortōw	рахтеть', 'ворчать'
жен.	γar: γart; γarč; γartōw	
муж.ш-бдх.	qut:qat(t); qutč:qut(t)ōw	'кудахтать'
р-х.	qot:qot(t); qotč: qot(t)ōw	
жен.	qat:qat(t); qatč; qat(t)ōw	
муж.ш-бдх.	fuq:fuqt; fuqč; fuqtōw	'хрюкать', 'всхли-
р-х.	fog:foqt; foqč; foqtōw	пывать'
жен.	faq:fagt; faqč; fagtōw	
муж.ш-бдх.	fut:fut(t); futč; fut(t)ōw	'шептать'
р-х.	fot:fot(t); fotč; fot(t)ōw	
жен.	fat:fat(t); fatč; fatōw	
муж.ш-бдх.	fuč:fuít; fučč; fuítōw	'дышать', 'взды-
р-х.	foč:foít; fočč; foítōw	хать' (глубоко и
жен.	fač:faít; fačč; faítōw	беспрерывно'
муж.ш-бдх.	kur:kurt; kurč; kurtōw	'тарахтеть'
р-х.	kor:kort; korč; kortōw	
жен.	kar:kart; karč; kartōw	
муж.ш-бдх.	luc:luct; lucč; luctōw	'болтаться', 'тряс-
р-х.	loc:loct; locč; loctōw	тись' (от упятанно-
жен.	lac:lact; lacč; lactōw	сти)
муж.ш-бдх.	pul:pult; pulč; pultōw	'гореть' (тускло,
р-х.	pol:polt; polč; poltōw	незаметно)
жен.	pal:palt; palč; paltōw	
муж.ш-бдх.	purx:purxt; purxč; purxtōw	'брзгать' (воду
р-х.	porx:porxt; parxč; porxtōw	ртом)
жен.	parx:parxt; parxč; parxtōw	

муж.ш.-бдх.	tung:tungt; tungč; tungtōw	'звенеть', 'бить'
р-х.	tong:tongt; tongč; tongtōw	(по металлическому
жен.	tang:tangt; tangč; tangtōw	предмету)
муж.ш.-бдх.	tuq:tuqt; tuqč; tuqtōw	'стучать'
р-х.	toq:toqt; toqč; toqtōw	
жен.	taq:taqt; taqč; taqtōw	
муж.ш.-бдх.	tur:turt; turč; turtōw	'таяхтеть', 'тре-
р-х.	tor:tort; torč; tortōw	щать'
жен.	tar:tart; tarč; tartōw	
муж.ш.-бдх.	tup:tupt; tupč; tuptōw	'тантать'
р-х.	top:topt; topč; toptōw	
жен.	tap:tapt; tapč; taptōw	
муж.ш.-бдх.	žiwul:žiwult; žiwulč; žiwultōw	'блестеть', 'свер-
р-х.	žiwol:žiwolt; žiwolč; žiwoltōw	кать'
жен.	žiwal:žiwalt; žiwalč; žiwaltōw	

§ 122. По поводу приведенных выше форм можно отметить следующее:

1. Большинство изменяющихся по роду звукоподражательных глаголов выражает действие или состояние одушевленных имен мужского и женского рода: ш. уч. ūj̊ lap fuht букв. 'бык сильно дышит'; ш. уа ūw lap faht букв. 'корова сильно дышит' (т.е. 'дышит часто и громко').

2. Ряд звукоподражательных глаголов употребляется при неодушевленных именах, что свидетельствует о сугубо грамматическом предназначении различающихся по роду форм. Благодаря сочетаемости звукоподражательных глаголов с предметными (неодушевленными) именами, последние получают синтаксическое родовое оформление (уточнение родовой принадлежности одушевленных имен не представляет особых трудностей, поскольку суть семантика имен тому способствует). Для выражения действий неодушевленных имен чаще всего употребляются такие глаголы, как žiwul:žiwult, жен. žiwal:žiwalt (ш.-бдх.) 'блестеть';

pul:pult, жен. pal:palt (ш.-бдх.) 'гореть' (тускло, незаметно), čul:čult, жен. čal:čalt (ш.-бдх.) 'хурчать'. Примеры: ш. uōc pult 'огонь еле-еле горит'; р. uif uōc poltōw as bár-ač divixt 'горение огня было видно издали' (ш. uōc, р. uis 'огонь' - муж. род); бдх. wim ūir-ti ūir bēd-at, uā palt 'на камень падает солнце и он (камень) сверкает' (ш.-бдх. ūir, р., б.-рив. ūer, к. ūer 'камень' - жен. род).

3. В редких случаях родовое изменение распространяется также на переходные и даже каузативные глаголы: purx:purxt, жен. parx:parxt 'брзгать', duqēn:duqēnt, жен. daqēn : daqēnt 'качать', 'приводить в дрожь'. Примеры: ш. mi bōb pust-ard ūyan purxt 'мой дед обрыгал шкуру маслом'; ш. a ūas, ūas mi-rd mā-parx 'девочка, не обрыгай меня водой'; ш. vōrj wi lāp-i duqēnt ūi, ūi ūot sut 'конь сильно его укачивал, и он устал', ш. wi nān lūd : wūz-ta tu pis ūu-yač ná-daqēnum 'его мать сказала: я не стану тебя с собой таскать'.

Это явление можно считать инновацией в системе личных родовых глагольных форм рассматриваемых языков.

Вышеупомянутые факты не могут служить основанием для утверждения о родоизменяемости переходных глаголов, поэтому сделанные нами в предыдущем разделе выводы об отсутствии родоразличения для переходных глаголов (как в историческом, так и в синхронном плане) остаются в силе (см. §§ 97-II2).

§ 123. Второй тип наряду с расхождением языков в реализации перегласовки отличается от уже рассмотренного выше слабым и непоследовательным выражением родового противопоставления мужской и женской формы по смыслу. Поэтому форма мужского рода параллельно используется и при именах женского рода, а форма женского рода - с именами мужского.

Однако в целом можно констатировать, что формы с и-образной согласовкой согласуются с именами муж. рода, а корреляты с а-образной - с именами жен. рода.

Этот тип родовой перегласовки имеет два варианта.

§ 124. Первый вариант имеет следующую модель:

ш.-бдх.	и	р.-х., б.-рив.
муж.	и	и
жен.	а	а

В связи с тем, что для этой группы характерны колебания родовых форм, то при формах мужского рода наряду с погометой муж. в скобке дается еще погомета жен., а формы женского рода соответственным образом снабжаются погометами жен. (муж.), что означает факультативное употребление одной и той же формы при именах как мужского рода, так и женского:

муж. (жен.):
ш.-бдх. fuq:fūqt; fuqč; fuqtōw
р., б.-ршв. fuq:fūqt; fuqč; fuqtōw
х. foq:foqt; foqč; foqtōw

'фыркать, хрюкать' (о яке)

жен. (муж.):
ш.-бдх. faq:faqt; faqč; faqtōw
р. fiq:fift; fiqč; fiqtōw

'фыркать', 'тихо плакать'

муж. (жен.):
ш.-бдх. xipūx:xipūxt; xipūxč; xipūxtōw
р., б.-ршв. xipūx:xipūxt; xipūxč; xipūxtōw
х. xipox:xipoxt; xipoxč; xipoxtōw

'грохотать',
'тарахтеть'

жен. (муж.):
ш.-р.гр. xipax:xipaxt; xipaxč; xipaxtōw

'грохотать',
'тарахтеть'

муж. (жен.):
ш.-бдх. yūr:yūrt; yūrč; yūrtōw
р., б.-ршв. yūr:yūrt; yūrč; yūrtōw
х. yor:yort; yorč; yortōw

'грохотать',
'стрелять с грохотом'

жен. (муж.):
ш.-р.гр. yar:yart; yarč; yartōw

'лаять'

муж. (жен.):
ш.-бдх. qurš:quršt; quršč; qurštōw
р.-х., б.-ршв. qurš:quršt; quršč; qurštōw
жен. (муж.):
ш.-р. гр. qarš:qaršt; qaršč; qarštōw

'храпеть'

§ I25. Как явствует из приведенных данных, расхождение между языками обнаруживается только в огласовке муж. рода, при которой все языки и диалекты делятся на три группы: рушанский, бартангский и рошорский совпадают, имея огласовку ю, в хуфском реализуется краткое о, а в шугнанском и баджувском им соответствует открытое ю. В одном случае для формы жен. рода наряду с а представлена i-огласовка (fiq:fift; fiqč; fiqtōw). В связи с этим можно заключить, что рассматриваемые огласовки муж. рода ю, ю, о в звукоподражательных глаголах могли возникнуть и утвердиться по аналогии с именным родовым чередованием ш.-бдх. ю / р.-х. ю, о / б.-ршв. ю на почве обычных родовых моделей с i-образной огласовкой. Вместе с этим можно полагать, что широкому применению огласовок и, ю, ю, о в качестве примет муж. рода в звукоподражательных словах (может быть также и в других разрядах слов) мог способствовать еще и признанный многими лингвистами следующий естественный факт: i-образный звук в ряде языков (в частности в семитских) отражает символику низкого голоса представителя мужского пола (чаще, однако, животных и птиц) и вместе с тем используется в словах мужского рода, обозначающих предметы большого размера (об этом см. в частности: Есперсен 1922, I; Пизани 1956, 95; Абаев 1958, 269 и др.).

§ I26. Второй вариант имеет следующую модель:

ш.-бдх.	р.-х.	б.-ршв.
муж.	ю	ю
жен.	а	а

Этот вариант, как видно из схемы перегласовки, отличается от первого двумя особенностями: а) при форме муж. рода в бартангском и рошорском возникает специфический для этих языков гласный ю; б) форма жен. рода имеет долгое корневое а. По совпадению языков и диалектов в огласовке женского рода рассматриваемый вариант аналогичен первому, но с той разницей, что в первом варианте реализуется краткое а, а здесь долгое а. Кроме того, шугнанский и баджувский при форме жен. рода допускают i-образную огласовку в виде ю. В качестве примеров приводим следующие глаголы:

муж. (жен.):
 ю-бдх. $\ddot{b}u\gamma:\ddot{b}u\gamma d$; $\ddot{b}u\gamma j$; $\ddot{b}u\gamma d\ddot{o}w$
 р-х. $\ddot{b}u\gamma:\ddot{b}u\gamma d$; $\ddot{b}u\gamma j$; $\ddot{b}u\gamma d\ddot{o}w$
 б-ршв. $\ddot{b}o\gamma:\ddot{b}o\gamma d$; $\ddot{b}o\gamma j$; $\ddot{b}o\gamma d\ddot{o}w$

жен. (муж.):
 ю-р. гр. $\ddot{b}a\gamma:\ddot{b}a\gamma d$; $\ddot{b}a\gamma j$; $\ddot{b}a\gamma d\ddot{o}w$
 ю-бдх. тж. $\ddot{b}e\gamma:\ddot{b}e\gamma d$; $\ddot{b}e\gamma j$; $\ddot{b}e\gamma d\ddot{o}w$

муж. (жен.):
 ю-бдх. $w\ddot{u}\gamma:w\ddot{u}\gamma d$; $w\ddot{u}\gamma j$; $w\ddot{u}\gamma d\ddot{o}w$
 р-х. $w\ddot{u}\gamma:w\ddot{u}\gamma d$; $w\ddot{u}\gamma j$; $w\ddot{u}\gamma d\ddot{o}w$
 б-ршв. $w\ddot{o}\gamma:w\ddot{o}\gamma d$; $w\ddot{o}\gamma j$; $w\ddot{o}\gamma d\ddot{o}w$

жен. (муж.):
 ю-р. гр. $w\ddot{a}\gamma:w\ddot{a}\gamma d$; $w\ddot{a}\gamma j$; $w\ddot{a}\gamma d\ddot{o}w$

'мычать', 'реветь'
(чаще о быке), 'орать'

'блеять', 'мычать'
(чаще об овце)

'мычать', 'реветь'
(чаще о крупном скоте); 'орать'

'рыдать', 'плакать',
'орать'

§ 127. Как яствует из приведенных примеров, семантическое расхождение родовых коррелятов каждого глагола выражается довольно отчетливо. Так, например, форма $\ddot{b}u\gamma:\ddot{b}u\gamma d$ (ю-бдх.) 'мычать', 'реветь' в основном употребляется по отношению к крупному рогатому скоту, а в переносном значении используется еще в смысле 'рыдать', 'орать', 'плакать' (ю. $\dot{a}\ddot{b}a\ddot{b}u\gamma$: 'хватит тебе, мальчик, орать!'). Семантическое поле его женского коррелята в форме $\ddot{b}a\gamma:\ddot{b}a\gamma d$ (ю-р.гр.) 'блеять', 'мычать' весьма узкое, т.к. этот глагол употребляется исключительно по отношению к овце (ю. $\dot{a}\ddot{b}a\ddot{b}u\gamma$: 'овца блеет'). То же самое можно сказать и о глаголе $w\ddot{u}\gamma:w\ddot{u}\gamma d$ (ю-бдх.), который внешне по происхождению и по смыслу идентичен выше рассмотренному (форма мужского рода по значению у обоих глаголов совпадает). Формы этих глаголов по линии жен. рода выражают различные значения, ср.: $\ddot{b}a\gamma:\ddot{b}a\gamma d$ 'блеять', 'мычать' (об овце) и $w\ddot{a}\gamma:w\ddot{a}\gamma d$ 'рыдать', 'плакать', 'срить' (о человеке). В эту же группу можно включить другой глагол, который содержит по языкам и диалектам следующую огласовку: ю-бдх. ю, р-х. ю, о, б-ршв. и; форма жен. рода во всех языках имеет а-огласовку:

муж. (жен.):

ю-бдх. $luq:luqt$; $luq\ddot{c}$; $luqt\ddot{o}w$
 р. $luq:luqt$; $luq\ddot{c}$; $luqt\ddot{o}w$
 х. $loq:loqt$; $loq\ddot{c}$; $loqt\ddot{o}w$
 б-ршв. $luq:luqt$; $luq\ddot{c}$; $luqt\ddot{o}w$

жен. (муж.) $laq:laqt$; $laq\ddot{c}$; $laqt\ddot{o}w$

'чирикать', 'петь'
(напр., о 'куропатке')
'бурчать', 'свистеть'

'волочиться', 'качаться'; 'шататься'.

Расхождение родовых коррелятов по семантике наблюдается также и в следующем глаголе:

муж. (жен.):

ю-бдх. $fus:fust$; $fus\ddot{c}$; $fust\ddot{o}w$
 р-х. $fos:fost$; $fos\ddot{c}$; $fest\ddot{o}w$

'шмыгать', 'дышать носом'

жен. (муж.):

ю-бдх., р-х. $fas:fast$; $fas\ddot{c}$; $fast\ddot{o}w$

'сморкаться', 'чихать'.

§ 128. В целом по двувариантному типу родовой переглавски можно сделать следующий вывод:

ослабление родовой закрепленности одновременно влечет за собой и расхождение родовых коррелятов по их семантике, что в конечном счете может привести к образованию новых глаголов, безотносительных к родовому противопоставлению. Иначе говоря, при ослаблении родовой закрепленности глаголов происходит лексикализация родовых коррелятов. Подобное явление имеет место и в именах, где также родовое противопоставление для ряда слов уже стерто и родовую принадлежность можно установить только синтаксически (а не противопоставлением коррелятов), ср. ю-р.гр. муж. $\dot{x}ic$ 'бульон', 'жидкий' - жен. $\dot{x}as$ 'вода'!

Таким образом, родовое противопоставление коррелятов тесно связано с их семантикой. Отсутствие семантического расхождения между родовыми формами одного и того же слова

означает прочность родового противопоставления родовых коррелятов и в известной мере способствует нормальному функционированию самой категории рода.

§ 129. При отсутствии родового чередования и противополагающихся друг другу по роду коррелятов в ряде случаев, главным образом, на основе типа огласовки, представляется возможным определять принадлежность глаголов к тому или другому роду.

Языковые факты свидетельствуют о том, что при разложении формального родового противопоставления корреляты муж. рода выявляют способность к дальнейшему существованию и сохранению, а формы жен. рода утрачивают активность и постепенно выходят из употребления. Из звукоподражательных глаголов можно привести в качестве примера глагол ш.-бдх. *χugý*: *χugýd*; перф. *χugýj*; инф. *χugýdow* 'скулить' (о собаке). Исходя из и-гласовки, можем относить его к муж. роду. При малоупотребительности формы жен. рода *χagý*: *χagýd*; *χagýj*: *χarýdow* форма с и-гласовкой используется также и по отношению к именам жен. рода и жен. пола: и. *ya palang χugýd* 'рысь скулит' - *kud χugýd* 'пес скулит' (*palang* - жен., *kud* - муж.).

Вместе с тем следует иметь в виду то обстоятельство, что определенная группа глаголов так или иначе связана и закреплена за словами, обозначающими жен. пол и соответственно жен. род (типа ш.-бдх. *zöd*; *zëc* 'рожала') и поэтому подобные глаголы жен. рода как исконные, так и звукоподражательные по происхождению могут вообще не иметь коррелятов муж. рода.

§ 130. В качестве примера сохранения формы жен. рода можно привести глагол ш.-р.гр. *qāy*: *qāyd*; *qāyj*; *qāydow* 'каркать'. Сохранение указанной формы обеспечено тем обстоятельством, что этот глагол тесно закреплен за выражением действия существительных (подлежащих), относящихся к жен. роду: ш.-бдх., р.-х. *χaz*, шх. *χay*, б.-ршв. *čas*, *čaf* 'галка' и ш.-р.гр. *χurn* 'ворона' (все жен. рода); ср. и. *ya χaz riwözd-at qāyd* 'та галка летит и каркает'; ш.-вам *χurn ay kin, bās qāyd* 'прогони ворону, чтобы перестала каркать'.

То же самое можно сказать и в отношении глагола *magý*: *magýd*, перф. *magýj*, инф. *magýdow* 'мурлыкать', который уп-
184

требляется преимущественно с существительным жен. рода *ris 'кошка'*: и. *ya tu piš ar čiz sa lap magýd* 'твоя кошка что-то постоянно мурлычит'.

Следует иметь в виду и то обстоятельство, что а-гласовка в глагольных основах, не имеющих противостоящих форм муж. рода, может в ряде случаев считаться не признаком жен. рода, а скорее всего является отражением самого издаваемого звука, имеющего а-образный оттенок типа: ш.-р.гр. *maw:mawt*; *mawč*; *mawtow* 'мяукать' (о кошке), *čaq:čaqt*; *čaqč*; *čaqtow* 'чирикать, гавкать' (о сурке) *waq:waqt*; *waqč*; *waqtow* 'петь', 'чирикать' (о куропатке) и т. п.

При образовании множественного числа изменяемые по роду звукоподражательные глаголы употребляются преимущественно в форме женского рода и этим они сближаются и совпадают с обычными изменяемыми по роду глаголами: и. *wāb wam χinik sifcēn ūwalēn* 'бусы той женщины сверкают'; бдх. *wēv ūwēn as farbigi lácēn* букв. 'их коровы от упитанности трясутся'; р. *uf wēbēn čaltow-an ná-kud-i?* 'неужели они не слышали журчанья архиков?'.

Рассматриваемые звукоподражательные глаголы в отличие от обычных различающихся род глаголов допускают при мн. числе также параллельное употребление формы муж. рода: и. *wāb wāčgalā divuyén-ti tágēn* (// *túqēn*) 'те ребята стучат в двери'; и. *wāb wōrjén-en māš lap daqént* (// *draqént*) 'корни нас сильно трясли'; бдх. *χinikēn tar wiśic pidwiń tásen-ti tan-gēn* (// *twungēn*) 'женщины при охране посевов от воробьев звенят тазиками'.

§ 131. Особенности рассматриваемой группы глаголов в целом можно резюмировать следующим образом:

1. Основной родоизменяемой моделью в звукоподражательных словах является перегласовка муж. и / жен. а.
2. Подавляющее большинство глаголов звукоподражательного типа выражают действие и состояние одушевленных имен.
3. В звукоподражательных глаголах в редких случаях различие рода наряду с непереходными глаголами распространяется также и на переходные глаголы, что является инновацией.
4. В звукоподражательных глаголах родился перегласовка

Таблица 49

Разряды слов	Огласовка муж. рода и примеры					Огласовка жен. рода и примеры				
	ш.-дж.	р.	х.	б.-ршв.	ш.-дж.	р.	х.	б.-ршв.		
1	2	3	4	5	6	7	8	9		
1. Существительное	u, ī, i, ī u, ī, ī, ī	u, o, ī u, o	u, ī, o, ī u, o, ī	u, ī, o, ī u, ī, o, ī	i, ī, ī u, ī, ī u, ī, ī	i, ī, ī a, ī, ī a, ī, ī	i, ī, ī a, ī, ī a, ī, ī	i, ī, ī a, ī, ī a, ī, ī		
2. Прилагательное										
3. Глагол										
а) осн. пропл.										
б) перфект										
4. Звукоподражательные слова										
I) 'пес' - 'суга'										
'волк' - 'волчиха'	kud	würj	kud	würj	kud	kid	kid	kid		
'тесенок' - 'телка'	śig	śoß	vörj	vurj	śig	wiržin	wiržin	wiržin		
'кошка' - 'кошьма'										
'злой дух'	väyä	väyd	väyä	väyd	väyä	väyä	väyä	väyä		
'череп' - 'ведьма'	żurn	żurn	żurn	żurn	żurn	żarn	żarn	żarn		
ż) 'круглый'	rüst	röst	röst	röst	röst	röst	röst	röst		
'красный'	öext	öext	öext	öext	öext	cäxt	cäxt	cäxt		
'красивый'	cix	cök	cök	cök	cök	cäx	cäx	cäx		

распространяется на все глагольные основы, т.е. родовому изменению подвергаются не только основы прошедшего времени и перфекта (чем характеризуются и обычные непереходные глаголы), но также и формы от основы настоящего времени и инфинитива, поэтому выражается не только род подлежащего, но также и род определяемого и дополнения; ср. ш. wi ȳibā fuhtow-um ȳibā 'я слышал (непрерывные) вздохи того вноши'; wam ȳac fahtow-um ȳibā 'я слышал (непрерывные) вздохи той девушки'.

5. В ряде случаев между формами мужского и женского рода одного и того же глагола обнаруживается семантическое расхождение, приводящее к ослаблению и утрате родового противопоставления. Тем самым создается почва для образования новых лексических единиц, безразличных к родовой оппозиции.

Выводы о родовой перегласовке в именах, глагольных основах и звукоподражательных словах

§ 132. На основе анализа родовой перегласовки в именах существительных, прилагательных, основах прош. времени и перфекта, звукоподражательных словах и глаголах можно сделать определенные общие выводы. Модели изменения рода в различных разрядах слов демонстрируются в сводной таблице 49, в которой родовые перегласовки даются по каждой части речи с некоторыми примерами.

1. Родоизменяемые модели, исторически характерные для исхода именных частей речи (существительных, прилагательных, причастия прош. времени на *-ta-), после разрушения заударных родовых окончаний и в связи с перестройкой глагольной системы (употребление причастных форм в качестве личных глагольных основ) стали распространяться на внутреннюю часть различных разрядов слов – не только имен существительных и прилагательных, но также и глагольных основ. При этом родовая перегласовка развилась и усовершенствовалась по родовым моделям именных частей речи и поэтому прослеживается единобразие и совпадение родоразличающих огласовок в различных категориях слов.

I	2	3	4	5	6	7	8	9
3) а) <i>идти!</i>	<i>sut</i>	<i>sut</i>	<i>sut</i>	<i>sut</i>	<i>sat</i>	<i>sat</i>	<i>sat</i>	<i>sat</i>
<i>'умереть!'</i>	<i>mūd</i>	<i>mūg</i>	<i>mūg</i>	<i>mōd</i>	<i>mōg</i>	<i>mōg</i>	<i>mōg</i>	<i>mōg</i>
<i>'стоять!'</i>	<i>wirōvd</i>	<i>wiruvd</i>	<i>wiruvd</i>	<i>wirōvd</i>	<i>wirōvd</i>	<i>wirōvd</i>	<i>wirōvd</i>	<i>wirōvd</i>
<i>'сидеть!'</i>	<i>nüst</i>	<i>nost</i>	<i>nüst</i>	<i>nöst</i>	<i>näst</i>	<i>nöst</i>	<i>näst</i>	<i>näst</i>
<i>'ходить!'</i>	<i>tüyd</i>	<i>tuyd</i>	<i>tuyd</i>	<i>tüyd</i>	<i>täyd</i>	<i>täyd</i>	<i>töyd</i>	<i>töyd</i>
<i>'подниматься!'</i>	<i>sifid</i>	<i>sifod</i>	<i>sifod</i>	<i>sifid</i>	<i>sifid</i>	<i>sifid</i>	<i>sifid</i>	<i>sifid</i>
<i>'спать!'</i>	<i>xōvd</i>	<i>xüvd</i>	<i>xüvd</i>	<i>xōvd</i>	<i>xōvd</i>	<i>xōvd</i>	<i>xōvd</i>	<i>xōvd</i>
<i>б) 'стоять!'</i>	<i>wiruvd^j</i>	<i>wiruvd^j</i>	<i>wiruvd^j</i>	<i>wiruvd^j</i>	<i>wirivz^j</i>	<i>wirivz^j</i>	<i>wirivz^j</i>	<i>wirivz^j</i>
<i>'гнить!'</i>	<i>ш.-рд. рд^j</i> одк. рд ^j	<i>pu^j</i>	<i>pu^j</i>	<i>pu^j</i>	<i>pic</i>	<i>pic</i>	<i>pic</i>	<i>pic</i>
<i>'спать!'</i>	<i>xōv^j</i>	<i>xüv^j</i>	<i>xüv^j</i>	<i>xöv^j</i>	<i>xēv^j</i>	<i>xēv^j</i>	<i>xēv^j</i>	<i>xēv^j</i>
<i>'подниматься!'</i>	<i>sifid^j</i>	<i>sifod^j</i>	<i>sifod^j</i>	<i>sifid^j</i>	<i>sifid^j</i>	<i>sifid^j</i>	<i>sifid^j</i>	<i>sifid^j</i>
4) а) <i>'кудахтанье!'</i>	<i>quit-quit</i>	<i>got-got</i>	<i>got-got</i>	<i>quit-quit</i>	<i>qat-qat</i>	<i>qat-qat</i>	<i>qat-qat</i>	<i>qat-qat</i>
б) <i>'ху́чка!'</i>	<i>čul:čult</i>	<i>dol:dolt</i>	<i>dol:dolt</i>	<i>čul:čult</i>	<i>čal:čalt</i>	<i>čal:čalt</i>	<i>čal:čalt</i>	<i>čal:čalt</i>

2. Если не считать отдельных отклонений в родовой перегласовке, вызванных различными фонетическими условиями и неидентичной системой вокализма рассматриваемых языков и диалектов, то в целом выявляется довольно стройная система огласовок, участвующих в родовой дифференциации именных, глагольных и звукоподражательных слов, а именно: в образовании мужского рода участвует *и*-образная огласовка, в которую входят:

а) собственно *и*, являющаяся наиболее распространенной приметой мужского рода; данная огласовка объединяет все языки и диалекты;

б) огласовка *ü*, которая совпадает по всем языкам только в глаголе (*ш.-бдх. шüd*, *р.-х., б.-ршв. шüg* 'умер'), однако в других случаях отличается обособлением рушанского, хуфского и баджувского и, частично, бартангского и рошорвского;

в) огласовки *р.-х. о*, *б.-ршв. ö*, которым закономерно соответствуют в *ш.-бдх.* *i*, *ɛ*;

г) огласовка *р.-х. u*, которой в остальных языках соответствует *ö*.

В историческом плане огласовка мужского рода является отражением гласных в нейтральном положении. Распространению и усвоению *и*-образной огласовки в качестве показателя муж. рода могла способствовать также звуковая символика (см. §124).

3. Показателями форм женского рода во всех категориях слов являются *a*- и *i*-образные огласовки. При этом *a*-образная огласовка включает в себя:

а) *a*-огласовку, которая выделяется как наиболее общая для всех языков и диалектов; она характеризуется большим словарным распространением;

б) *ä*-огласовку, которая в основном объединяет все языки и диалекты, но в рушанском характеризуется большим постоянством;

в) *ö*-огласовку, которая представляет собой сужение *a*, *ä*; при этом в рушанском, как правило, в ряде случаев сужение *a*, *ä* в *ö* не происходит (ср. *р. wirävd* 'стояла' при *ш.-бдх.*, *х., б.-ршв.* *wirövd*).

4. *i*-огласовка характерна для ряда существительных и широко представлена в перфектных основах; при этом в рошорв-

ском обнаруживается тенденция к выравниванию перфектной огласовки жен. рода через а-огласовку.

5. В целом в синхронном плане с формами муж. рода ассоциируются огубленные гласные ю.-р.гр. и, ё, р.-х. о, и, б.-рв. ё (а по линии соответствия рушано-хуфскому ю, бартанг-роморскому ё) также и шугнано-баджувские неогубленные ю, ё, а с формами жен. рода - все неогубленные гласные ю.-р.гр. а, ё (> ё), и, ю, ё, ю.-бдж. ё.

6. На основе родовых моделей в ряде случаев (главным образом, при отсутствии семантических препятствий) представляется возможным объяснить родовую принадлежность и соотнесенность недифференцированных по роду неодушевленных существительных (родовой отнесенности различающих пол имен может способствовать, в частности, сама их семантика), однако участие огласовки в уточнении рода имен, не имеющих родовых коррелятов, не является живым средством различения рода. Родовую классификацию имен, не связанных с различием пола, можно осуществить с учетом взаимодействия двух главных факторов - характера огласовки (структура слов) и семантики имени.

ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ РОДА В УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЯХ

§ 133. Разрушение у существительных падежных и родовых окончаний в языках и диалектах шугнано-рушанской группы привело к весьма широкому примененному употреблению указательных местоимений в качестве уточнителей категории рода и падежа существительных. При ослаблении значения указательности все формы (как прямого падежа, так и косвенного) функционально переходят в разряд определенных артиклей и тем самым маркируют существительное по числу (ед. и мн.), падежу (прямому и косвенному) и роду (муж. и жен.). Таким образом, "сочетания существительных (утративших в этих языках флексивное склонение) с изменявшими по падежам указательными местоимениями - артиклами равны по функциям аналитическим падежным формам" (Расторгуева, 1975, 180).

Поскольку родовое изменение целиком не распространяется на все существительные, прилагательные и глаголы, а охватывает лишь незначительное количество слов каждой из этих частей речи, то только указательные местоимения получают право быть универсальными родовыми маркерами имен существительных и материально обеспечивают их родовую отнесенность. Благодаря свободной сочетаемости указательных местоимений со всеми разрядами существительных, не имеющих регулярных морфологических показателей для выражения рода, представляется возможным на синтаксическом уровне безошибочно уточнить родовую принадлежность любого существительного. Выражение категории рода с помощью дифференцированных по роду указательных местоимений осуществляется как при их субстантивном употреблении в качестве личного местоимения 3 л. ед.ч. и при выражении им собственно указательной функции, так и при использовании их в роли определенных артиклей при существительных. Помимо указательных местоимений постоянно можно определять не только родовую принадлежность имен, но также и их родовую трансформацию, т.е. переход имен из одного грамматического рода в другой в связи с изменением его семантики (ср. и. ю ѿ́б паўја́д 'прошла та ночь' и и. ю ѿ́б-а́з -ат tar-ka гаўш? 'куда идешь при такой темноте?').

Указательные местоимения и особенно их косвенные формы проявляют известный консерватизм в сохранении падежа, грамматического рода и специальных форм для указания на различные степени удаленности предмета в пространстве и во времени. Об этом, в частности, свидетельствует тот факт, что близкородственный шугнано-рушанской группе язгулямский, утративший родовую дифференциацию в сфере других разрядов слов (существительных, прилагательных, глагольных основ),至今 сохраняет различие рода в системе косвенных форм указательных местоимений (Эдельман, 1966, 40). В сарыкольском хотя категория рода окончательно элиминирована, однако родовые формы косвенных местоимений все же еще употребляются (Пахалина, 1969, 28).

Архаичный характер указательных местоимений обнаруживается также в сохранении ими трехчлененной системы ориентации

Таблица 50

Степень удаления и падеж	Род	Язык и форма местоимений								Историческое соответствие
		ш.	бдх.	х.	р.	б.	ршв.	срк.		
ДАЛЬНИЙ	прям.	м.	уи, уб-	уи, уб-		yaw	уā	уā	уā	др.-ир. м. *ava-, ав. сом *awah, *awam-> е. уи, х. *ava- >н. уā
		х.	уā	уā						
	косв.	м.	wi, we-	wi, we-	way	way	wi	wi	wi	
		х.	wam	wim	(w)um(w)um	(w)um	wam	wem	wem	
	средний	прям.	м./х.	yid	yid	yid	yid	yid	yad	др.-ир. м. *(alita-, ав. аетем, х. *(a)ita-
		м.	di, dē-	di, dē-, di-	day	day	dī	di	di	
		х.	dam	dim	dum	dum	dim	dem	dem	
БЛИЖНИЙ	прям.	м.-к.	уам	уам	уам	yim	yim	yim	уам	др.-ир. м. *ima-, ав. имем, х. *imā-
		м.	mi, mē-	mi,mō- mī-	may	kay	mī	mi	mi	
	косв.	х.	mam	mim	mum	mum	mim	mam	mem	

ближн.ст. ш.-бдх., х. к-ам, ik-ам, р., б.-ршв. k-im, ik-im 'вот этот', 'вот эта', 'именно этот', 'именно эта'; средн. ст. ш.-р.гр. k-id, ik-id 'вот тот', 'вот та', 'именно тот', 'именно та'; дальн.ст. ш.-бдх. муж. к-и, ik-u 'вот тот', 'именно тот', 'он', жен. к-ā, ik-ā 'вот та', 'именно та', 'она', р., б.-ршв. k-ā, ik-ā, х. k-aw, ik-aw 'вот тот', 'вот та', 'именно тот', 'именно та', 'он', 'она' и т.д. В сочетании с ласкательно-уменьшительным суффиксом -(u)ik все указательные местоимения употребляются только substantивно (самостоятельно): ш. уи-uk mi nā-wint 'он меня не увидел'; ш. yā-ik tōyd 'она уехала'; р. um-ik-at nā-qıwt 'ты не позвал ее'; ш. wām-ard-ik-at nā-luvd-ö? 'ты не сказал ей'?

Однако вне сочетания с этими формантами указательные местоимения широко применяются в качестве определенных ар-

на близкий, средний и дальний от говорящего предмет. В этом плане сравниваемые языки шугнано-рушанской группы объединяются с некоторыми древними и живыми современными языками не только иранской и индоиранской, но также и индоевропейской группой (из древних языков можно назвать хорезмийский, согдийский, а из современных – афганский и дардские, см., в частности, Чрайман, 1951, 43–47; Боголюбов, 1960, 4–5; Лившиц, 1956, 122; Дворянков, 1960, 44–45; Эдельман, 1976а; Бругман, 1904; Сиёев, 1972, 165–195).

Синхронное описание всех указательных местоимений языков и диалектов шугнано-рушанской группы осуществлено при монографическом исследовании соответствующих языков и диалектов группы (см. Карамшев, 1963, 118–127; Файзов, 1966, 64–75; Пахалина, 1966, 33–36; Карамхудоев, 1973, III–III6).

В диахронном плане указательные местоимения шугнано-рушанской группы и язгулямского языка освещены в специальных работах Г. Моргенштерне и Д. И. Эдельман (Моргенштерне, 1942; 1974; Эдельман, 1976а; ср. также Ефимов, 1975, 110).

Цель данного раздела – структурный и функциональный анализ лишь различающихся по роду указательных местоимений ед. числа. Все формы с указанием их фонетических вариантов по языкам и диалектам шугнано-рушанской группы представлены в табл. 50. Указательные местоимения, приведенные в табл. 50, широко сочетаются с префиксально-усилительной частицей (i)k- и ласкательно-уменьшительным суффиксом -ik. За счет этих формантов количество форм указательных местоимений удваивается. При этом следует отметить, что усложнение указательных местоимений только что названными формантами влечет за собой не только структурное изменение, но также и функциональное размежевание в системе указательных местоимений, а именно: формы с препозитивной усилительной частицей (i)k- широко употребляются при использовании указательных местоимений в их собственной указательной функции:¹

¹ Аналогичное явление отмечено для ваханских указательных местоимений с усилительной частицей a- (см. Гранберг, Штейлин-Хаменский, 1975, 570, 652).

тиклей при существительных, тем самым уточняя род и падеж последних.

§ 134. Различение рода в системе местоимений характерно только для указательных местоимений ед. числа. Формы мн. числа безразличны к изменению по роду. При этом среди форм прямого падежа, употребляющихся в функции подлежащего, только в шугнанском и его баджувском диалекте при дальнейшей степени удаленности сохранилась родовая дифференциация: ш.-бдх. *уи*, (*i*)*к-и* 'то(т)', 'он', *уā*, (*i*)*к-ā* 'та', 'она'. В остальных языках и диалектах группы различия рода нет; одна и та же форма *уā*, (*i*)*к-ā* применяется как по отношению к именам мужского, так и женского рода; ср. ш.-бдх. *уи уат*, р., б.-ршв. *уā уат*, х. *уаш уат* 'он пришел' и ш.-бдх. *уā уат*, р., б.-ршв. *уā уат*, х. *уаш уат* 'она пришла'.

В шугнанском и баджувском в отличие от прочих сравниваемых языков категория рода подлежащего выражается также при адъективном употреблении упомянутых форм. В этой служебной функции к подлежащему муж. рода примыкает форма муж. рода *уи*, (*i*)*к-и*, а к подлежащему жен. рода - *уā*, (*i*)*к-ā*: ш.-бдх. *уи бōrg wēxt* 'упало то бревно' (*bōrg* - муж.р.); ш.-бдх. *уā mēf val mi ba-ubō* 'тот день еще у меня в памяти' (*mēf* - жен.р.). В остальных языках и здесь не происходит различия рода подлежащего: р. *уā bōrk wēxt* 'упало то бревно'; р. *уā mēf val mi ba-dil* 'тот день еще у меня в памяти'. Таким образом, шугнанский и его баджувский диалект имеют большую синтаксическую возможность различения рода имен, выступающих в функции подлежащего (ср. ниже § 138). Поскольку все имена могут употребляться в функции субъекта, то представляется возможность для уточнения их родовой принадлежности.

Как можно заметить, все формы прямого падежа и особенно дальнейшей степени широко употребляются как субстантивно, так и адъективно. При субстантивном употреблении они используются: а) в значении личного местоимения 3 л. ед. ч. (ш.-бдх. *уи*, р., б.-ршв. *уē*, х. *уаш* 'он', жен. ш.-бдх. *уā*, р., б.-ршв. *уā*, х. *уаш* 'она'); б) для выражения собственно указательности (ш. *ми бōrb uyuw iк-и*, р. *ми бōrb uyuw iк-ā* 'мой приятель - вот тот'; ш. *iк-ā uyuwa tu uah*, р. *iк-ā uyuwa tā uah* 'вот та - твоя сестра').

При адъективном использовании указательных местоимений прямого падежа выявляется также две функции: а) они указывают на предмет, а в шугнанском и баджувском при дальнейшей степени - также и на категории рода подлежащего: ш. *iк-ā uylā dēk bēd*, р. *iк-ā uylā dīg binid* 'исчез тот (жен.) большой котел' (ш. *dēk*, р. *dīg* - жен.р.); ш. *iк-ā cīd māš-and uyladi*, р. *iк-ā cōd māšā uyladi* 'тот дом у нас больше' (ш. *cīd*, р. *cōd* - муж.); б) при ослаблении значения указательности выступают в качестве определенных артиклей при подлежащем; в шугнанском и в этом случае маркируется род подлежащего: ш. *yu xīr val nā-nūsc*, а *tamē-t kōr bās čūd*, р. *uā xog val na-nosč*, а *tamā-f kōr bās čūg* 'солнце еще не взошло, а вы перестали работать' (ш. *xīr*, р. *xog* - муж.р.); ш. *uā tu nān-ta cā-waxt yōbd*, р. *uā tā mod-ta cā-waxt uībd?* 'когда приедет твоя мать?'.

§ 135. В формальном облике дифференцированных по роду указательных местоимений прежде всего обращает на себя внимание тот факт, что родовая перегласовка в рассматриваемых косвенных формах резко отличается от родовых моделей других частей речи (существительных, прилагательных, основы прош. времени). Так, в формах муж. рода в целом реализуются два вида огласовки (ш.-бдх., ршв. *i/ō*, *ī/p.-x. ay*), в сущности нехарактерные для родовых основ муж. рода именных частей речи (существительных и прилагательных). При этом все языки и диалекты по реализации огласовки муж. рода делятся на две группы. Бартангский и роморвский отделяются от руманского и хуфского и совпадают с шугнанским и баджувским (ш.-бдх., ршв. *mi*, *di*, *wi*, б. *mī*, *dī*, *wī*), а руманский и хуфский с сочетанием *-ay* (*meay*, *day*, *way*) составляют одну группу. Однако начальные согласные звуки *m-*, *d-*, *w-*,² восходящие - соответств-

² Эти согласные элементы характерны также и для прямых и косвенных форм мн. числа, ср. ш.-р.гр. *māb*, *dāb*, *wāb* 'эти', 'те', 'они'; косвенные формы: ш.-бдх. *mēv*, *dēv*, *wēv*, х. *mēf*, *dēf*, *wēf*, р.-х. *muf*, *duf*, *wuf*, б. *mif*, *dif*, (*wluf*, ршв. *mef*, *daf*, *waf*.

венно к др.-ир. *īma-, *aita-, *ava-, являются общими для всех языков и диалектов рассматриваемой группы. Поскольку косвенные формы муж. рода исторически возводятся к древнему генитиву (Моргенштерне, 1942, 259; Эдельман, 1976а, 94) по типу *avahya- → р.-х. way, ш.-бдж., рим. wi, б. wī, то можно полагать, что румано-хуфский вариант сохраняет более древнюю форму.

В формах жен. рода реализуются три вида огласовки: а (ш., рим.), і (б., бдж.), и (р.-х., б.). Соотношение языков здесь резко меняется: роморвский совпадает с шугнанским, бартангский в двух случаях совпадает с баджуvsким (бдж., б. mīm, dim), а в дальней степени удаления — с руманским и хуфским (р.-х., б. (w)m). Как можно заметить, форма жен. в баджуvsком по огласовке точно совпадает с формой муж. рода и отличается лишь исходным согласным -m для жен. рода, а в бартангском прослеживается сближение названных форм (ср. муж. бдж. mī, di, wī, б. mī, dī, wī, жен. бдж. mīm, dim, wim, б. mīm, dim, (w)m). Чем же объяснить подобное разнообразие и противоречивость как в огласовке, так и в соотношениях языков (совпадение шугнанского и роморвского, бартангского и баджуvsкого; нехарактерная для формы жен. рода i-огласовка в руманском, хуфском и в одном случае в бартангском)?

Решение поставленного вопроса на данном этапе препятствует те обстоятельства, что этимологии всех косвенных форм указательных местоимений пока еще спорны и точно не установлены. Так, например, происхождение косвенных форм муж. и жен. рода без особой детализации родовых моделей связывается с прямыми падежными формами трех степеней удаленности (Бrimov, 1975, III). Более детальный анализ родовых форм содержится в работах Г. Моргенштерне и Д. И. Эдельман. Однако единого мнения относительно происхождения форм жен. рода пока нет. Так, например, Г. Моргенштерне возводит их к форме древнего ablative ед.ч. муж. рода типа *aita(h)amat (Моргенштерне, 1942, 259), Д. И. Эдельман предполагает их связь с древним аккузативом жен. рода типа *aitām, который, по мнению автора, "сначала употреблялся параллельно аккузативу муж. рода типа *aitam, а затем расширил свои функции до общекосвенного, поскольку исторический генитив жен. рода при дальнейшем развитии оказался

фонетически слишком схожим с генитивом муж. рода" (Эдельман, 1976а, 94). Поскольку в приведенных выше формах наряду с а-огласовкой (ш., рим. tam, wam) представлена еще и i-огласовка (бдж., б. mīm, dim), то на основе древней а-умлаутной огласовки легко объясняются формы с а-огласовкой (ш., рим. tam, dim, wam), однако формы с i-огласовкой (mīm, dim) требуют восстановления для них иной праформы с i-умлаутом. Для нас существенным представляется выявление причины необычного расхождения между слизкими языками и схождения — между более отдаленными.

Совпадение роморвского с шугнанским по реализации единой а-огласовки в косвенных формах жен. рода, по-видимому, не является результатом влияния последнего (роморвский может испытывать в первую очередь влияние близкого ему территориально и по системе бартангского языка). Формы с а-огласовкой в роморвском могли возникнуть и утвердиться позднее в связи с усилением общей тенденции к стандартизации формы жен. рода через огласовку а, что первоначально охватывало перфектную основу (§§ 75-91), а затем распространилось на имена (ср. еще рим. warjan 'волчица' — wurg 'волк' при н.-бдж. wirzin — wurg).

Совпадение баджуvsкого и бартангского по i-огласовке в формах жен. рода также не связано с влиянием какого-либо одного из этих языков (диалектов). Оно скорее всего является результатом одинакового отражения i-умлаутной огласовки в том и другом языке (диалекте). При этом совпадение бартангского с руманским по наличию в обоих языках формы (w)m мы считаем результатом влияния руманского. Об этом свидетельствует сам факт наличия в бартангском двух форм ближней и средней степени с корневым i (mīm, dim). Если же принять форму (w)m в бартангском за исконную, то в таком случае мы вынуждены формы mīm, dim считать заимствованными. Однако не представляется возможным найти для них источник заимствования. Усвоение руманской формы дальней степени (w)m в бартангском способствовало еще то обстоятельство, что она в отличие от упомянутых выше двух форм (mīm, dim) выделяется употребительностью и чаще используется в качестве личного местоимения 3 л. ед.числа.

§ 136. Формы косвенного падежа во всех языках и диалектах группы широко используются при субстантивном и адъективном их употреблении для выражения прямого и косвенного дополнения. Рассматриваемые формы косвенного падежа субстантивно употребляются в функции дополнения (прямого и косвенного) и одновременно уточняют род. Это осуществляется в следующих случаях:

1) при выражении косвенными формами собственно указательного значения: ш. as dēv ȸls kitōb-and ūm-rd yuwa ik-wam dāk 'из этих десяти книг дай мне вон ту'; бдж. ik-wi bōr qīw 'позови хоть того'; ш. wúz-um tu-rd mi divikt, tō-t sut wē-t vūd 'я тебе это показал, а ты пошел и принес то'; ш.-yid rōj-žā ȸac, ar dám-ta Ȣinōwari ná-kinēn 'эта чистая вода, в ней не купаются'; р. dāy-at az ȸi Ȣud? 'от кого ты это услышал?'.

2) при употреблении косвенных форм в качестве 3-го лица ед. числа: ш. wi-um ná-wint, р. way-um ná-wunt 'я его не видел'; р. um taraw qīw 'позови ее сюда'.

Родовая соотнесенность сохраняется и при употреблении косвенных форм указательных местоимений в притяжательной функции: ш. wi dōd ȸay? р. way pid ȸay? 'кто его отец?'; ш. wam Ȣindūnén-en xuŕuydi, р. um Ȣindōnēn-an xuŕuydi 'ее зубы красивые'; ш. wi Ȣust ar wi Ȣebak vud 'его рука была в кармане'.

Косвенные формы играют важную рододифференцирующую роль при адъективном их употреблении, т.е. когда имя при своих косвенных позициях требует соответствующую себе по роду форму. В этом случае они употребляются:

а) для выражения собственно значения указательности: ш. ūm wēd-va pi tīr sut 'он вдоль этого аркана пошел вверх'; р. um kitōb tā-ri ȸi dā-čūg? 'кто тебе дал эту книгу?'; ш. ik-di Ȣorg mā-binēs 'не потеряй этого бревна';

б) в качестве определенных артиклей: ш. wi ſoyik-um wuz-nur ná-wint 'сегодня я не увидел (того) Шойика'; р. um Say-lōn mu ná-wzēnt '(та) Сайлон не узнала меня'.

§ 137. Поскольку для выражения принадлежности и указания используются одни и те же формы косвенного падежа, то вне связного контекста появляется двусмысленность. Это обнаруживается в тех случаях, когда формы косвенного падежа муж. ро-

да указательных местоимений сочетаются с существительными муж. рода, а косвенные формы жен. рода местоимений - с именами жен. рода; ср. ш. di ȸia ȸis, р. day Ȣod Ȣas 'посмотри его дом' // 'посмотри на тот дом' (ш. di, р. day, ш. ȸia, р. Ȣod - муж. род); ш. ūm ūl zēz, бдж. dim ūl zēz, р. dum ūl zēz 'beri ee šal' // 'бери ту шаль' (ш. ūm, бдж. dim, р. dum, ūl - жен. род).

При расширенном контексте и в случае не совпадения родовых форм указательных местоимений с родом имени указанная выше двусмысленность устраняется; ш. ūm pūstīn-um pīnūyd, бдж. dim pūstīn-um pīnūyd, р. dum pūstīn-um pānawd 'я одел ее шубу' (dam, dim, dum - жен., pūstīn - муж.); ш.-бдж. wi ȸib-um par-jūyd 'я отнял его ложку' (wi - муж., ȸib - жен.).

§ 138. Существенные расхождения между сравниваемыми языками и диалектами обнаруживаются в использовании косвенных форм указательных местоимений при глаголах - скажуемыхых переходного значения. В руманском, хуфском и бартангском все указательные местоимения, в том числе и дифференцированные по роду косвенные формы участвуют в создании эргативной конструкции и тем самым уточняют родовую принадлежность подлежащего. При этом род подлежащего может быть выражен в двух следующих случаях:

а) при самостоятельном (субстантивном) употреблении косвенных форм: р. um az ūm pawst 'она спросила у меня'; р. way dum kitōb ná-Ȣeût 'он не читал эту книгу';

б) при адъективном употреблении косвенных форм, т.е. когда они выступают в качестве определенного артикла: р. way tā ȸay ūm rimōd 'твой муж меня послал' (букв. 'тот твой муж...'); р. um Amōnbēgim ar Ȣoy tūd abivd 'Амонбегим собирала в саду туточные ягоды' (букв. 'та Амонбегим...').

В шугнанском и баджувском эргативная конструкция не сохранилась и косвенные формы указательных местоимений не могут быть использованы в функции подлежащего, но зато род подлежащего, независимо от переходности и непереводности глагола-скажуемого, регулярно выражается формой прямого падежа указательного местоимения дальней степени муж. уи 'то(т)', 'он', 'уа'та', 'она', что вовсе не характерно для остальных языков и диалектов рассматриваемой группы (см. § 134). В целом можно говорить

о большем синтаксическом преимуществе в выражении категории рода подлежащего в шугнанском и баджувском (поскольку род подлежащего выражается как при переходных глаголах-сказуемых, так и непереходных) и относительно меньшей потенциальной возможности руманского, хуфского и бартангского (поскольку род подлежащего выражается только при переходных глаголах-сказуемых).

В этом плане роморвский язык стоит особняком, так как в нем одновременно отсутствуют и эргативная конструкция (характерная для руманского, хуфского и бартангского) и различение рода формой прямого падежа указательного местоимения дальней степени удаленности (характерное для шугнанского и баджувского). Таким образом, роморвский выделяется среди остальных языков и диалектов ограниченной синтаксической возможностью выражения категории рода и это, по-видимому, является одним из главных факторов ослабления самой категории рода в роморвском.

ВЫРАЖЕНИЕ РОДА В УКАЗАТЕЛЬНОЙ ЧАСТИЦЕ И ВОПРОСИТЕЛЬНОМ НАРЕЧИИ

§ 139. Во всех языках шугнано-руманской группы отмечена указательная частица со значением 'вот', 'он', формально и функционально сходная с прямыми формами указательного местоимения ед. числа. В шугнанском языке и его баджувском диалекте форма дальней степени рассматриваемой частицы может изменяться по роду, что видно из следующей схемы:

Ближняя степень	Средняя степень	Дальняя степень муж./жен.
ш.-бдх. <i>uima</i>	<i>yida</i>	<i>yuwi</i> / <i>yuwa</i>
р.-х. <i>(y)ima</i>	<i>(y)iда</i>	<i>yiwo</i>
о. <i>uima</i>	<i>yida</i>	<i>yiwi</i>
рмв. <i>iما</i>	<i>idā</i>	<i>iwo</i>

Происхождение данной частицы связывается исследователями с формами прямого падежа указательного местоимения: ш.-

бдх. *uam*, *yid*, *uи*, *кен. yā*, *p.*, *б.-рмв. uim*, *yid*, *yā*, *x-uam*, *yid*, *yaw* 'этот', ' тот', 'та', 'он', 'она' (Караммудеев, 1973, 237; Курбамов, 1976, 220). Отсутствие родовых форм в подавляющем большинстве языков (руманском, хуфском, бартангском, роморвском) и наличие родоизменения в шугнанском и баджувском, по-видимому, тесно связано соответственно с отсутствием родовых форм в указательных местоимениях прямого падежа в этих языках и наличием дифференцированных по роду форм указательного местоимения дальней степени в шугнанском и баджувском (*uи* ' тот', 'он', *yā* 'та', 'она'), что отразилось на родовой дифференциации форм указательной частицы дальней степени: ш.-бдх. *yuwi* 'вот он', 'вот то(т)', *yuwa* 'вот она', 'вот та'. Примеры во фразе: ш. *yā žōw yuwa* 'вот та корова'; ш. *uи* *yuwa* 'вот тот бык'; бдх. *yā yac yuwa yat* 'вот пришла та девочка'; *uи* *yibā kāčūd?* - *yuwu ar čia dēd* 'где тот парень? - Вот он, в дом вошел'.

Заметим, что родовая закрепленность приведенных форм относительно неустойчива и поэтому в ряде случаев (главным образом при быстром темпе речи) прослеживается использование формы жен. рода при именах муж. рода и наоборот (примеры см. Караммоеев, 1963, 236).

§ 140. Вопросительное местоименное наречие с общим значением 'где' изменяется по роду следующим образом:

ш.-бдх.

муж. *kačūd*, *kaču*
жен. *kačād*, *kača*

р.-х.

kačūg, *kaču* 'где он?', 'где тот?'
kačōg 'где она?', 'где та?'

Примеры: ш. *tu virō kačūd?* 'где твой брат?'; ш. *tu nān kačād?* - *uwa yat* 'Где твоя мать? - Вот она пришла'.

Модель родовой перегласовки здесь (как, впрочем, и в указательной частице) аналогична модели перегласовки в именах и глаголе (ср. ш.-бдх. *mūd*, р.-х. *mūg* 'умер', жен. ш.-бдх. *mōd*, р.-х. *mōg* 'умерла'), однако в шугнанском и баджувском форма жен. рода этого вопросительного местоимения *kačād* 'где она?' образована по аналогии с моделью а-гласовки (типа *xidār* 'старшая').

В целом следует подчеркнуть, что поскольку все рассмотренные выше указательные и вопросительные местоимения свободно соотносятся с любым именем, то их можно считать универсальными показателями рода и падежа всех имен существительных.

ВЫРАЖЕНИЕ РОДА ИМЕН ПРИ СУФФИКАЦИИ И СЛОВОСЛОЖЕНИИ

§ 141. Различающиеся по роду первичные (основные) суффиксы, отмеченные родовые форманты, а также компоненты сложных слов являются важными морфологическими средствами выражения рода в существительных и прилагательных. Родовую дифференциацию имен при словообразовании и словосложении можно в известной мере считать продуктивной. С помощью довольно большого количества суффиксов и формантов осуществляется различие рода как у одушевленных, так и у неодушевленных существительных. По поводу сферы применения и словарного распространения различающихся род формантов следует отметить то, что одни родовые суффиксы в зависимости от семантической особенности имен могут употребляться лишь с ограниченным классом (группой) имен (суффиксы типа муж. ш.-бдж. -*őj*, р.-х.^и*ij*, б.-ршв. -*őj*/жен. ш.-бдж. -*éz*, р.-х., б.-ршв. -*éz*). Другие родовые форманты носят более универсальный характер и могут примыкать к различным семантическим разрядам имен существительных независимо от того, выражают ли они одушевленные или неодушевленные предметы или же обозначают лицо (суффиксы муж. ш.-бдж. -*éj*, р.-х., б.-ршв. -*iž*/жен. ш.-бдж. -*éz*, р.-х., б.-ршв. -*iž*; ш.-р. -*buc/-bic*).

К третьей группе можно причислить суффиксы, характерные для одних языков и диалектов и отсутствующие в других (типа б.-*ök/-ék*, р.-х. -*on*, б.-ршв. -*ón/-án*).

Рассматриваемые суффиксы по модели огласовки совпадают с уже описанными в предыдущих разделах типами родовых перегласовок и поэтому здесь основное внимание уделяется функциональному анализу родовых формантов. Гласные звуки родовых суффиксов при соединении с исходными гласными имен обычно

истираются (ш. *kurtayéj*, р.-х., б.-ршв. *kurtayíj* 'отрез на платье'); поскольку это явление закономерно, истиральная форма специально не оговаривается и не приводится.

Выражение рода с помощью первичных суффиксов

§ 142. Суффиксальный способ выражения рода характерен для группы имен существительных, прилагательных и причастий настоящего времени. При выражении рода основными суффиксами между сравниваемыми языками и диалектами обнаруживаются значительные расхождения, касающиеся, главным образом, наличия или отсутствия того или иного дифференцированного по роду форманта.

Обшим для всех языков и диалектов шугано-руманской группы является сохранение старых родовых суффиксов муж. рода *-aka-/жен. *-abí-, отражающихся соответственно как -*j*, -*é/-z*, -*c* (Моргенштерне 1962, 160–165; Соколова 1967, §§II, 32, II5, 173). С помощью этих формантов осуществляется родовая дифференциация ряда имен существительных и большого количества перфектных основ. В перфекте, как уже было описано в предыдущем разделе, названные здесь родовые элементы полностью слились с основой; их можно называть суффиксами лишь исторически. При именах в подавляющем большинстве случаев упомянутые форманты являются продуктивными, однако в ряде слов они сливаются с основой.

§ 143. Родовые суффиксы муж. рода ш.-бдж. -*éj*, р.-х., б.-ршв. -*iž*/жен. ш.-бдж. -*éz*, р.-х., б.-ршв. -*iž* выделяются среди прочих родовых формантов относительно широким словарным распространением. С помощью рассматриваемых суффиксов осуществляется родовая дифференциация различных семантических групп существительных – как названий лиц, так и неодушевленных имен; с этим связаны различные грамматические значения и оттенки названных суффиксов. Обшим для всех языков и диалектов группы является употребление названных суффиксов с терминами родства. Однако с точки зрения их родовой закрепленности и сочетаемости между языками прослеживаются некоторо-

ные расхождения.

§ 144. В шугнанском и баджувском формы муж. -éj/жен.-éz соответственно примыкают к именам - терминам родства муж. и жен. рода и тем самым проявляется их устойчивая родовая закрепленность. В остальных языках группы допускается факультативное и параллельное употребление форманта муж. рода -íj со словами жен. рода, а -íz - с именами муж. рода. Основное грамматическое значение рассматриваемых формантов при данной группе слов - это указание на вторичное некровное или полукровное родство и отношения свойства.

и.-бж.	р.-х.	б.	рмв.	Перевод
муж. <i>m.dodéj</i>	<i>pidíj/-íz</i>	<i>pidíj/-íz</i>	<i>pidíj/-íz</i>	отчик
бж. <i>pidéj</i>				
жен. <i>nánež</i>	<i>módíz</i>	<i>náníz</i> , <i>módíz</i>	<i>náníj/-íz</i>	мачеха
муж. <i>rucéj</i>	<i>rucíj</i>	<i>rucíj</i>	<i>rucíj/-íz</i>	пасынок
жен. <i>rizinéž</i>	<i>p.rizaníz</i>	<i>razeníz</i>	<i>razeníj/-íz</i>	падчерица
	<i>x.rizaníz/-íj</i>			
муж. <i>viródéj</i>	<i>viródíj/-íz</i>	<i>viródíj</i>	<i>viródíj/-íz</i>	сводный
жен. <i>yaxéž</i>	<i>yaxíz</i>	<i>yaxíz</i>	<i>yaxíj/-íz</i>	брать
				сводная
				сестра
муж. <i>čoréj</i>	<i>čúrlíj/-íz</i>	<i>čoríj</i>	<i>čoríj/-íz</i>	жена
жен. <i>vinéž</i>	<i>p. vaníz</i>	<i>vaniž/-íj</i>	<i>vaniž/-íz</i>	невеста
	<i>x. viníz</i>			
муж. <i>bóbéj</i>	<i>bóbíj</i>	<i>bóbíj</i>	<i>bóbíj/-íz</i>	неродной
жен. <i>tóméž</i>	<i>námíz</i>	<i>mómíz</i>	<i>mómíj/-íz</i>	дядь
				неродная
				бабушка

В связи с взаимозаменяемостью суффиксов -íj//-íz и их колебанием по различию рода в подавляющем большинстве языков рассматриваемой группы (за исключением шугнанского и баджувского) имеются различные точки зрения относительно дальнейшей судьбы названных формантов и вообще самой категории

рода. Так, М.Файзов при анализе вопроса выражения рода суффиксами -íj, -íz в руманском пришел к заключению о том, что "суффикс -íz, хотя является показателем женского рода, в терминах родства часто вытесняет суффикс -íj, присоединяется к словам мужского рода" (Файзов, 1966, 19). По нашему убеждению, здесь речь должна идти не только и не столько о вытеснении форманта муж. рода -íj показателем жен. рода -íz, сколько о колебаниях в употреблении последнего; в этой связи следовало бы раскрыть причину относительной употребительности форманта жен. рода -íz при терминах родства в руманском языке. Многочисленные факты свидетельствуют об обратном явлении, о том, что формы и форманты муж. рода повсеместно проявляют устойчивость, активность и часто "поглощают" корреляты жен. рода. Это видно, например, по данным роморвского языка, где формант муж. рода -íj постоянно заменяет -íz; тем самым проявляется безразличие в родовой дифференциации.

Исходя из факультативного и параллельного употребления формантов -íj / -íz и учитывая переход одного и того же существительного из одной категории в другую, Н.Карамхудоев при рассмотрении выражения категории рода в бартангском предлагал, что подобное явление "объясняется либо намечающейся тенденцией к потере указанной категории, либо допущением ошибок со стороны индивида" (Карамхудоев, 1973, 60).

Мы в этом видим прежде всего проявление специфических черт бартангского и руманского языков, так как параллельное употребление -íj / -íz при словах, обозначающих лицо и пол, не может служить основанием для утверждения об утрате категории рода по той причине, что родовая оппозиция для рассматриваемого класса имен четко создается лексическим способом - семантикой терминов родства. Особой необходимости в морфологическом (суффиксальном) противопоставлении имен по роду здесь нет. Этот факт в свою очередь свидетельствует о том, что наличие лексического способа выражения рода может привести к ослаблению родовой значимости морфологических показателей и ихнейтрализации, но не к ликвидации рода. Несмотря на ослабление родовой закрепленности указанных выше формантов в руманском, хуфском, бартангском и роморвском языках, соответствующие имена синтаксически во всех языках имеют

четкую родовую отнесенность, независимо от того, употребляется ли формант жен. рода -iʒ со словами исконно муж. рода или наоборот -iŋ при именах жен. рода. Как правило, имена со значением лиц муж. пола синтаксически выступают в согласовательную парадигму муж. рода, а имена, обозначающие лица жен. пола, согласуются с соответствующими формантами жен. рода, ср. р.-х. им pidīj (//pidiʒ) tāyid 'уехал (м.р.) ее отчим'; р.-х. way rizanīj (//rizanij) tāyid, n.way rizænīj (//rizenij) tōyid 'уехала (ж.р.) его падчерица'.

§ 145. Более уверенному решению вопроса о неустойчивом характере родовых суффиксов -iŋ, -iʒ в упомянутых языках препятствует факт четкой родовой закрепленности этих формантов в шугнанском и баджувском, тем более, что для последних суффиксальный способ выражения рода в целом не является продуктивным. Указанная особенность, однако, объяснима: в рушанском, хуфском и бартангском форма мн.ч. от терминов родства образуется посредством суффиксов, продолжающих соответственно формы жен. рода р.-х. -ērʒ, б. -ērʒ, -ārʒ, -ōrʒ и мужского -ōrj, которые не характерны для шугнанского. Эти форманты не различают рода, а формант -ērʒ почти окончательно вытеснил -ōrj; ср. pidērʒ 'отцы'; р.-х. mōdērʒ, б. mōmērʒ //mōmārʒ 'матери'; р.-х. būbērʒ, б. bōbērʒ//bōbōrj 'дедушки', р.-х., б. zinawōrj 'невестки'.¹

¹ При образовании мн.числа родовые формы могут сохраняться (ср. čxēn 'петухи' - čxēn 'курицы', guj'bicēn 'козленки' - gj'bicēn 'козочки!'), однако показатели числа не подвергаются изменениям. В этом отношении среди живых языков иранской группы особняком стоит афганский (пашто), в котором существительные в прямом падеже сохраняют родовые окончания также и во мн. числе (Дворянков, 1960, 32-35; Растрогуева, 1975, 145).

Очевидно, по аналогии с этим явлением родовой суффикс ед.числа жен. рода -iʒ получил широкое распространение и в конечном счете стал заменять формант муж. рода -iŋ именно в тех языках, где в образовании мн.числа терминов родства широко участвуют суффиксы -ērʒ, -ārʒ. Этому объяснению в какой-то мере может противоречить тот факт, что в баджувском наличествуют суффиксы мн.числа -ērʒ (pidērʒ 'отцы', pāmērʒ 'матери', xiūmōrj 'снохи!'), но не прослеживается параллельное использование -iŋ/-iʒ. Возможно, в этом следует видеть влияние шугнанского языка на баджувский.² В пользу подобной интерпретации свидетельствуют еще данные рошорвского языка, где малоупотребительность форманта мн.ч. -ārʒ сказывается на пассивности суфф. -iʒ.

Таким образом, можно заключить, что в рушанском, хуфском и бартангском широкое применение -iʒ при терминах родства тесно связано с моделями форманта мн.числа -ērʒ, -ārʒ, а ослабление родовой закрепленности формантов -iŋ (муж.) и -iʒ (жен.), их взаимозаменяемости и относительной нейтрализации к различию рода при терминах родства одновременно могли способствовать следующие два фактора: а) действие аналогичных моделей сохранившихся родовых суффиксов мн.числа терминов родства -ērʒ, -ārʒ (жен.), -ōrj (муж.) и их абсолютное безразличие к родовой дифференциации; б) лексико-семантическое противопоставление по полу и соответственно по роду называний лиц, обозначаемых терминами родства, в результате чего снимается необходимость присутствия морфологического средства различия рода.

§ 146. Весьма показателен случай выражения рода посредством суфф. -iŋ/-iʒ при отсутствии лексического противопоставления в названиях лиц по полу и грамматическому роду в том же бартангском языке, где присоединением к географическим названиям родовых суффиксов -iŋ/-iʒ выражается категория рода названий лиц с указанием их места жительства или происхождения:

Муж.

Жен.

rōšōrvīj 'роморвед'	- rōšōrvīz 'роморвка'
rawmadij ² 'равмедец'	- rawmadij ³ 'равмека'
sipanjīj 'сипанджец'	- sipanjīz 'сипанджа'
ħu:jandīj 'худжандец'	- īfjandīz 'худжанджа'
vamarīj 'вамарец'	- vamarīz 'вамарка'
basīdīj 'басидец'	- basīdīz 'басидка'
wanīj ² 'ванчец'	- wanījīz 'ванчка'
waxīj 'ваханец'	- waxīz 'ваханка'
xufīj 'хуфец'	- xufīz 'хуфка'

В остальных языках и диалектах представлена лишь одна не дифференцированная по роду форма с суффиксом -īj: р.-х. vamarīj, и.-бдж.: vamarēj 'вамарец', 'вамарка', р.-х. xūfij, и.-бдж. xufēj 'хуфец', 'хуфка'. Здесь род может быть выражен только синтаксически: и. уи wēv dōd bartangej-at, уа wēv nān wanjēj 'их отец бартангец, а их мать - ванчка' (уи 'тот', 'он', уа 'та', 'она' - употребляются в качестве артиклей при соответствующих существительных муж. рода bartangej 'бартангец' и женского wanjēj 'ванчка' (женщина из Ванча').

² В результате наращения рассматриваемого суффикса с топонимическими названиями в основе последних происходят различные фонетические изменения (чертевование гласных, сокращение долгих гласных), что особенно характерно для бартангского, роморского, руманского и хуфского;ср.: и.-р. Rawmēd - б., р.-х. rawmadij, и.-бдж. rawmēdej; и.-р. Xujānd - б.-ршв., р.-х. īu:jandēj, и.-бдж. īu:jandej; б.-ршв., р.-х. Vamār - vamarīj, и.-бдж. Vumar - vumarēj; б.-ршв., р.-х. Xuf - xufij, и.-бдж. xūf - xufēj; р.-х. Bajuw - bajawīj, и. Bajuw, бдж. Bajuw - и. bajuwēj, бдж. bajuwēj, б.-ршв., р.-х. Waxōn - wa-xīj, и.-бдж. Waxun - waxēj и т.п.

Таким образом, морфологическим средством различия рода располагает лишь один бартангский, и в данном случае можно говорить о его архаичности. В других языках в результате распада родовых формантов, как и можно было ожидать, сохранилась форма муж. рода - как более общая и универсальная.

§ 147. Форманты ш.-бдж. -ēj, -ēz, р.-х., б.-ршв. -īj, -īz широко употребляются при именах, не связанных с категорией лица и различием пола. В этом случае они играют несколько отличную роль в установлении родовой принадлежности имен. Рассматриваемые форманты (в отличие от указанного для них в § 145 свойства) здесь - при предметных именах - не образуют противополагающихся друг другу родовых коррелятов. Названные суффиксы в целом, однако, сохраняют свою родоразличительную нагрузку.

В результате применения суффикса ш.-бдж. -ēj, р.-х., б.-ршв. -īj имена соотносятся с мужским родом, а имена с и.-бдж. -ēz, р.-х., б.-ршв. -īz с женским. Сфера словарного распространения этих показателей различна: формант муж. рода может примыкать к одним (в семантическом отношении) разрядам существительных, а показатель жен. рода - к другим, причем по выражению грамматического значения оба родовых форманта тождественны (обозначают предназначение чего-либо).

Присоединением суффикса жен. рода к названиям сельскохозяйственных культур (независимо от их исходной родовой принадлежности) образуются, как правило, имена жен. рода со значением 'участок, поле, предназначенное для посева' или 'участок, поле, засеянное той или иной культурой': и.-бдж. ūl-dāmēz, р.-х., б.-ршв. ūl-dāmīz 'участок для посева пшеницы' (ūl-dām 'пшеница' - муж. род); ш.-бдж. mařēz, р.-х., б.-ршв. mařīz 'участок для посева гороха' (mař 'горох' - жен.); и.-бдж. pīnjej³, ршв., х. pīnjej³, р., б. pīnjej³ 'участок для посева проса' (pīn^j, pīn^j 'просо' - жен.); и.-бдж. yōrjēj³, р.-х., б.-ршв. yōrjīz 'участок люцерны' (и.-бдж. yōrj 'люцерна' - муж.); и.-бдж. čūščēz, р.-х. čōščīz, б.-ршв. čōščīz 'участок для посева ячменя' (и.-бдж. čūšč 'ячмень' - муж.) и т.п.

Принадлежность вышеприведенных слов к жен. роду может быть доказана еще синтаксически: и. ar dam xu pīnjej ūl-ac di-

ум 'я поливал это свое поле для посева проса'; х. ar dim ūindamīz ma-indīb 'не ходи в это пшеничное поле'; бдх. yid mi čūščēz qōq sic 'это мое ячменное поле высохло'.

Закрепление показателя жен. рода ш.-бдх. -ēz, р.-х., б.-ршв. -īz за именами данного семантического разряда можно объяснить действием синонимического фактора: поскольку слова ш.-р. zimc, ш.-бдх. sērc, р.-х., б.-ршв. sērc 'поле', 'участок для посева' относятся к жен. роду, вышеприведенные имена, попадая в то же семантическое поле, приняли показатель жен. рода. Это более наглядно и убедительно можно показать на примере тех же названий сельскохозяйственных культур, когда имя, употребляясь в значении ш.-р. zimc, ш.-бдх. sērc, р.-х., б.-ршв. sērc без морфологического родового показателя меняет собственную исходную родовую принадлежность и принимает grammatischen род своего синонима (в данном случае sērc, zimc³). Так, имена муж. рода ūindam 'пшеница', ш.-бдх. čūšc, р.-х. čōšč, б.-ршв. čōšč 'ячмень', xarvuzā 'дыня' в значении 'поле, засеянное пшеницей, ячменем и дыней' переходят в категорию жен. рода: р. ш. ūindam čāy ḫac būd? 'кто поливал это пшеничное поле?'; бдх. yā piš ar dim čūšč zibad 'кошка прыгнула в ячменное поле'.

³ Исторически слово zimc имеет суффикс жен. рода *-čī- (*zami-čī-). В связи с этим любопытно отметить, что в язгулямском языке этот суффикс сохраняется в качестве показателя мн. ч. ряда имен исконно жен. рода - как одушевленных (язг. naničēg 'матери', vezélg 'коzy'), так и неодушевленных (язг. zemčēg 'участки земли', ' поля', sefčēg 'бусы'). В языках шугнано-рушанской группы слово sifc 'бусы', так же как и zimc 'поле' относятся к жен. роду. По свидетельству В.С.Соколовой, язгулямский показатель мн.ч. -ézg соответствует суффиксу -érz, -érj шугнано-рушанской группы (Соколова, 1967, § 167).

При всем этом отметим, что приведенные для жен. рода примеры (как с суффиксом -ēz, -īz, так и без него) в случае их употребления в собирательном и общем значении могут синтаксически реализоваться по муж. роду: х. kalkōz yarjīz qōq sut 'высохло колхозное ячменное поле' (род выражен основой глагола прош. муж. sut 'стал' - жен. sat).

По этим данным можно заключить, что в тех случаях, когда семантика слова выступает в качестве главного фактора родовой отнесенности имен, то морфологические приметы рода (в данном случае -ēz, -īz) лексикализуются и тем самым перестают быть средствами различия рода.

В отдельном разъяснении нуждается слово ш.-бдх. pūndēz, х., б.-ршв. rōndīz, р. pāndīz 'тропинка', которое, как видим, образуется с помощью показателя жен. рода, но в наших материалах синтаксически (как, впрочем, и само слово ш.-бдх. pūnd, х., б.-ршв. rōnd, р. pānd 'путь', 'дорога') относится к муж. роду:⁴ ш. wi tīr pūndēz-tīr-ta jāld-as firāpi 'той (м.р.) верхней тропинкой ты быстро доберешься'; ш. pūnd naštūyd, р. pānd naštūyd 'открылась (м.р.) дорога'; б. yā rōnd lap firōx vuj 'та дорога была (м.р.) очень широка'; ршв. ti tar wi pōnd sāwān 'пойдем на ту (м.р.) дорогу'. Интересно отметить, что слово rōnd 'путь', 'дорога' в бартангском по записям И.И.Зарубина (1937, 20) и В.С.Соколовой (1960, I46) зафиксировано в синтаксической цепи жен. рода. Приводим записанное в 1915-1916 гг. И.И.Зарубиным в Бартанге двустшиие, где во второй строке косвенная форма указат. местоимения жен. рода им согласуется со словом rōnd:

camūdōrōk pōnd tōr wikoyd,
sux az um yāc im pōnd tōr tōyd

⁴ Напомним, что данное слово также и исторически относится к муж. роду. Учитывая несовпадения по роду бартангского rōnd (см. ниже) и авестийского rāntā, Г.Моргенштерне первое счабдил пометой f. (жен.), а второе - m. (Моргенштерне, 1974, 56).

'Несший корзину отдыхал на дороге,
На счастье эта девушка пошла по этой дороге!'
(Зерубин, 1937, 20).

В бартангском словаре В.С.Соколовой указана принадлежность слова *pōnd* 'путь', 'дорога' к жен. роду и это проиллюстрировано фразой: б. тū dim pōnd-at zōxt 'ты выбрал себе эту дорогу' (Соколова, 1960, I46).

Таким образом, если исходить из сочетаемости рассматриваемого слова с суффиксом жен. рода -ēz, -īz (ш.-бдх. *pundiž*, х., б.-ршв. *pōndiž*, р. *pāndiž* 'тропинка') и сохранения отнесенности *pōnd* 'путь', 'дорога' к жен. роду в бартангском и, наконец, учитывая характер огласовки в этом слове (а-и огласовки в рушанском и бартангском часто соотносятся с жен. родом), то можно полагать, что в прошлом вышеупомянутые слова в бартангском (а возможно также и в других языках ш.-р. группы) принадлежали к жен. роду.

§ 148. При отсутствии семантического (синонимического) препятствия имени, продолжающие древнюю форму жен. рода на *-aci-,⁵ в современных языках шугнано-рушанской группы в целом ассоциируются с жен. родом (ср. § 184). Это прослеживается как в живом употреблении суффикса -ēz, -īz, так и в застывших образованиях. В последнем случае огласовка суффикса отличается по языкам: ш.-бдх. -īz, р.-х., б.-р. -ēz, х. также -ēz: к.-бдх. *zariž*, р., б.-ршв. *zarež*, х. *zareež* 'курапатка' (**zarači-*, ср. осет. *zar-* 'петь'); ш.-бдх. *rañiž*, *rañiž*, р. *rañiž* 'большой кувшин' (**pari-niti-či-*).

Родовая значимость суффикса ш.-бдх. -īz, р.-х., б.-ршв. -ēz особенно наглядно выявляется при образовании существительных глагольного происхождения. Присоединением -īz, -ēz к глагольным основам настоящего времени образуются имена жен. рода. Как яствует из примеров, основа наст. времени при образовании ряда существительных подвергается изменению (ш.-бдх. *wiki*, р.-х. *wikay*, б. *wiki*, ршв. *wikay* 'отпирать' - ш.-

бдх., б. *wikiž*, р.-х. *xež* 'ключ' и т.д.).

Перевод глагола	ш.-бдх.	р.-х.	б.	Перевод имени
отпирать	<i>wiki:wikid</i>	<i>wikay:wikid</i>	<i>wiki:wikiž</i>	ключ
(замок)	<i>wikiž</i>	<i>xež</i>	<i>wikež</i>	
йтъ	<i>xeb:xivd</i>	<i>xib:xivd,</i> х. <i>xivd</i>	<i>xib:xipt</i>	
	<i>xabiz</i>	<i>p. xabež</i> х. <i>xabæž</i>	<i>xabež</i>	ветка, прут
перемени-	<i>picär:picärt</i>	<i>picäg:pi-</i> вать (о горячей пище)	<i>picör:picört</i>	
	<i>picariž</i>	<i>picäriz,</i> <i>picarij</i>	<i>pacäriž, pa-</i> <i>carij</i>	проба(о горячей пище)
испрах-	<i>šarə:šukt</i>	<i>šarð:šuit</i>	<i>šarð:šukt</i>	
наться	<i>šarbiž</i>	<i>šarðež</i>	<i>šarðež</i>	задний проход, задница
петь, чи-	<i>kir:kirt</i>	<i>kir:kirt</i>	<i>kir:kirt</i>	
рикатъ	(о куропатке)	-	<i>kiriž</i>	'чирикаю- щая', 'кри- кунушка' (назв. птицы)
переме-	<i>tew:tewt</i>	<i>tiw:tiwt</i>	<i>tiw:tiwt</i>	
шать	(муку с кидко- стью)	<i>tiwēc</i>	<i>tiwēc</i>	чернушка, ложка

Данные имена представляют особый интерес с точки зрения причины образования морфологических форм жен. рода. Подобное образование родовых форм мы рассматриваем как результат действия опосредствованных лексико-семантических факторов. Так, например, названия кушанья ѫ́ 'местная лапша', ш.-бдх. *xakrā* р.-х. *xařrā* 'похлебка', 'мучной кисель', ѫ́ 'похлебка с клецками' относятся к жен. роду. На базе семантического ряда этих имен образовалось существительное жен. рода *picariž*, что означает 'небольшое количество горячего кушанья, которое снимается после кипения от названных выше блюд и дается тому, кто не дожидается до окончательного приготовления пищи'; об-

⁵ Об истории суффикса *-či- и его роли в образовании имен жен. рода см. также Моргенштерне, 1973, 102-107.

разование *tiwēc* 'черпалка', 'большая ложка для перемешивания муки с какой-либо жидкостью' (водой, молоком)' связано с именами жен. рода ш.-бдх. *śib*, р.-х., б.-ршв. *śēt* 'деревянная ложка', ш.-бдх. *sējib*, р.-х., б. *sējib* 'большая деревянная ложка'.

Как видим, в этом случае лексико-семантические ряды способствуют образованию морфологически мотивированных родовых форм.

§ 149. Не подлежит сомнению, что суффикс *-či- (*-či-) в диахронном плане сыграл большую морфологическую роль в соотнесении слов различных семантических пластов с жен. родом. В какой-то мере это проявляется и ныне. В целом все имена с историческим суффиксом жен. рода *-či- продолжают форму и значение жен. рода. При этом исходный гласный указанного суффикса по преимуществу отразился в виде i-образной корневой огласовки - как примета жен. рода, а на базе согласного *-č- возникли -с и -з - дополнительные показатели жен. рода не только в перфектных основах, но также и в именах. По этой модели формально и по принадлежности к жен. роду относятся также и другие имена, не только существительные с историческим суффиксом жен. рода *-či- (*-či-), но также и имена с исходным звуковым сочетанием *-či-. В том и другом случае *-č- отразился в виде исходных -с и -з - как приметы жен. рода и представляют собой неотделимую часть основы. Ниже дается перечень зафиксированных имен жен. рода с исходными -с, -з (из *-či-) и указанием их возможной этимологии.

	ш.-бдх.	р.-х.	б.-ршв.	Перевод
*pari-dānya-či-	raħbēnc	pūrbēnc	pōrbēnc	дверной замок
*parsu-či	pērž	pērž	pērž	ребро
*sapārī-?	sabēc	sabēc	sabēc	стручок гороха
*sāpači-	sēpc	sēpc	sēpc	посевное поле
*zami-či-	zimc	zimc	zimc	участок земли, посевное поле
*syāwaci-	sēc	sīc	sīc	селезенка

*sūči-, д.-инд. аб. sūčā-	sīz	sīz	sīz	холода
š̄	š̄	wižēk	š̄	бусы
*bat(a)či-	vic	vic	vic ⁶	раскаленный угол, жар
*bāra-či-	vērž	vērž	vērž	тетка
*tači-	tēž	tēž	tēž	хобыча
*kata-guna- -či-?	ш.čiayinc бдх.čiayinc	čayinc	čayinc	карназ (на горах)
*drafsa-či- ср.тадж. čaxs	cōž	p.cāwž x.cōwž	б.cāwž ршв.cōwž	шило
*fruša-či- ⁷ (EVSh 33)	čāyž	čāyž	čāyž	цедилка
*gūva-či-	vīc	vīc	vīc	боярышник
*nah(y)a-či-	nēž	nēž	nēž	нос

⁶ Данное слово хотя является общим для всех памирских языков, однако в язгулямском употребляется также и в значении 'дядя'; ср. язг. vac 'тетя', 'дядя', имк. vīc, вах. vōč 'тетя', вах. vēč, имк. vēči 'дядя'. Праформа для этого слова восстановлена Н.Н.Пахалиной (1975, 282). По ее предположению к нему относятся также рус. батя, батько 'отец', чеш. bat'a 'брать', 'родственник', что допустимо. В языках шугнано-рушинской группы в значении 'дядя' используются заимствованные (a)mak 'дядя по отцу' и xōlak 'дядя по матери'.

⁷ В.С.Соколова ш. firež возводит к и.-е. *plou-, blou-, др.-инд. pluši- и пытается для него два этапа изменения: *pluši-> friy > fray (что равно афг. wxeža), а на втором этапе fray было осложнено суффиксом *-či- с одновременным растяжением корневой огласовки *frači->firež (Соколова, 1967, § 67).

ср. wi̥kamb-	wikimc	p. xi̥kimc x. xi̥kimc	xi̥kimc	кудель
'перебирать шерсть'				
*hwar̥staci-?	xi̥c	(a)xi̥c	(a)xi̥c	халва
*stāra-či-	xi̥terz	xi̥terz, xi̥ tūrj	xi̥torj	звезда
*kar̥ipta-či-?	ki̥kēpc	ki̥kēpc	kar̥ibpc	сорока

Таким образом, в системе имен существительных наряду с огласовкой в качестве родовых примет можно выделить исходные согласные -с, -з, которые продолжают форму жен. рода на *-či-. Приведенные имена хотя и не связаны с различением пола и не подразумевают противополагающихся друг другу родовых пар, тем не менее они в целом сохраняют не только форму жен. рода, но также и грамматическую принадлежность к этому роду, что обычно можно доказать синтаксически, ср.: и. siž viralt 'сломалась (х.р.) иголка'; и. dam cōv̥z mā-bīnēs 'не потеряй это (х.р.) мясо'; р. num sifc tā-ri či dā-čūg? 'кто тебе дал эту (х.р.) бусинку?'.

Однако не все имена с исходными -с и -з могут относиться к жен. роду. Исключениями являются прежде всего те имена, которые либо восходят к иным историческим источникам, либо же продолжают форму на *-či-, но по семантическим (синонимическим) признакам соотносятся с муж. родом. В качестве примеров для имен муж. рода приводим следующие: и.-бдх. riðūž, х. riðūž 'нитка из козьей шерсти' (*pati-drza-); и.-бдх. mōž, х., б.-рив. mōwz, р. mawz 'голод' (ав. mēgēzāna-?); и.-бдх. rōž 'колос' (**rārza-); и.-бдх. rīc, р., б. rēc, х. rēc 'ицо' (ав. paitisa-); и.-р. rōc 'очередь пасты скот' (ав. rāsra-), и.-бдх. kūž, р.-х. kūž 'дира' (**kausaci-?); и.-р. xūz 'ветер' (ср. хот. khauša-); и.-бдх. čērīz, р.-х. čērīz, б.-рив. čērīz 'пахота' (čēr, р.-х. čēr, б.-рив. čēr 'пахать', -iž - суффикс отлагольного имени действия).

§ 150. Суффикс муж. рода и.-бдх. -ēj, р.-х., б.-рив. -iž так же, как и его коррелят жен. рода и.-бдх. -ēž, -iž, р.-х. -iž, р. -ēž, х. -æž, б.-рив. -iž, -ēž, выражает в ии-

роком смысле слова назначение, но в отличие от последнего он образует имена муж. рода. Сфера словарного распространения рассматриваемого суффикса гораздо шире, чем у его жен. коррелята. Родовая оппозиция здесь отсутствует.

Суффикс и.-бдх. -ēj, р.-х., б.-рив. -iž широко употребляется как при именах муж. рода, так и с именами женского рода, однако в том и другом случае слова, осмыслиенные этим суффиксом, относятся к муж. роду. Приводим некоторые примеры для сочетания суффикса и.-бдх. -ēj, р.-х., б.-рив. -iž с именами муж. рода:

и.-бдх.	р.-х.	б.-рив.	Перевод
rēx	rēx	rēx	салог(и)
rēxej	rēxij	rēxij	выделенная кожа для сапог
bīr	bēr	bēr	постель; низ
bīrej	bērij	bērij	постельные принадлежности
garða	garða	garða	лепешка
garðayej	garðayij	garðayij	мука для лепешки
kurtā	kurtā	kurtā	рубашка, платье
kurtayej	kurtayij	kurtayij	материал, отрез на платье
wūs	wūs	wūs	балка
wusej	wūsij	wūsij	бревно, идущее на балку
pūstīn	pūstīn	pūstīn	шуба
pūstīnej	pūstīnij	pūstīnij	шкура для шубы
divu	divu	divōr	дверь
divuyej	divuyij	divōrij	материал для двери
fana	fana	fana	клин
fanayej	fanayij	fanayij	палка для клина

§ 151. Интересным представляется факт свободного примыкания описываемого суффикса муж. рода к именам жен. рода, в результате чего они не только формально, но также и синтаксически переходят в категорию слов муж. рода. Причины свободной сочетаемости форманта муж. рода со словами жен. рода, очевидно, кроются и в характере самой категории муж. рода (как выражавшего общие понятия) и в функции суффикса принадлежности -ēj, -ij. Функциональная особенность данного форманта при определении родовой отнесенности имен заключается в том, что имена, не называемые, но подразумеваемые предметы, на которые указывает -ēj, -ij, принадлежат муж. роду. Присоединение суффикса муж. рода -ēj, -ij к таким словам жен. рода, как ōš 'лапши', xūrā (ш.-бдх.) 'похлебка типа мучного киселя', amōč 'похлебка с клещками' и образование имен муж. рода (ш. ōšēj, xūrauej, amōčej) мы связываем с подразумеваемым именем муж. рода ш.-бдх. yōw̄j, x., б.-рмв. yōw̄j, р. yāw̄j 'мука' (ср. ш. yōw̄j tis sut 'мука рассыпалась' - sut основа прош. муж. к жен. sat). Точно так же присоединение к именам жен. рода ш.-бдх. tōrkak, р.-х. tar̄kak 'тесло', ш. tavār, бдх., р.-х. tavār 'топор', ш.-бдх. ūš, р.-х., б.-рмв. ūg 'нох' форманта муж. рода -ēj, -ij стало возможным по той причине, что каждое слово с данным суффиксом обозначает принадлежащее к муж. роду siphin 'железо'. Ниже приводим некоторые имена жен. рода и их сочетание с рассматриваемым суффиксом муж. рода ш.-бдх. -ēj, р.-х., б.-рмв. -ij:

ш.-бдх.	р.-х.	б.-рмв.	Перевод
vidirm	vidirm	refc	венник
vidirmēj	vidirmij	6.refcij	растение, идущее на изготовление венников
ōš	ōš	ōš	лапша
ōšēj	ōšij	ōšij	мука для лапши
amōč	amōč	amōč	похлебка с клещками
amōčej	amōčij	amōčij	мука для приготовления клещек

xūrā	xārā	xārā, xārbā	похлебка
xūrauej	xārauij	xārauij,	мука для похлебки
sitan	sitan	sitan	столб
sitanēj	sitanij	sitanij	бревно для столба
čēd	čēg	čēg	нох
čēdej	čēgij	čēgij	железо, идущее на изготовление ножа
tōrkak	tar̄kak	tar̄kak,	тесло
tōrkakej	tar̄kakij	tar̄kakij,	железо, идущее на изготовление тесла
tambūn	tambōn	tambōn	штаны
tambunēj	tambonijs	tambonijs	отрез для штанов
pisēn	pisēn	6.pisēn	точильный камень
pisēnej	pisēnij	6.pisēnij	камень для изготовления точила
рмв. pisōn	рмв. pisōnij	рмв. pisōnij	

Таким образом, необходимость оформления приведенного класса имен жен. рода суффиксом муж. рода, с одной стороны, диктуется характером самой категории муж. рода, а с другой - семантическим фактором. Все имена с суффиксом -ēj, -ij также и синтаксически вступают в парадигму муж. рода: ш. mi ūšēj xū-rd zēt, р. may ūšij xū-ri zēzaf 'берите себе муку для лапши' (mi, may - косвен. формы указательного местоимения муж. рода, употребляемые в роли артиклей); ш. yu tu sitanēj qōq suđ 'то твое бревно для столба высохло' (yu 'то', sut 'стал' формы муж., жен. yā 'та', sat 'стала').

§ 152. Важно отметить, что в бартангском и относительно реже в роморвском суффикс муж. рода -ij расширил сферу своего применения: он образует имена от названий животных и птиц (как муж., так и жен. рода) и обозначает также и в данном случае неказанный предмет (продукт), принадлежащий или свойственный какому-либо живетному или птице. В других языках

группы ему соответствуют форманты -and (и.-блж., р.-х.) и -anj, -ang (рив.). При этом следует отметить, что имена с упомянутыми суффиксами реализуются и как относительные прилагательные (при наличии определяемого) и как существительные муж. рода (при субстантивации). Приводим наиболее употребительные имена и их сочетания с указанными выше формантами:

б.	рив.	и-блж., р-х.	Перевод
buc	buc	buc	козех
buci;j	buci;j	buci;and	козлятина, козий, козлий (мясо, хир, мерсть, икура)
vaz	vaz	vaz	коза
vazi;j	vazi;j	vazi;and	козлятина, козье (мясо, хир, мерсть, икура)
xo:j	xo:j	и-блж. xo:j р-х. xo:j	бык
xo:jand	xo:j;j	и-блж. xo:jand р-х. xo:jand	говядина, бычий (мясо, икура)
zaw	zaw	zaw	корова
zawi;j	zawi;j	и-блж. zawi;and р-х. zawi;and	говядина, коровий (мясо, молоко, икура)
čuk	čuk	čuk	петух
čuki;j	čuki;j	čuki;and	куриное, петушиное (мясо)
čak	čak	čak	курица
čaki;j	čaki;j	čaki;and	куриное (мясо)
zarež	zarež	и-блж. zaríz р. zarež	куропатка
zareži;j	zareži;j	и-блж. zarízand р. zarežand	куропачье (мясо)

sar	sar	р-х. sar	оксиана
sari;j	sari;j	p.sarand	оксианская (мясо, икура)
		x.sari;j	
naxcir	naxcir	naxcir	норный козех
naxcirij	naxcirij	naxcirand	норническая (мясо, икура, мерсть).
		p-x.naxcirand	

Имена с показателем муж. рода б.-рив. -oj и его эквивалент в других языках -and при субстантивации семантически согласуются, как правило, по муж. роду (исключение от них исходной редовой принадлежности вне синонимичности). Так, например: б. иш kid-ti az di Šari;j иш-тэй 'мой пак' не будет есть это ослиное (мясо); б. аж иш ūlənqo kij-хэй-хэй 'вы съешь ли эту курятину?' (di, иш - концепции формы указательно-столстенный - артикль муж. рода). Отнесение указательных имен к муж. роду в данном случае синонимизирует то же указание в § 151 факторы. В частности заметим, что подразумеваемые названия предметов, свойства и качества (жир 'жир', gūt 'мясо', ūlənqo 'мясисто', жир, ūlənqo 'черствое'), принадлежат к муж. роду.

Однако когда имя с указанием синонимических истолкований в качестве синонима слова жен. рода, то синонимичность пренебрегают в пользу последнего. Это можно видеть из следующих фраз: ūlənqo ìma ūlənqo zogó: ūlənqand-at ūlənqand- - ше-эд ёшан ūlənqand dák 'Это вот два сердца: одно бинче, а другие бараше. - Мне дай это бичье' (дам - косвенным образом указательного местоположения - артикль жен. рода указывает на принадлежность слова ūlənqand 'бичье' к жен. роду).

Это означает, что семантические факторы, со одной стороны, способствуют распространению и утверждению родовых синонимов, а с другой - нейтрализуют их родоразличительную способность.

§ 153. Бартангский язык в отличие от других языков и диалектов группы располагает уменьшительно-локализующим родовым суффиксом муж. -ok/жен. -ek. Несмотря на то что это существительное, так и прилагательное имеют производство оттенок уменьшительности и ласкательности, то это совершенно

широкому применению суффикса *-ок/-ёк** В остальных языках для одновременного выражения уменьшительности и ласкательности употребляются не дифференцированные по роду и.-бдх., х., рмв. -лк, р. -ак (и.-бдх., х., рмв. *virōdik*, р. *virōdak*, б. *virōdik/virōdék* 'братья', и.-бдх., х., рмв. *uaxik*, р. *uaxak*, б. *uaxék* 'сестренка'; 'сестричка'; и.-бдх., х., рмв. *ħacik*, р. *ħasak*, б. *ħasék* 'водичка'). Дальнейшему анализу подвергается только различающий род бартангский *-ок/жен. -ёк*. Рассматриваемый родовой формант впервые был зафиксирован в словаре В.С. Соколовой (1960, 139), а затем описывался Н.Карамухоевым (1973, 51). Наши материалы наряду с уже опубликованными могут способствовать более детальному анализу суффикса *-ок/-ёк* как в плане его родоразличительной значимости, так и с точки зрения сферы словарного распространения.

Дифференцированный по роду бартангский суфф. *-ок/жен. -ёк* может примкнуть к трем именным частям речи – существительным, прилагательным и реже к местоимениям.

При существительных суффикс *-ок/-ёк* широко употребляется с терминами родства и тем самым род этой группы слов наряду с лексико-семантическим противопоставлением выражается также и морфологически. Любопытно отметить, что рассматриваемый суффикс при терминах родства выявляет колебание в родовой закрепленности и в этой связи обнаруживает сходство с уже рассмотренным суффиксом *-iј/-iј-* (§§ 144–146). В данном случае колебание касается показателя жен. рода *-ёк*. Поэтому в примерах наряду с обычным употреблением *-ёк* с именами жен. рода указано также его факультативное использование со словами муж. рода:

Муж. род	Перевод	Жен. род	Перевод
<i>pidék/-ok</i>	палочка, батышка	<i>námék</i>	матушка
<i>rusók/-ék</i>	сынок	<i>gazémék</i>	доченька
<i>wirōdök/-ék</i>	братьец, братика	<i>uaxék</i>	сестричка
<i>bobók/-ék</i>	дедушка	<i>imbómék</i>	бабушка
<i>dódök/-ék</i>	дяденъка; племянничек	<i>vicék</i>	тетушка, тенька

<i>patišök/-ék</i>	двояродный братишко	<i>patišék</i>	двоюродная сестричка
<i>dómódök/-ék</i>	зятёк	<i>zináwék</i>	сноха, сношенька

Как видим из приведенных примеров, все термины родства муж. рода допускают дублетное использование обоих формантов (рисóк/рисéк 'сынок'). Слово *pidék* 'отец', как отмечает И.В. Соколова (1960, 139), в настоящее время сочетается в основном с суффиксом жен. рода *-ёк* (*pidék* 'папочка', 'батышка'), однако в записях И.И. Зарубина (1915 г.) это слово зафиксировано с формантом муж. рода *-ок* (Зарубин, 1937, 59).

В целом неустойчивость форманта жен. рода *-ёк* связана, очевидно, с теми же факторами, которые были отмечены для *-iј/-iј-* (см. §§ 144–146). Лексическое противопоставление указанных имен по роду также и в данном случае снижает необходимость сохранения морфологической родовой дифференциации терминов родства. Свободная сочетаемость и широкая употребительность форманта жен. рода *-ёк*, по-видимому, объясняется собственным значением ласкательности и уменьшительности, а также фоносимволическим характером гласного суффикса *-ё-*, так как *i*-образная огласовка, по признанию специалистов, во многих языках передает символику предметов маленького размера (см. Есперсен 1922, I; ср. выше § 124).

§ 154. Суффикс *-ок/-ёк* употребляется при названиях животных. В этом случае род выражается также двумя способами: лексико-семантическим противопоставлением и рассматриваемым суффиксом. Приводим наиболее употребительные имена с родовым суффиксом *-ок/жен. -ёк*:

<i>ħojök</i>	бычок	<i>ħawék</i>	коровушка
<i>võrjök</i>	лошадка	<i>verzék</i>	кобышка
<i>ħogök</i>	теленочек	<i>šegek</i>	телочка
<i>gijök</i>	козленок	<i>giјék</i>	козочка
<i>mawójök</i>	барашек	<i>mawék</i>	овечка

Важно отметить, что здесь колебание родовых формантов и в первую очередь показателя жен. рода *-ёк* не прослеживается.

В этой связи важно помнить, что отсутствие колебания в родовой экспрессивности сущинки является, очевидно, результатом отсутствия экспрессивного оттенка при обозначении животных.

Можно прийти к заключению, что формант жен. рода -ěk придает ряду слов на фоне экспрессивности и эпикательности пропись экспрессивность, что заимствуется в его употреблении не только с именами жен. рода, но также и с именами мужского рода. При назывании животных экспрессивность и эпикательность -ěk проявляются в меньшей степени и поэтому его родовая принадлежность не выражается.

§ 155. Родовая значимость -ók/-ěk более наглядно выявляется в именах, не связанных с различением лица и пола. В этом случае присоединение слов по роду отсутствует, и родовую принадлежность предметных (неодушевленных) имен математично можно определить либо морфологически, либо синтаксически. Понятию сочетание форманта муж. рода -ók с именами муж. рода и присоединение показателя жен. рода к именам жен. рода является выражение морфологическим средством различения рода предметных имен. Понятно, что в этом случае колебание в родовой за-
принимаемости сущинок -ók/ěk. -ěk, как правило, не обнаруживается. Приведем некоторые примеры для употребления суффиксов муж. -ók/ěk соответственно с именами муж. и жен. рода. Так: -ók 'дровина', -bögök 'валенка', -kögök 'веница'; -ěk 'сплющено'; -ěk 'валенка'; -ěk 'водичка', -kitöök 'книжечка', -öök 'ребенок', -öök 'ореховое деревце', -zöök 'участочек земли', -öök 'зеленая луна', 'месячник'. Эти и подобные им имена также в синтаксически сохраняют свою родовую принадлежность. Примеры: б. як як бögök як 'бери эти дровинки' (як - именн. форма указаг. местокмения муж. рода); б. як як як zöök як 'чайской на этот свой участочек земли газон' (як - именн. форма указаг. местокмения жен. рода).

§ 156. Родовые суффиксы -ók/-ěk применяются также при неспецифических - как личных, так и указательных. Это особенно важно для не дифференцированных по роду личных и указательных местоимений — как единственный морфологический способ различения рода; ср. тү-үк-ат тал юл 'ты еще маленький' — тү-үк-ат тал юл 'ты еще маленькая'; тү-үк-ат якк patiň 'ты — мой двоюродный брат' — тү-үк-ат якк patiň 'ты — моя двоюрод-

ная сестра'.

§ 157. Важная родоразличительная функция суффиксов -ók/-ěk проявляется при их сочетании с качественными прилагательными, выступающими в различных синтаксических функциях (определения, сказуемого, а при субстантивации — подлежащего и дополнения). При этом, сочетаясь с дифференцированными по роду качественными прилагательными, последние получают двойное родовое оформление (гласовой и данными формантами). Причем здесь наблюдается четкое и последовательное парадигматическое согласование: суффикс муж. рода -ók примикает к формам прилагательных муж. рода, а -ěk — к формам жен. рода (röštök 'красненький', жен. räštëk 'красненькая'). Для не различающих род прилагательных присоединение этих суффиксов к неизменяемой основе является единственным средством различения рода. Приводим наиболее часто встречающиеся прилагательные (как с дифференцированными, так и с не различающимися по роду основами):

Муж. род	Перевод	Жен. род	Перевод
daröök	длинненький	darözök	длинненькая
düsök	незначитель- ный, немножко	düsök	незначительная
zulikök	маленький	zilikök	маленькая
kutök	коротенький	katëk	коротенькая
čöwök	полосатенький	čawëk	полосатенькая
pästök	низенький	pästëk	низенькая
röštök	красненький	räštëk	красненькая
safedök	беленький	safedëk	беленькая
zavzök	зелененький	zavzëk	зелененькая
török	черненький	törëk	черненькая
xanöök	белоголовый	xanäök	белоголовая
vürök	бурый	vüreök	бурая
zirdök	желтенький	zirdëk	желтенькая

Благодаря формальному различию рода в прилагательных, неоформленные морфологически существительные получают возможность опосредственно-синтаксически вступать в родовую согласовательную цепь, что особенно важно для недифференцированных предметных (неодушевленных) имен; ср. б. *m̄-rī* ūi katek-añatal luv 'расскажи мне какую-нибудь коротенькую притчу' (*matatal* 'притча' - жен.р.); б. *dim safēdēk ūr m̄-rī dāk* 'дай мне тот маленький селенский камешек' (*ūr* 'камень' - жен.р.); б. *ūi kutoñ m̄-rī kīñ* 'отруби мне один коротенький посох' (*m̄-rī* 'посох' - муж.р.); б. *zāvžōk wōñ ná-rid* 'кончилось зеленое сено' (*wōñ* 'сено' - муж.); б. *ūid sāvžēk r̄imōl ȳi-ū?* 'чья это зеленая шаль?' (*r̄imōl* 'шаль', 'платок' - к. р.).

Таким образом, бартангский суфф. *-ōk/-ēk* в системе именных частей речи играет большую родоразличительную роль и одновременно может служить примером морфологического архаизма. Интересно отметить, что в близком бартангскому - роморвском языке засвидетельствовано лишь одно прилагательное (*taksōk* 'придирчивый', 'задира', жен. *taksak*), где в форме жен. рода, как видно, представлена характерная для этого языка а-гласовка. Примеры: рыв. *ājāb taksōk mardinā-t tu nist?!* 'какой ты придирчивый мужчина?!' *ūa lap taksak ȳanak* 'она очень придирчивая женщина'. Можно полагать, что в прошлом выражение рода уменьшительно-ласкательными суффиксами имело место и в других языках шугнано-руманской группы. При этом следует напомнить, что общий для всех языков отыменной суффикс *-vis/жен. -vis* в какой-то мере является адекватным и равнозначным бартангскому *-ōk/-ēk*. В связи с этим можно подчеркнуть весьма широкое словарное распространение *-vis/-vis* для всех языков группы (за исключением бартангского, где функционирует его синоним *-ōk/-ēk*).

§ 158. Если для качественных прилагательных характерно различие рода путем перегласовки, то для относительных прилагательных утвердился суффиксальный способ выражения рода.⁸

⁸ В этой связи представляется неудачным утверждение о том, что в отличие от качественных прилагательных "относи-

Правда, не все относительные прилагательные (впрочем, так же как и не все качественные) подвергаются родовому изменению и к тому же суффиксальный способ различия рода не во всех рассматриваемых языках представлен в равной степени, однако с помощью ряда родовых суффиксов и суффиксальных элементов образуется довольно большое количество относительных прилагательных. Важна родоразличительная значимость относительных прилагательных и их сочетаемость с различными разрядами имен существительных (как одушевленных, так и предметных, как дифференцированных по роду, так и безразличных к изменению по роду). Благодаря этому можно доказать родовую принадлежность существительных, особенно не оформленных по роду и не связанных с различием пола. Выражением рода посредством суффиксов выделяются прежде всего бартангский, руманский и хуфский. В других языках прослеживается остаточное количество суффиксов, участвующих в родовой дифференциации имен.

Различающие род форманты: муж. р.-х. *-ünj*, *-nünj*, *-inj* (х. также *-Inj*), б. *-ōnj*, *-nōnj*, *-(n)inj/жен. r.-x. -(n)ēnʒ*, б. *-(n)īnʒ* присоединяются к именам существительным, обозначающим время, и образуют относительные прилагательные. Приводим наиболее часто встречающиеся формы, различающие род в руманском, хуфском и бартангском при помощи суффиксов:

тельные прилагательные категории рода не имеют" (Райзов, 1966, 36); хотя сама категория грамматического рода принадлежит имени существительному, однако для ее синтаксического выражения дифференцированные родовые формы как качественных, так и относительных прилагательных играют одинаковую роль.

Муж. род	Жен. род	Перевод (формы муж. рода)
p. biyōnūŋ, biyō-ninj	biyōnēnʒ	вчерашний
6. biyōrninj	biyōrnēnʒ	
p-x. nurnūŋ, nurninj	nurnēnʒ	сегодняшний
p-x. viganūŋ, viganinj	viganēnʒ	вечерний
6. viganinj, viganōnj	viganēnʒ	
p-x. sabōnūŋ, sabōninj	sabōnēnʒ	завтрашний
p-x. sāraynūŋ, sārayninj	sāraynēnʒ	утренний
6. sār(n)inj, saarninj	sāray(n)inj, saarninj	
p-x. dižobnūŋ	dižobnēnʒ	позавчераший
6. ažobnūŋ, ažob(n)inj	ažob(n)inj	
p-x. paražobnūŋ	paražobnēnʒ	бывший четыре дня назад
6. paafob(n)inj	paafob(n)inj	
p-x. asobnūŋ, asobninj	asobnēnʒ	нынешний
x. sadōsunj, sadōsiom	sadōsenʒ	позапрошлогод- ний
p. bōrnūŋ, bōrninj	bōrnēnʒ	весенний
x. bōrnūŋ, bōrninj	bōrnēnʒ	
p. tirmānūŋ	tirmānenʒ	осенний
x. tirmayūŋ, tirmānij	tirmayēnʒ	
p-x. mēstunj, -mistunj	mēstēnʒ, -mistēnʒ	месячный

В ряде случаев относительные прилагательные образуются от качественных прилагательных путем прибавления указанных родовых формантов.

Муж. род	Жен. род	Перевод (формы муж. рода)
p-x. pirōnūŋ, pirōnij	pirōnēnʒ	передний, прежний
p-x. zibōnūŋ, zibōnij	zibōnēnʒ	задний
p-x. tornūŋ	tornēnʒ	верхний
p-x. tagōvānūŋ	tagōvnēnʒ	нижний

Как видно из перечня изменяющихся по роду относительных прилагательных, в муж. роде представлены две формы, образующиеся с помощью соответствующих формантов: p-x.-unj, -inj (х. также -inj), б. -ōnj, -inj; в жен. роде прослеживается единственность родовой модели. В бартангском при наличии i-огласовки род различается лишь исходными согласными (б. sār-nij 'утренний', жен. sārninj), однако в руманском и хуфском различение рода наряду с согласными маркируется также и гласными (p.-x. sāraynūŋ, sārayninj/sāraynēnʒ).

Благодаря дифференцированным по роду относительным прилагательным немаркированные имена существительные получают опосредствованное синтаксическое родовое оформление и вступают с этими прилагательными в согласовательную родовую параллелю. Примеры: p. yā biyōnūŋ xurōk tayōr sut 'вчерашняя птица кончилась' (xurōk 'птица' - муж.р.); p. mā-pā bōrnūŋ guj binid 'у меня пропал весенний козленок' (guj 'козленок' - муж.р.); x. way mībēnūŋ ruc mi qīwd 'его средний сын зовет меня'.

Существительным жен. рода предшествует соответственно относительные прилагательные жен. рода: б. tabōrīnʒ xařpā tū fūr-ō? 'будень есть похлебку, (сваренную) в полдень?' (xařpā 'похлебка' - жен.р.); б. ik-ā viganinj ūanak yal pa tā nēsc 'та, приехавшая вчера женщина, пока тебя хдет'; p. daw-mistēnʒ rīzenbic ūt-ā 'у нее двухмесячная дочь'; ш. yā mībēnʒ uah čūd-i čōg 'та средняя сестра вышла замуж'.

§ I59. В шугнанском, баджувском и рошорском в этих случаях различение рода не происходит. В этих языках сохранилась форма муж. рода относительных прилагательных; ср. ш.-бдж. biyōr(n)inj, рмв. biyōgnij 'вчерашний', 'вчераший' при p.-x.

муж. *biyō(r)nūn̩j*, б. *biyōrnīn̩j*, жен. р.-х. *biyō(r)nēn̩z*, б. *biyōrnīn̩z*, ш.-бдж. *aixibnīn̩j* 'позавчерашний', 'позавчерашняя' при р.-х. *dišobnūn̩j*, б. *aixōb(n)īn̩j*, жен. р.-х. *dišobnēn̩z*, б. *aixōb(n)īn̩z* и т.д.

На основе сохранившихся родовых форм относительных прилагательных в шугнанском, баджувском и рошорвском можно установить, что в этих языках форма жен. рода имела ту же модель.

Муж.	Жен.	Перевод (формы муж. рода)
ш.-бдж. <i>maiy̩un̩j</i>	<i>maiy̩ēn̩z</i>	голодный
х. <i>mangzun̩j, manzun̩j</i>	<i>mangzēn̩z, manzēn̩z</i>	
р. <i>mawzun̩j</i>	<i>mawzēn̩z</i>	
ш. <i>xismūn̩j</i>	<i>xismēn̩z</i>	женых
бдж. <i>xismiññj</i>	<i>xismiññēn̩z</i>	невеста
р.-х. <i>xasmun̩j</i>	<i>xasmānēn̩z</i>	(букв. "помолвленный")
ш.-бдж. <i>miðēn̩j</i>	<i>miðēn̩z</i>	средний(по возрасту)
бдж. <i>miðēndēj</i>	<i>miðēndēz</i>	
х. <i>miðēññj, miðin̩j</i>	<i>miðēññēn̩z, miðēn̩z</i>	
б. <i>maðēnciñ</i>	<i>maðēnciñz</i>	
р. <i>maðēn̩j</i>	<i>maðēn̩z</i>	
ш.-бдж. <i>kāndūn̩c</i>	<i>kāndēn̩c</i>	половина, неполный

По этим примерам можно заметить, что в ряде случаев при отсутствии в других языках дифференцированных по роду форм в шугнанском и баджувском есть живые родовые формы. Так, в рушанском, бартангском и хуфском представлены лишь несуффиксальная форма *kāwn*, *kāmb* 'половина', 'частично', 'частичный' при родовых формах ш.-бдж. *kāndūn̩c/kāndēn̩c* и *kānd*.

Слово *mōwz* 'голод', 'голодный' в бартангском и рошорвском не принимает родовых суффиксов, в других языках, как видно, оно осложняется родовыми формантами.

Исходная форма некоторых вышеприведенных слов при образовании родовых форм подвергается значительному изменению (ср.

ш.-бдж. *moñz*, р. *mawz*, *mawzay* 'голод'; х., ш.-бдж. *piðēnā*, р., б. *tabēnā* 'середина'). Слово со значениями 'женых' и 'невеста' вне сочетания данного суффикса не употребляются (по-видимому, они восходят к слившемуся сочетанию, значащему букв. "оставленный/ая на долю").

§ 160. В рушанском и его хуфском диалекте засвидетельствован суффикс муж. -*aloñ*/жен. -*anēz*, посредством которого от существительных образуются относительные прилагательные.

Муж. род	Жен. род	Перевод (формы муж. рода)
<i>šofanoj</i>	<i>šofanēz</i>	запачканный слюной, сопливый
<i>sitanoj</i>	<i>sitanēz</i>	испачканный землей
<i>šāpanoj</i>	<i>šāpanēz</i>	испачканный глиной
<i>rūyananoj</i>	<i>rūyananēz</i>	испачканный маслом
<i>yēmanoj</i>	<i>yēmanēz</i>	прикушенный
<i>yāwjananoj</i>	<i>yāwjanēz</i>	испачканный мукой
Р. <i>padxiðmanoj</i>	<i>padxiðmanēz</i>	сонный
Х. <i>padxiðmanoj</i>	<i>padxiðmanēz</i>	

В предложении формы муж. рода сочетаются с именами муж. рода, а формы жен. с существительными жен. рода. Примеры: р. *yim satil šāpanēz* 'это ведро испачканное глиной' (*satil* 'ведро' - жен. род); *tā pūkōk rūyananoj sut* 'твоя одежда испачкалась в масле' (*pūkōk* 'одежда' - муж. род).

Следует подчеркнуть, что при субстантивации родовое различие также сохраняется, так как род неназванного предмета передается соответствующей формой: р. *ar dum šuvdanēz* *čou ma-k* 'в эту испачканную молоком /шиалу/ не лей чай'. Однако формы муж. рода выделяются употребительностью, так как они наряду с собственным значением реализуются при общем, категориальном употреблении слова: р. *duf jōgayaēn piðēn sitanoj mis sa vawt, ziwēd taraw* 'если среди этой посуды окажется и залывшаяся,

то вынеси сюда'.

В других языках, как правило, используется лишь одна не-дифференцированная форма, внешне муж. рода: б.-*anōj*, ш.-*bdj*. -*inij*, ршв. -(*m*)*anij*: б. *хынаноj*, ш.-*бдж*. *хынинj* 'выпачканный в крови', б. *хасаноj*, ш.-*бдж*. *хасинj* 'намокший в воде', 'замоченный'; ршв. *pad-хүб(m)-manij*, *бдж*. *pid-хүбминij* 'сонный'; ршв. *хөжманij* 'трусливый', 'испуганный'. Эти формы могут сочетаться с именами и муж. рода и жен. рода: *бдж. pid-хүбминij үібә* 'сонный мальчик', *бдж. pid-хүбминij үас* 'сонная девочка'; б. *тә палтou гүяланоj sic* 'твое нальто выпачкано в масле' (*палтou* 'пальто' - жен. род).

§ 161. В рушанском и хұфском сохраняется родовое различие в суффиксе со значением *вместилища* муж. -бәп/жен. -бәп. Особенности этого суффикса в образовании родовых коррелятов можно охарактеризовать следующим образом: при наличии существительного-определенного формант -бәп/жен. -бәп соответственно примыкают к существительным-определенным муж. и жен. рода; ср.: х. *ұзбәп bog* (//*kuza*) 'кувшин для ореха' - *ұзбәп үег* (//*pēlā*) 'горшок (пиала) для ореха' (*bog* 'горшок', *kuza* 'кувшин' - муж. род; *үег* 'небольшой горшок', *pēlā* 'пиала' - жен. род). Однако важно еще другое родоразличительное свойство названных формантов: при субстантивации и отсутствии определяемого слова -бәп и -бәп образуют родовые формы от одноосновных существительных. В этом случае их применение диктуется следующим обстоятельством: если подразумеваемое *вместилище* относится к муж. роду, употребляется -бәп, а если оно женского рода, то используется -бәп. Перевод подобных родовых форм не может полностью отразить их внутреннее содержание и поэтому приходится прибегнуть к описательному способу:

Муж. род

х. *гүяланбәп(ak)* 'вместилище, сосуд (муж. рода) для масла'

ұзбәп(ak) 'вместилище (муж. рода) для грецких орехов'

Жен. род

гүяланбәп(ak) 'вместилище, суд (жен. рода) для масла'

ұзбәп(ak) 'вместилище (жен. рода) для грецких орехов'

намакбәп 'солонка', 'вместилище (муж. рода) для соли'

намакбәп 'солонка', 'вместилище (жен. рода) для соли'.

§ 162. В этой связи особый интерес представляет родовая принадлежность ряда имен, включавших в себя неотделяемые (застывшие) формы суффикса *вместилища* в виде р.-х., б.-ршв.-тәп, -бәп, -бәп, ш.-бдж. -тәп, -дәп, -дәп, которые, очевидно, все восходят к единому древнему источнику *-dāna- с тем же значением.

Так, есть общее для всех языков шугнано-рушанской группы слово ш.-бдж. *wixtēn*, р.-х. *wuxtēn*, которое в этих языках означает 'сено, сложенное пирамидально на крыше или рядом с помещением для корма скота в зимнее время', а в бартангском и рошорвском в форме *wuxtōn* (по И.И. Зарубину ршв. *wuxtōn*, б. *wuxtīn*) имеет значение 'сеновал', 'сенник', 'помещение', 'сарай для сена'. К последнему значению примыкает язг. *waxtan* 'сеновал', 'сенник'. Все формы, по мнению Г. Моргенштерне, восходят к *wāstra-dānya-⁹ (1974, 95). К этим формам относится также ишк. *ustīn*, иид. *uščeno*; для последних Р. Додыхудоев предлагает *wāstra-stana- (1962, 33). Указанное слово важно по следующим соображениям: а) во второй части слова представлен древний суффикс со значением *вместилища*, что особенно наглядно проявляется в бартангском, рошорвском и язгулямском, где слово означает 'помещение для сена'; б) наличие двух форм с различной родовой огласовкой: ш.-бдж., р.-х. -тәп, язг. -тан (примета жен. рода) и б.-ршв. -тәп (примета муж. рода) свидетельствует о том, что данный формант во всех языках шугнано-рушанской группы (включая также и язгулямский) имел родовую дифференциацию. Ш.-бдж. *wixtēn*, р.-х. *wuxtēn*, язг. *waxtan* продолжают сохранять форму жен. рода, а б.-ршв. *wuxtōn* и *wuxtēn* -

⁹ На основе данного этимона хорошо объясняются формы с ə-огласовкой (а в язгулямском с -a-), очевидно, продолжают отражать i- и a-умлаутную огласовки, поэтому для них можно предложить соответственно *-dām(y)i- для ш.-р.-тәп, *-dān(y)-a- для язг. -тан.

обе родовые формы. В пользу этого говорит еще тот факт, что форма с -е- синтаксически во всех языках шумано-руманской группы согласуется по жен. роду (р. па дум *wuxtēn* 'al māyīraf 'эту кучу сена пока не трогай!'). Причем в близкородственном роморвскому - сарезском диалекте нами зафиксированы обе формы со следующей характеристикой: слово *wuxtēn* относится к муж. роду и означает 'сеновал', 'сенник'; срз. ши *wuxtēn* гахуит, *dēwōi* bēgō wī-yā 'мой сеновал рухнул' (м.р.) и нужно возводить его (м.р.) стену'. Форма *wuxtēn* означает 'сено, сложенное на крыше' и синтаксически согласуется по жен. роду: срз. ши *bučāk* па *dišāt sifōn*, lāk па *dam* *wuxtēn* xērd 'пусти козла на крышу, пусть кормится на той (ж.р.) крыше сена'.

§ 163. К этой группе имен можно отнести и р.-х. *arōbōn*, бдх. *arōbōn*, б. габōн 'очаг' (из *aera-bāna-; ср. р. *afer-*
bōn 'место для золы'); ш. *zidūn*, бдх. *zibūn* 'амбар', 'место для хранения зерна', 'кладовая' (*uz-dāna-),¹⁰ которому в руманском и хуфском семантически соответствует *wērē*; р.-х. *xiōbōn* 'закром', 'место в амбаре для хранения зерна, муки'. Формы *arōbōn* (р.-х.) и *габōн* (б.) 'очаг' в руманском и бартангском относятся к жен. роду: б. па *dim* *gabōn* *garbā* пі-
бēшь букв. "прилепи к этому (ж.р.) очагу лепешку", т.е. 'выпечки в этом очаге хлеб'. Однако в баджуvsком это слово относится к мужскому роду. Подобное несоппадение баджуvsкого с руманским и бартангским, очевидно, связано с соотнесенностью руманского *kicōr* 'очаг' к муж. роду; ср. ш. *kicōr* *nī-*
xuht, бдх. *agōbōn* *rixuht* 'рухнул очаг' (*nīxuht*, *rixuht* - основа пром. муж., жен. *nīxaht*, *rixahxt*). Причем ш. *zidūn* и бдх. *zibūn* 'амбар', 'кладовая' с тем же суффиксальным элементом относится к жен. роду (так же, как и р.-х. *wērē* с тем

же значением). В этом случае можно предположить одновременное двоякое влияние руманского посредства на родовую закрепленность ш. *zidūn*, бдх. *zibūn*: а) уподобление по роду р.-х. *wērē* 'амбар', 'кладовая' и б) действие р.-х. б-огласовки как приметы жен. рода. В целом можно подчеркнуть, что отсутствие противополагающихся друг другу суффиксальных родовых коррелатов, как правило, нейтрализует родовую значимость сохранившегося форманта. При этом следует напомнить, что в бартангском, роморвском, шуманском и баджуvsком форманты -бōн, -dōн (б.-ршв.), -dūн (ш.-бдх.) являются живыми, но не различают рода (см., в частности, Карапхудоев, 1973, 179; Курбанов, 1976, 73); ср. б.-ршв. *gagabōn*, ш.-бдх. *gabādūn* 'сосуд для хранения лепешки'; б.-ршв. *wōkōbōn*, ш.-бдх. *wōldūn* 'помещение для хранения сена', б.-ршв. *nīswōrbōn*, ш. *nīswōrdūn*, бдх. *nīswōrdūn* 'табакерка' и т.д.

В целом можно заключить, что сохранение в руманском и хуфском различия по роду формантов -бōн/-бēн основывается на древней почве и поэтому представляет собой важный архаизм. Что касается употребительности -бōн, -dōн (-dūн) вне родовой оппозиции, то это, очевидно, связано с контаминацией с тадж. суффр. -dōн.

§ 164. В руманском, хуфском и роморвском засвидетельствованы родовые форманты муж. -wūн (р.-х.), -wōl (ршв.) / жен. -wēн (р.-х.), -wēl (ршв.). Эти суффиксальные элементы примыкают к трем качественным прилагательным, обозначающим цвет, и образуют особый вид относительных прилагательных. При наличии родовой огласовки в качественных прилагательных в целом род в этом случае выражается двумя способами - огласовкой основы и суффиксом. Примеры:

	Муж. род	Жен. род	Перевод (формы муж. рода)
р.-х.	<i>tērwūn</i>	<i>tērwēn</i>	одетый в черное
ршв.	<i>tōrwōl</i>	<i>tarwēl</i>	
р.-х.	<i>safēdwūn</i>	<i>safēdwēn</i>	одетый в белое
ршв.	<i>safēdwōl</i>	<i>safēdwēl</i>	
р.-х.	<i>raštūn</i>	<i>raštēn</i>	одетый в красное
ршв.	<i>raštōl</i>	<i>raštēl</i>	

10 Этимология этого слова пока спорна: Г. Моргенштерке возводит его к *uzdāna- (1974, 107); по Т. Н. Пахалиной, вах. *sedēn* и ш. *zidūn* из *sarna-dāna- (1975, 259). Несомненным представляется вторая часть данного слова как суффикс вместилища.

В роморском под воздействием родового форманта основа не различающихся по роду качественных прилагательных может подвергаться родовому чередованию: *tōrwōl*, жен. *tarwēl* при *tōr* 'черный', 'черная', однако прилагательное *safēd* 'белый', 'белая', как видно, не испытывает подобного изменения, что, очевидно, связано с характерной для жен. рода а-огласовкой.

§ 165. Зарегистрированы прилагательные с непродуктивными суффиксами и суффиксальными элементами, по которым сравниваемые языки в одних случаях могут совпадать, а в других – расходиться. К подобным формантам относятся ш.-бдж. -*yoğ/-yeğ*, р.-х. -*yuğ/-yeğ*; ш.-бдж. -*dır* (-*tır*)/-*dār* (-*tār*); б.-ршв. -*dor/-dēr*, -*dār*, р. -*zong/-zēng*:

Муж. род	Жен. род	Перевод (формы муж. рода)
ш.-бдж. <i>pōðviyōj</i> р.-х. <i>padviyūj</i>	<i>pōðviyēğ</i> <i>padviyēğ</i>	босой (ш.-бдж. <i>rōb</i> , р.-х. <i>riğ</i> 'нога')
ш.-бдж. <i>xidir</i> б.-ршв. <i>xaydōr</i> р.-х. <i>xaydi</i>	<i>xidār</i> <i>xaydār</i> <i>xaydi</i>	старший
ш. <i>fištīr</i> бдж. <i>fišdīr</i> б.-ршв. <i>ſafdōr</i> р. <i>ſuvdi</i>	<i>fištār</i> <i>fišdār</i> <i>ſafdār</i> <i>ſuvdi</i>	средний (по воз- расту)
б. <i>zuldōr</i> ш. <i>zuldi</i> р.-х., бдж. <i>bucdi</i>	<i>zildēr</i> <i>zalди</i> <i>bicdi</i>	младший
р. <i>kalmanzong</i> х. <i>lababof</i>	<i>kalmanzēng</i> <i>lababæfç</i>	с непокрытой го- ловой толстый, жирный

В рушанском и хуфском в двух случаях род не различается (*xaydi* 'старший', 'старшая', *ſuvdi* 'средний', 'средняя'). В последнем слове лишь в бартангском происходит суффиксаль-

ное различение рода; в остальных языках род выражается огласовкой основы, что имеет место также и в бартангском варианте (ш. *zuldi*, б. *zildōr* /жен. ш. *zaldi*, б. *zildēr*).

§ 166. Особо следует отметить случай лексикализации родовых формантов. Так, некоторые имена продолжают сохранять только морфологическую суффиксальную модель муж. рода. В жен. роде соответствующая суффиксальная модель отсутствует, хотя лексически может осуществляться противопоставление имен по роду (ср. § 184):

Муж. род	Жен. род
ш. <i>miwīj</i> , бдж. <i>miwīj</i> , р.-х. <i>mawoğ</i> , б.-ршв. <i>mawoğ</i> 'баран'	ш. <i>māj</i> , бдж. <i>maw</i> , р.-х. <i>mēw</i> , б.-ршв. <i>māw</i> 'овца' (ав. <i>maeša-</i> , <i>maeši-</i>)
бдж. <i>inʒumīj</i> , р.-х. <i>inʒamīj</i> , ш. <i>anʒumak</i> 'барашек до 2 лет'	бдж. <i>inʒem</i> , р.-х. <i>inʒem</i> , ш. <i>anʒem</i> 'овца до 2 лет'
ш.-бдж. <i>χunči</i> , р.-х. <i>χončay</i> , б. <i>χomard</i> 'женщина'	ш.-бдж. <i>niwēnc</i> , р.-х. <i>niwānc</i> , б. <i>niwenç</i> 'невеста'
ш. <i>kiwīj</i> , бдж. <i>kawīj</i> , р.-х. <i>kawoğ</i> , б.-ршв. <i>kawoğ</i> 'расщелина', 'дупло', 'дыра'	

В качестве сохранившихся формантов жен. рода (при отсутствии противополагающейся формы муж. рода) можно указать следующие названия ущелий долины Хуф: *Xufēnç*, *Baňurvēnç*, *Ajirxēnç*, *Akkēc*.¹⁴ Эти топонимы синтаксически согласуются по жен.

II Эти данные взяты из дипломной работы выпускника Таджикского госуниверситета Н.Офаридаева, посвященной анализу микротопонимов Хуфа. Их синтаксическая принадлежность к жен.

роду: x. pi dum Bašurvenž yal žiniň xuk ná-suń 'в урочище Башурв пока еще не растаял снег' (dum - указат. местоимение жен. рода).

Выражение рода причастными суффиксами и отглагольными формантами

§ 167. При монографическом описании языков и диалектов шугано-руманской группы лишь в общих чертах и на основе анализа незначительных материалов указывалось на различие рода в суффиксах причастий настоящего времени: муж. р.-х. -и́с, б.-ршв. -и́с, -о́й, и.-бдх. -и́й/жен. р.-х. -е́с, б. -е́с, -е́з; муж. р.-х. -оп; б.-ршв. -оп, и.-бдх. -и́л/жен. -а́п (Файзов, 1966, 131-132; Соколова, 1966, 381-382; Карамхудоев, 1974, 191-194; Карамшоев, 1963, 174-175; Курбанов, 1976, 142-146).

Многие вопросы, связанные с образованиями причастных форм настоящего времени, остаются не решенными и спорными.

Нет, в частности, четкого определения того класса глагольных основ настоящего времени, от которого образуются родовые формы. В чем заключаются функциональные особенности родовых суффиксов р.-х. -и́с, б. -и́с/жен. -е́с и р.-х.-оп, б.-ршв. -оп /жен. р.-х., б.-ршв. -а́п? Чем вызваны столь существенные расхождения между языками и диалектами по реализации названных формантов (их широкое применение в бартангском, руменском, хуфском, роморвском и отсутствие в шуганском и его баджувском диалекте)? Спорным является вопрос о том, к какой части речи (глаголу или имени) относятся многочисленные слова, образованные от основ настоящего времени посредством указанных выше суффиксов.

Последний вопрос впервые был поставлен и затронут М.Файзовым при описании руменского языка, когда автор вступает в полемику с В.С.Соколовой относительно ее определения

роду была подтверждена примерами, записанными от доцента того же университета О.Бакиева.

грамматической функции родового форманта -и́с/-е́с (р.-х.) как "суффикса, образующего от настоящей глагольной основы имя деятеля и причастие наст.вр." (Соколова, 1959, 270). М.Файзов приходит к утверждению, что "отглагольные образования на -и́с /-и́ј и -е́с/-е́з в современном руменском языке создаются как имена деятеля, собственно причастное значение в них утеряно" и поэтому они "полностью утеряли связь с глаголом и перешли в разряд имен" (Файзов, 1966, 132). Другие исследователи в таком плане не ставили вопрос о категориальной принадлежности причастных форм настоящего времени и ограничивались, в основном, краткой морфонологической характеристикой сочетания глагольных основ с указанным выше суффиксами.

Окончательное решение этих вопросов может быть достигнуто при специальном исследовании величных глагольных форм всех языков и диалектов шугано-руменской группы.

Сравнительный анализ большого количества изменяющихся по роду причастных форм в какой-то мере может способствовать решению некоторых перечисленных выше вопросов.

§ 168. Разбор и анализ многочисленных образований на -и́с/-е́с (р.-х.), -о́с/-е́с (б.), -и́л (ш.-бдх.) свидетельствуют о том, что формы с указанным суффиксом сочетают в себе и значение имени (т.е. имени деятеля), и значение глагола. Оба значения (именное и глагольное) сохраняются как при их самостоятельном употреблении (типа р.-х. хауи́с, ш.-бдх. хоуи́ј 'читающий', 'читатель', 'чтец'; р.-х. пиви́с-и́с, ш.-бдх. пиви́ш-и́ј 'пишущий', 'писатель', 'писец'), так и при сочетании причастных форм с именами существительными (типа р.-х. кито́б-хауи́с, ш.-бдх. кито́б-хоуи́ј 'читающий книгу', ' тот, кто читает книгу').

При этом напомним, что переход некоторых причастных форм в разряд имён существительных не следует смешивать с данным вопросом. Категориальная трансформация различных разрядов слов, в том числе и причастных форм - обычное явление и это в какой-то мере на материале бартангского языка убедительно доказано Н.Карамхудоевым (1973, 94-95; 194; см. также §§ 148, 166, 184 данной работы).

Здесь речь идет о причастных образованиях, которые обозначают имя деятеля и в то же время выражают действие. Признак глагола в них ощущается как при их самостоятельном употреблении, так и при использовании их в комбинации с именами существительными:ср. р.-х. *bis-kawūč*, б.-ршв. *bis-kawōč*, ш.-*bis-kiwīj*, бдж. *bis-kawīj* 'тот, кто режет козла', р.-х. *sawūč*, б.-ршв. *sawōč*, ш.-бдж. *sēwīj* 'тот, кто измельчает что-либо', 'измельчающий', 'дробитель'; р.-х. *tamōki-sawūč*, ш.-бдж. *tamōki-sēwīj* 'тот, кто изготавливает из сухих табачных листов жевательный табак, нас!', р.-х. *pixt-sēwūč*, *pixt-yēxūč*, ш.-бдж. *pixt-sāwīj*, *pixt-yālīj* 'тот, кто изготавливает из сухих тутовых ягод тутовую муку', 'размельчащий тутовые ягоды', 'изготовитель тутовой муки', 'изготовитель муки, получаемой из смеси жареного зерна и тутовых ягод' и т.п.

Вышеуказанные формы, как можно заметить, обозначают не только имя деятеля, но также отражают и его действия, поэтому они требуют прямого объекта и легко с ним сочетаются. Следовательно, причастные образования на р.-х. -*ūč*, б. -*ōč/žen.* -*ēc*, ршв. -*ōč*, ш.-бдж. -*īj* не утратили связи с глаголом. Выражение ими значения имени деятеля не противопоставляется их значению и употреблению как причастия. Они сочетают в себе и значение имени, и значение глагола. Их именное значение заключается в том, что почти все причастные формы с вышеупомянутым суффиксом указывают на действующее лицо, а родовые суффиксы также и на его род и соответственно его пол: р.-х. *cayūč*, б. *cayōč* 'жнец', 'тот, который жнет', р.-х., б. *cayēc* 'жница', 'та, которая жнет', р.-х. *wafūč*, б. *wafōč* 'ткач', 'тот, который ткет', р.-х., б. *wafēc* 'ткачиха', 'та, которая ткет, вяжет'; р.-х. *incayūč*, б. *incavōč* 'портной', 'швец', 'тот, который швец', р.-х., б. *incavēc* 'швец', 'портниха', 'та, которая швец' и т.д. Значение действующего лица и его принадлежность по роду и полу четко сохраняется также и при наличии объекта: р.-х. *žindam-qaūč*, б. *žindam-cayōč* 'жнец пшеницы', 'тот, кто жнет пшеницу', р.-х., б. *žindam-cayēc* 'жница пшеницы', 'та, которая жнет пшеницу', р.-х. *gilem-wafūj* 'ткач сукна', 'тот, кто ткет сукно', р.-х. *jirāb-wafēc* 'вязальница чулок', 'та, которая вяжет чулки' и т.д.

Глагольное значение рассматриваемых причастных форм заключается в том, что они: а) обозначают действие; б) имеют переходное значение и, следовательно, небезразличны к залогу; в) сочетаются с прямым объектом.

§ 169. Различные точки зрения и подход наблюдаются в интерпретации и другого вида причастия настоящего времени, образованного также от основы наст. времени, но с помощью родовых суффиксов р.-х. -*on/-ān*, б.-ршв. -*on/-ān*. Так, подавляющее большинство исследователей при монографических описаниях языков и диалектов шугнамо-рушинской группы указанные образования рассматривали в разделе глагола как второе причастие настоящего времени (Карамшов, 1963, I75; Карамхудоев, 1974, I93; Курбанов, 1976, I43-I44). Однако М.Файзовым этот вид причастия интерпретируется как один из типов прилагательного и соответственно их анализ помещен в разделе "Прилагательное" (Файзов, 1966, 36). Проведенное нами исследование этого типа причастия свидетельствует о правомерности точки зрения М.Файзова. Подход других исследователей к рассмотрению только что названного вида причастия может быть оправдан, главным образом, с точки зрения формальной стороны вопроса.

§ 170. С целью создания более широкой и надежной базы для окончательного решения связанных с причастными образованиями вопросов ниже приводятся почти все собранные нами причастные формы с родовыми суффиксами.¹² Наиболее употребительные формы причастия с формантами р.-х. -*ūč* (реже -*ūj*) / *žen.* -*ēc* (реже -*ēj*), б. -*ōč/žen.*-*ēc*, -*ēj* представлены в табл. 51, формы с р.-х. -*on*, б.-ршв. -*ōn/žen.* -*an* - в табл. 52.

¹² С признательностью отметим, что подавляющее большинство роморских образований с суффиксом -*on/-ān* было представлено специалистом по этому языку Х.Курбановым.

Таблица 51

Продолжение табл. 51

Язык	Основа наст.вр.	Причастие		Перевод причастия (в муж. роде)
		муж. род	жен. род	
I	2	3	4	5
p.-x. б.	abōz-	abōzūč	abōzēc	посылающий
б.	abōz-	abōzōč	abōzēc	
p.	adiv-	adivūč	adivēc	собирающий,
x.	aduv-	aduvūč	adivēc	собиратель
ж.	dūv-	aduvōč	aduvēc	
б.	aθōp-	aθapōč	aθabēž	ищущий, шунающий
p.-x. б.	warθāp-	warθapūč	warθapēc	месячный,
б.	axēk-	axēkūč	axēkēc	тот, кто месит
б.	axirx-	axirxōč	axirxēc	тесто, глину
p.-x. б.	binēs-	binēsūč	binēsēc	теряющий, поте-
б.	binōs-	binōsōč	binōsēc	рящий (что-,
pmb.	binōs	binōsōn	binōsan	кого-либо)
p.-x. б.	birēz-	birazūč	birazēc	пьющий, употребляющий (воду и
б.	birōz-	birazōč	birazēc	т.п.)
pmb.	birōz-	birazon	birazan	
p.-x. б.	bōz-	bazūč	bazēc	играющий; игрок
б.	bōz-	bazōč	bazēc	
p.-x. pmb.	cēx-	cēxūč	cēxēc	собирающий
pmb.	cēx-	cēxōn	cēxan	(напр. дрова)
p.-x. б.	cay-	cayūč	cayēc	жнущий, косящий,
б.	cay-	cayōč	cayēc	тот, кто косит,
				жнец

I	2	3	4	5
p.-x. б.	čas-	časūč	časēc	наблюдающий, над-
б.	čas-	časōč	časēc	смотрщик, наблю-
pmb.	čas-	časōn	časan	датель
p.-x. б.	ðāb-	ðābūč	ðabēc	давший, передав-
б.	ðāb-	ðābōč	ðabēc	ший
	ðāb-	ðabōn	ðabān	
p.-x. б.	fal-	faluč	falec	смотрящий, рас-
б.	fil-	filōč	filec	сматривающий
pmb.	fil-	filōn	filān	
p.-x. б.	garbēn-	garbēnūč	garbēnēc	переворачивающий
б.	garbōn-	garbōnōč	garbōnēc	
p.-x. б.	incāv-	incavūč	incavēc	шющий, портной
б.	incāv-	incavōč	incavēc	
pmb.	incāv-	incavōn	incavan	
p.-x. б.	injāv-	injavūč	injavēc	держащий, держа-
б.	injāv-	injavōč	injavēc	тель
pmb.	injāv-	injavōn	injavān	
p.-x. б.	žuk-	žukuč	žukēc	ударяющий, бьющий
б.	žuk-	žukoč	žukēc	
pmb.	žuk-	žukōn	žukan	
p.-x. б.	kin-	kinūč	kinēc	делающий, дела-
б.	kin-	kinōč	kinēc	тель
p.-x. б.	luv-	luvuč	luvēc	говорящий
б.	luv-	luvuč	luvēc	
pmb.	luv-	luvoč	luvēc	
	luv-	luvon	luvan	

Продолжение табл. 5I

I	2	3	4	5
р-х. б. рмв.	naw- naw- naw-	nawūč nawōč nawōn, nawōč	nawēc nawēc nawān	оплакивающий
р-х. б.	nēb- nōb-	nēbūč naðōč	nēbēc naðēz, naðēc	сахарный
р-х. б. рмв.	niviš- niviš- niviš-	nivišūč nivišōč nivišōn	nivišēc nivišēc nivišān	пишущий, писатель
р-х.	parðēw-	parðēwūč	parðēwēc	дразнивший, передразнивающий
р-х. б.	pakin- pakin-	pakinūč pakinōč	pakinēc pekinēc	выдергивающий
р-х. б. рмв.	paniž- paniž- paniž-	panižūč panižōč panižōn	panižēc panižēc panižān	одевающий (кого-либо)
р. х. б. рмв.	pēz- pæz- pēz- pēz-	pazūč pæzūč pazōč pazān	pazēc pæzēc pazēz, pazēc pazān	варящий (обед), повар
р-х. б.	qīw-	qīwūč qīwōč	gīwēc qīwēc	кричаций, крикун
р-х. рмв.	rāv-	ravūč ravōn	ravēc ravān	сосущий
р-х. б. рмв.	sēn- sōn- sōn-	sēnūč, sanūč sanōč sanōn	sēnēc, sanēc sanēz, sanēc sanān	поднимающий

Продолжение табл. 5I

I	2	3	4	5
р-х. б. рмв.	talāb- talāb- talāb-	talabūč talabōč talabōn	talabēc talabēc talabān	ищущий, искатель
р-х. б. рмв.	tāž- tāž- tāž-	tāžūč tāžōč tāžōn	tažēc tažēc tažān	втягивающий, курильщик
р. х. б. рмв.	tēy- tiy- tē(y)- tē(y)-	tayūč tayūč tayōč tayōn	tayēc tayēc tayēc tayān	ходящий, идущий
р-х. б.	tōw-	tawūč tawōč	tawēc tawēc	отесывающий; плотник
р-х. б. рмв.	vār-	varūč varōč varōn	varēc varēc varān	приносящий, доставляющий
р-х. б. рмв.	viray-	virayūč virayōč virayōn	virayēc virayēc virayān	находящий, приносящий
р-х. б.	warvēn-	warvēnūč warvanōč	warvēnēc warvanēc	кипятящий; тот, кто кипятит
р-х. б.	waf-	wafūč wafōč	wafēc wafēc	плетущий; вяжущий; ткач
р-х. б.	wud-	wudūč waðōč	wudēc waðēc	устраивающий

Окончание табл. 5I

I	2	3	4	5
р.-х. б.	xār-	xarūč	xarēc	съедающий; едок
	xār-	xarōč	xarec	
р.	xōy-	xayūč	xayēc	молотящий, молотильщик
х.	xay-	xayūč	xayēc	
б.	xiy-	xayōč	xayēc	
р.-х.	šikamb-	šikambūč	šikambēc	перебирающий (шерсть)
р.-х. б.	šōy-	šayūč	šayēc	учащийся, чита- ющий; читатель
	šōy-	šayōč	šayēc	
р.-х. б.	zēz-	zazuč	zazēc	берущий, владе- ющий
	zōz-	zazōč	zazēc	
р.-х. б.	zidār-	zidarūč,	zidarec	убирающий, под- метающий
	zidār-	zidarōč	zidarec	
р.-х. б.	žib-	žibūč	žibēc	прядильщик
	žib-	žibōč	žibēc	

§ 17I. Из табл. 5I можно заметить следующее:

1. Корневые гласные основы наст. времени при образовании причастия в большинстве случаев подвергаются количественным и качественным изменениям, что на материалах бартангского и рошорвского языков было отмечено в монографиях Н.Карамхудоева (1974, 191) и Х.Курбанова (1976, 142-143). Рушанко-хуфские корневые гласные испытывают те же изменения. Обшим для всех рассматриваемых языков и диалектов является образование моделей причастия с кратким гласным а, возникающим на месте различных гласных основы (ср. р.-х. xār - xarūč, vār - varūč, ьōz - ьazūč, xōy - xayūč, rēz - razūč и т.д.). Однако это не

пронизывает всю систему причастных форм; в ряде случаев корневые гласные (за исключением долгого ā) сохраняются (ср. р.-
abiv - abivūč, x. abiv - abivūč, р.-х. bīnēs - bīnēsūč, б. bī-
nōs - bīnōsūč и т.д.).

2. Все глагольные основы, принимающие родовые показатели, являются по семантике переходными и в этом плане они противопоставляются различающимся по роду непереходным причастным формам прош. времени (типа ш.-бди. tūjīn 'умедший', 'уехавший', жен. tīcīn). Переходность родовых причастий наст. времени вытекает не из глагольного их свойства, а из второго (именного) их значения как выражителя действующего лица и поэтому они не могут служить основаниями для предположения об изменении по роду переходных глаголов (см. §§ 97-112). Переходность в системе причастия на р.-х. -ēc, б. -ōc/жен. р.-
х., б. -ēc следует считать весьма сильным фактором. Среди приведенных в табл. 5I причастий лишь одно образуется от непереходного по происхождению глагола (указанный выше глагол tēy- 'ходить'). Показательно, что, попадая в ряд многочисленных переходных причастий со значением действующего лица, упомянутый глагол согласуется с прямым объектом и тем самым становится переходным: р. pān(d)-tauyūč 'ходячий', 'идущий по дороге', 'сокращающий путь' - жен. pān(d)-tayeč; б. yid tā-
ris pōnd-tayōč sut 'твой сын научился ходить' (букв. "стал ходящим по дороге").

3. Обладая переходным значением, все различающие род причастия на -ūč (р.-х.), -ōč (б.)/жен. -ēc требуют прямого дополнения и могут сочетаться с прямым объектом. Тем самым образуется особая группа дифференцированных по роду сложных причастий с обозначением лиц по профессии, роду занятия или выполняемому виду работы. При этом некоторые причастные формы отличаются широкой сферой словарного распространения, например: р.-х. pōm-bābič ' тот, кто дает имя', 'дающий имя' - жен. pōm-bābēc; р.-х. dāf-bābič ' тот, кто играет на бубне', 'играющий на бубне' - жен. dāf-bābēc; р.-х. xīg-bābič ' тот, кто подстригает', 'подстрикающий' - жен. xīg-bābēc; р.-х. falak-bābič ' тот, кто исполняет (поет) четверостишие', 'исполняющий (поющий) четверостишие' - жен. falak-bābēc; р.-х.

хuvd-tažūč 'молоковоз' - жен. хuvd-tažēc; р. žer-tažūč, х.
žær-tažūč 'тот, кто таскает камни' - жен. р. žer-tažēc, х.
žær-tažēc; р.-х. tamōki-tažūč, niswōr-tažūč 'курильщик табака' - жен. tamōki-tažēc, niswōr-tažēc; р. wf nān sūg-luvēc
vád-at, wf būb sōz-luvūč 'их бабушка была сказочница, а их
дед был певцом'.

4. Поскольку в профессиях и роде занятий действующего лица мужского и женского пола обнаруживаются некоторые отличия, то это отражается и на образовании и употребительности родовых коррелятов. В ряде случаев прослеживается нерегулярные образования родовых пар в пределах одного причастия или отсутствует родовое противопоставление, однако морфологическая и семантическая принадлежность причастия к тому или другому роду сохраняется; ср.: р.-х. žoj-kawūč 'тот (мужчина), который рехет быка' - р.-х. žow-žuzēc 'доярка', 'доящая корову'; р.-х. guj-tažūč 'тот (мужчина), который участвует в козлодрании', 'участник козлодрания' - хārxa-razēc 'та (женщина), которая варит похлебку'; р.-х. žirāb-wafēc 'та (женщина), которая вяжет чулки' и т.д.

Кроме того, следует подчеркнуть, что при отсутствии родовой оппозиции и родовых коррелятов форма причастия муж. рода может обозначать лиц обоих полов. Так, например, mōl-rauč (р.-х.) означает не только 'пастух', но также и 'пастушка'; žoz-sēčūč вне контекста одновременно означает и 'мужчина, собирающий дрова' и 'женщина, собирающая дрова' и т.д.

§ 172. О взаимоотношении исследуемых языков и диалектов по данным табл. 51 отметим следующее. Руманский, хурский и бартангский в целом совпадают по образованию и употреблению причастных форм и главное отличие обнаруживается в огласовке суффикса муж. рода р.-х. -ic / 0. -ōč / жен. р.-х., 0.-ēc. Роморвский проявляет в данном случае специфику, что заключается прежде всего в отсутствии показателя жен. рода -ēc. С помощью суффикса -ōč в роморвском образуется большая часть недифференцированных по роду причастных форм типа žiražōč 'плакса', 'плаксивый', 'плаксивая', varōč 'носитель', 'несущий', 'несущая', nivišōč 'писатель', 'пишущий', 'пишущая' и т.д. (см. Курбанов, 1976, 142-143). В связи с этим можно полагать, что родовая модель -ōč/-ēc (0.) в прошлом была характерна и для роморвского языка, о чем, в частности, свидетельствуют случаи редкого проявления родовой дифференциации посредством называемых суффиксов. При этом важно отметить, что разрушение модели -ōč/жен. -ēc первоначально шло, очевидно, по пути ослабления формальной, функциональной значимости суффикса жен. рода -ēc. В результате характерная для роморвского языка аогласовочная модель по типу перфектных основ жен. рода в какой-то степени, по-видимому, способствовала переобразование указанного форманта жен. рода (ср. рим. būy-warvanōč 'тот, который кипятит пахталье!', būy-warvanač 'та, которая кипятит пахталье'). Однако данная родовая модель не получила широкого распространения, хотя необходимости родовой дифференциации была очевидна и в конечном счете на месте исчезнувшей родовой модели -ōč/-ēc (-ač) утвердилась другая суффиксальная модель причастного происхождения -ōn/жен. -ān - общая для всех названных выше языков по форме (р.-х. -on/-ān), но функционально отличная: роморвский -ōn/-ān наряду с образованием отлагольных прилагательных со значением постоянного признака (см. табл. 52) используется в качестве родового показателя причастных форм, выражающих действующее лицо. В данном случае роморвский -ōn/-ān функционально адекватен бартангскому -ōč/-ēc и рушанко-хурскому -ic/-ēc. В табл. 51 роморвские причастия даны с суффиксом -ōn/жен. -ān рядом с р.-х. -ic, б. -ōč/жен. -ēc, что означает их тождество только по функции. Показательно, что в редких случаях в роморвском сохраняются еще старые формы и употребляются параллельно с новыми (рим.) nawōč//nawān 'оплакивающий' - жен. nawan; warvanōč//warvanač 'тот, кто кипятит, варит' - жен. warvanač//warvanañ. В целом, можно заключить, что роморвский и в данном случае проявляет тенденцию к стандартизации и унификации родовых показателей, так как вместо двух родовых формантов в других языках (р.-х. -ic, б. -ōč, р.-х. -on/жен. соответственно -ēc, -ān) в роморвском реализуется лишь один - последний и это не случайно: подобная унификация обнаруживается и в перфектных основах (см. §§ 75-90).

§ 173. При образовании атрибутивной цепи причастные образования выступают в качестве определения и без какого-либо связующего элемента предшествуют определяемому. При этом фор-

Таблица 52

Язык	Основа наст.вр.	Причастие		Перевод причастия (в муж.р.)
		муж.род	жен.род	
I	2	3	4	5
Р-х.	aways-	awayson	awaysan	постоянно лежащий, ло-бящий лежать
б-рив.	aways-	awaysōn	awaysān	
б-рив.	ařafs-	ařafson	ařafsān	соня, люби-ций спать
Р-х.	birēz-	birazon	birazān	постоянно пьющий, люби-ший пить, ли-битель питья
б-рив.	birōz-	birazōn	birazān	
Р-х.	bol-	bolon	bolān	говорун, раз-глагольству-ющий
рив.	bōl-	bōlōn	bōlān	
рив.	bōw-	bōwon	bōwān	плаксивый, плакса
Р-х.	đab-	đaison	đabān	бодливый,
б-рив.	đab-	đabōn	đabān	дракильный,
срз.	đab-	đabōn	đabān	дракун
Р-х.	fong-	fongan	fongan	
рив.,	fos-	foson	fosān	ржущий (о лошади)
срз.	fus-	fusōn	fusān	сморкающийся, перен.ленчивый, лентяй
рив.	jaq-	jaqōn	jaqān	
рив.	jiray-	jirayōn	jirayān	кричалий, крикливый
рив.	kōx-	kōxon	kōxān	рыдающий, плаксивый
рив.	māw-	mawōn	mawān	кашляющий, страдающий кашлем
рив.	mar̄-	mar̄yōn	mar̄yān	мяукающий
Р-х.	naw-	nawon	nawān	мурыкающий
б-рив.,	naw-	nawōn	nawān	плаксивый, плакса
срз.				

мы муж. рода согласуются с именами муж. рода, а формы жен. рода - с именами жен. рода. Примеры: р.-уа wōx-сauč čuruk dum čig 'тот косащий сено мужчина - ее муж'; р.-um tūd-abivēc kahbō pōm čay? 'как зовут собирающую тутовые ягоды женщины?'; р.-maš-ri mis yi žac-tažēc mošinā bakor 'нам тоже нужна машина-водовоз'.

Формы муж. рода кроме собственного назначения широко используются при множественном числе имен как мужского, так и женского рода; ср. wāš wōx-сauč mardinayēn-ta šadōr nāyaden 'те мужчины - косцы сена в полдень не придут'; б.-načl-nabōč-an tar-ka sad? 'куда ушли сажающие саженцы?'; р.-xiž kahbōyēn-an lap jirāb-wafūč 'женщины Шидза искусные вязальщицы чулок'.

Лишь в редких случаях родовая закрепленность суффикса жен. рода -ēs (-ēž) сохраняется и при мн. числе: р.-wāš žōw-bizēc kahbōy-an ar ūeš val 'те доящие коров женщины пока (находятся) в хлеве'.

В шугнанском и его баджувском диалекте подобного родового различия нет; во всех случаях используется причастная форма с суффиксом -iј (по происхождению муж. рода). К тому же корневые гласные основы наст. времени в отличие от других языков в шугнанском и баджувском, как правило, не подвергаются изменениям; ср.: ш.-бдж. wafij 'ткач', 'ткачиха' при р.-х. wafūč, б.-wafōč/жен. wafēs; ш.-бдж. luvij 'говорящий', 'сказитель', 'говорящая', 'сказительница' при р.-х. luvūč, б.-luvōč/жен. luvēs и т.д.

§ 174. Причастные образования (а функционально это отглагольные прилагательные) от основы настоящего времени с прибавлением родовых суффиксов р.-х. -on/жен. -an, б.-рив. -ōn/жен. -ān имеют весьма широкое словарное распространение и являются важными средствами различения рода имен как при адъективном-стрибутивном употреблении причастных форм, так и при их substantивации. Основное грамматическое значение называемых выше родовых суффиксов - это указание на постоянный (как бы всегда присущий) признак, свойство и качество имен мужского (р.-х. -on, б.-рив. -ōn) и женского рода (-ān). Рассматриваемые причастные образования образуются как от переходных, так и от непереходных глаголов (табл. 52).

Продолжение табл. 52

I	2	3	4	5
r.-x. б.-ршв. ршв.	nōy- nōy- raðafs-	naŷon naŷon raðafson	naŷan naŷan raðafsan	бродячий; гуляющий прилипчивый; заразный
ршв., срз.	parēnd-	parandōn	parandān	кусарний, злой (о со- баке)
б.-ршв.	pāxs-	paxsōn	paxsān	(часто) бо- лезненный
б.-ршв.	pis-	pison	pisān	быстро варя- щийся, скоро- спелый
б.-ршв.	pišaw-	pišawōn	pišawān	отвлекающий, развлекающий- ся
r.-x. б.-ршв.	ranēs- ranis-	ranēson ranisōn	ranēsān ranisān	забывчивый, рассейанный
ршв.	rawaz-	rawazōn	rawazān	летающий
б.-ршв.	sāw-	sawōn	sawan	становящийся
б.-ршв.	šand-	šandon	šandān	смерющийся, хокотун
r.-x. б.-ршв., срз.	tarb-	tarbōn	tarbān	драчливый, содливый
r.-x. б.-ршв.	wāy-	wayōn	wayān	крикливый, крикун; плакси- вый, плакса
r.-x. б.-ршв.	xār-	xaron	xarān	ненасытный, прожорливый, обжора
r.-x. б.-ршв.	žicāf-	žicafon	žicafān	трескающий- ся, лопающий- ся
r.-x. б.-ршв.	zaq-	zaqon	zaqān	нордий,
r.-x. б.-ршв.	ziban-	zibanon	zibanan	нытик прыгающий, прыгун
	zibanan	zibanan		

§ 175. По данным табл. 52 можно сделать следующие выводы о причастных образованиях на р.-х. -он, б.-ршв. -ōn/жен. -ān:

1. При этом типе суффиксации корневые гласные основы настоящего времени подвергаются изменениям (см. § 171).

2. Причастные образования на р.-х. -он, б.-ршв. -ōn/жен. -ān безразличны к переходности/неперходности; ср. р.-х. awaysōn, б.-ршв. awaysōn 'постоянно лежащий', 'любящий лежать' - жен. awaysān (от неперходного глагола aways- 'лежать'); р.-х. birazon, б.-ршв. birazon 'постоянно пьющий', 'любящий пить' (от переходного р.-х. birez-, б.-ршв. biroz- 'пить').

3. Суффикс р.-х. -он, б.-ршв. -ōn/жен. -ān в ряде случаев может прымывать к тем же глагольным основам, с которыми сочетается суффикс р.-х. -ūč, б.-ōč/-ēc (см. табл. 51), однако это вовсе не свидетельствует об их идентичности. Наоборот, при сочетаниях одних и тех же основ с упомянутыми суффиксами более четко проявляется функциональное расхождение обоих суффиксов. Ниже приводятся примеры, показывающие семантические расхождения между причастными образованиями от одной основы настоящего времени с помощью р.-х. -ūč, б.-ōč/жен. -ēc и р.-х. -он, б.-ршв. -ōn/жен. -ān:

Основа с суффиксом р.-х.
-ūč, б.-ōč/жен. -ēc (ршв.
-ōn / -ān)

r.-x. birazuč, б. birazōč,
'пьющий', 'употребляющий
жидкость' - жен. birazēc
(ршв. birazon/birazān)

r.-x. bābōč, б. bābōč 'даю-
щий' - жен. bābēc (ршв. bā-
bōn/bābān)

r.-x. nawuč, б. nawōč 'опла-
кивающий' (кого-либо) - жен.
nawēc (ршв. nawōn, nawōč/nawān)

Основа с суффиксом р.-х.
-on, б.-ршв. -ōn / жен. -ān

r.-x. birazon, б.-ршв. bi-
razān 'постоянно пьющий',
'любитель питья' - жен. bi-
razān

r.-x. bābōn, б.-ршв. bābān
'содливый', 'драчливый',
'дракун' - жен. bābān

r.-x. nawōn, б.-ршв. nawōn
'плаксивый', 'плакса' - жен.
nawān

р.-х. xāgūč, б. xāgōč 'съедающий', 'едок' - жен. xāgēč

р.-х. xāgon, б.-рмв. xāron 'прокорливый', 'обжора' - жен. xārān

Образования с суффиксом р.-х. -on, б.-рмв. -on большинство относят к прилагательным. Об этом свидетельствуют еще следующие два факта:

а) к наиболее употребительным формам на -on, -on/-ān может примыкать суффикс сравнительной степени р.-х. -di, б.-рмв. -dōr: р. yā tā rūc bāg mānā nawondi 'твой сын плакивее моего'; б. yā wī xōj bābōndor 'его бык бодливее!'

б) формы жен. рода с суффиксом -ān, как и качественные прилагательные жен. рода употребляются, как правило, также и при множественном числе имен; ср. р. dāb tamā-yān nāwān rācēn 'у вас плакивые сыновья' и р. rāt taxēn čās 'взгляды на те красные горы' (rāt 'красная' - согласуется с формой мн. числа существительного taxēn 'горы'; форма муж. рода - rošt).

§ 176. Поскольку в роморвском языке представлено преимущественно только суффикс -on/жен. -ān, то вне контекста возникает двусмысленность: рмв. bābōn это и 'дающий', и 'бодливый', рмв. bīrazōn это и 'пьющий', и 'любитель питья', рмв. bākōn это и 'лижущий' и 'любящий лизать' и т.д.

Формальное и функциональное совпадение роморвского -on/-ān с бартангским -on/-ān и руманско-хуфским -on/-ān обнаруживается только при образовании отглагольных прилагательных (см. табл. 52): рмв. yā lap bīrawōn yāba 'он очень плакивый мальчик'; yā lap bīrawān yāc 'она очень плакивая девочка'. Для выражения собственно причастного значения роморвский -on/жен. -ān по функциям соответствует р.-х. -ūč, б. -ōč / жен. -ēč и поэтому причастие данного типа выражает действующее лицо и может сочетаться с прямым объектом: рмв. varōn 'приносящий', ' тот, ктоносит', жен. varān // р.-х. varūč, б. varōč, жен. varēč; рмв. xāc-varōn 'приносящий воду', 'водонос', жен. xāc-varān // р.-х. xāc-varūč, б. xāc-varōč, жен. xāc-varēč; рмв. xāc-bīrazōn 'пьющий воду', жен. xāc-bīrazān// р.-х. xāc-bīrazūč, б. xāc-bīrazōč, жен. xāc-bīrazēč.

§ 177. Весьма важно, что сфера словарного распространения роморвского -on/-ān гораздо шире, чем р.-х. -ūč, б. -ōč / жен. -ēč; р.-х. -on, б. -on/жен. -ān вместе взятых. Это проявляется, в частности, при образовании причастных форм со значением действующего лица от переходных глагольных основ настоящего времени. С целью показа продуктивности роморвского -on/-ān приводится табл. 53, в которую включены только причастные формы роморвского языка.

Таблица 53

Основа наст.вр.	Причастие		Перевод причастия(в муж. роде)
	муж.род	жен.род	
I	2	3	4
aŷel-	aŷelon, aŷelōč	aŷelan	ласкающий
alež-	alefōn	alešān	глотающий
bōl-	bōlon	bōlān	упрекающий
čaw-	čawōn	čawan	чешущий
čak-	čakōn	čakan	карапающий
čan-	čanōn	čanān	раскальвающий
dāk-	dakōn	dakān	дающий, передающий
dē(y)-	dayōn	dayān	ударяющий, бьющий (кого-что-либо)
diviš-	divišōn	divišān	показывающий
điman-	đimanōn	đimanān	обрабатывающий (шкуру)
fām-	fāmon	fāmān	знающий, знаток
firōp-	firapōn	firapān	доставляющий
vīyaw-	vīyawōn	vīyawān	грызущий
vēf-	vēfanōn	vēfanān	брзгаящий (водой)

Продолжение табл. 53

I	2	3	4
kaw-	kawōn	kawan	убивающий, мясник
kirēnd	kirandōn	kirandan	скребущий, со- скабливающий
niwōz-	niwazōn	niwazan	играющий (на музыкальных инструментах), музыкант
pataw-	patawōn	patawan	бросающий, ки- дающий
piħaw-	piħawōn	piħawan	стригущий, стригаль
sor-	saron	saran	наблюдающий, наблюдатель
taq-	taqon	taqan	стучящий
žiraw-	žirawon	žirawan	кусающий

Как явствует из этих примеров, с помощью суффикса [“]-on/жен. -an образуются родовые причастные формы не только от исконных глагольных основ настоящего времени, но также и от заимствованных (ср. р.-хв. fāmōn 'знаящий', 'знаток' от тадж. fahmidan 'знать' - заимств. из араб.).

Таким образом, роморвский родовой суффикс [“]-on/-an, сочетающий в себе две функции - прилагательного (как р.-х.-он, б.-он/-ан) и собственно причастия, играет весьма важную грамматическую роль в родовой соотнесенности слов. При этом его использование в качестве родового показателя действующего лица можно считать поздним явлением, связанным с общей тенденцией роморвского языка к стандартизации родовых показателей.

§ 178. Для шугнанского языка также этот тип причастия не характерен. В баджуvsком образования на -in / жен. -an встречаются очень редко (бдж. bādīn 'драчливый', жен. bādān, wāyīn 'плаксивый', жен. wāyan) и их с уверенностью можно считать результатом влияния соседних хуфского и рушанского

256

языков. Причастные образования в шугнанском и баджуvsком формируются лишь одним не дифференцированным по роду суффиксом -īj (wāyīj 'плаксивый', 'плакса', 'плаксивая'; bādīj 'давший', 'дарящая', 'бодливый', 'драчливый', 'бодливая', 'драчливая' и т.д.).

§ 179. В связи с наличием причастных родовых суффиксов в руманском, хуфском, бартангском, роморвском и их отсутствием в шугнанском и баджуvsком возникают два вопроса: 1) чем объясняется подобное межъязыковое расхождение?; 2) можно ли отсутствие различия рода в шугнанских и баджуvsких причастиях рассматривать как пример намечавшейся тенденции для названных языковых разновидностей к ослаблению и утрате категории рода?

Поскольку в шугнанском и баджуvsком для выражения категории рода действующего лица регулярио может использоваться другое синтаксическое средство в виде дифференциированного по роду указательного местоимения-артикла прямого падежа уи 'то', 'тот' - ѿ 'та', то, очевидно, снимается необходимость в употреблении другого синтаксического средства различия рода - причастного. Сохранение причастных родовых форм в остальных языках группы, по всей вероятности, связано с отсутствием в них родовых коррелятов в системе указательных местоимений прямого падежа (ср. недифференцированное по роду р.-х., б.-р.-хв. ѿ 'тот', 'он', 'та', 'она'). В целом, можно утверждать, что во всех языках происходит различие рода, однако для выражения его используются различные способы: в одних языках действуют морфологические-суффиксальные, а в других - синтаксические.

р.-х. ѿ kitōb-ħayūč čay?

б. ѿ kitōb-ħayōč čay?

р.-хв. ѿ kitōb-ħayon čay?

ш.-бдж. уи kitōb-ħoyīj čay

'кто тот, который читает книгу?'

р.-х., б. ѿ kitōb-ħayēč čay?

р.-хв. ѿ kitōb-ħayān čay?

ш.-бдж. уи kitōb-ħoyīj čay?

'кто та, которая читает книгу?'

Во всех языках в этих случаях осуществляется различение рода и поэтому нет основания говорить об утрате категории рода в шугнанском и его баджувском диалекте.

При всем этом следует отметить, что синтаксический способ выражения рода является относительно поздним явлением и его генерализация во многом связана с ослаблением родовой значимости морфологических средств. Наличие суффиксального (морфологического) способа выражения рода, несомненно, должно рассматриваться как более архаичное явление.

§ 180. Бартангский язык в причастных образованиях выделяется среди остальных языков группы наличием специального родового суффикса -őj/жен. -ež (см. также Соколова, 1960, I39; 1966, 382; Карамхудоев, 1974, 192). С помощью родового суффикса -őj/жен. -ež в бартангском образуются две семантически разного типа группы различающих род причастий.

Первый тип обозначает действующее лицо с оттенками намерения, желания, должностования:

муж.

- б. ciúőj намеревающийся хать, косить'
- luvoőj намеревающийся рассказать
- nivisoőj намеревающийся писать
- sawoőj намеревающийся идти, отправляться
- tayooj намеревающийся ходить, шагать
- xarooj намеревающийся есть, кушать
- wafooj намеревающийся ткать
- yatooj намеревающийся приходить
- pawsooj намеревающийся спрашивать

жен.

- ciyēž
- luvēž
- nivišēž
- sawēž
- tayēž
- xarež
- wafež
- yatež
- pawsēž

Фразовые примеры: б. luvoč-at yást-ō nā, na-vaw, áz-um tuyd 'ты намереваешься рассказать или нет, если нет — я пойду'; agar tú-at tárum sawoň sa vuč, mānd-ra-t pigč-ač, sūč 'если бы ты намеревался туда пойти, то давно бы ушел'; áz-um xarež nist 'я не намерена есть'; áz-um mis pa yil tayēž 'я тоже намерена пойти на летовье'.

Форма муж. рода используется и при мн. числе имен: б. sawoň mānd sawd, nišoň pišt 'собирающиеся уходить теперь мо-

гут идти, а намеревающиеся остаться — пусть останутся'; wād-an mis as Panj uatōj-at, val xu čurt né-virīyan 'они тоже намеревается уехать из Пянджа, но пока не решаются'.

§ 181. Второй тип причастных образований обозначает предназначение предмета, орудия, с помощью которого можно совершить какие-либо действия. При этом сочетание суффикса муж. рода -őj с глагольной основой наст. времени означает принадлежность не названного, но подразумеваемого предмета к муж. роду, а показатель -ež ассоциируется с именами жен. рода.

Муж.

б. inciōj	(предмет) для шитья	incivež
paniōj	то, что предназначено для одевания	panižež
kawōj	то, что предназначено для ремонта	kawež
sanoj	то, что предназначено для поднятия, подъема	sanež
nivišōj	то, чем можно написать	nivišež

Поскольку эти образования распространяются на глаголы переходного значения, то рассматриваемые причастные формы часто сочетаются с прямым объектом:

Муж.

б. rošt-ginōj	то, чем можно сделать что-либо красным	rašt-ginež
čow-ginōj	то, чем можно сделать пестрым	čaw-ginež
rān(g)-ginōj	то, чем можно красить	rān(g)-ginež
yem-vandōj	то, чем завязывают горловину (мешка)	yem-vandež

Примеры во фразах: б. tā-yā yí-čiz rāng-kinōj ca vawd, abōz wí-r 'если у тебя имеется какой-либо краситель, или ему'; б. tū ku mānd sa jāldōr mu-r bāč-kinēž čebak vār 'ходи-ка ты побыстрее принести мне ложку, которой раскладывают (еду)'.

§ 182. В других сравниваемых языках точных соответствий этим образованиям нет. Так, для близкородственного бартангскому рошорского, по свидетельству Х.Курбанова, различение рода посредством суфф. -օ՛/жен. -է՛з нехарактерно (Курбанов, 1976, I45), однако формант муж. рода -օ՛ все же продолжает функционировать: ршв. *rišawօ՛* 'намеревающийся заняться чем-либо', 'то, чем можно заняться'; *nažtayօ՛* 'собирающийся выходить' и т.д.

В рушанском и хуфском прослеживаются только остатки рассматриваемого суффикса в форме -(m)ij/жен. -(n)ez, а в шугнанском и баджувском при некоторых кратких инфинитивах засвидетельствован формант -(m)ej, который формально и функционально соответствует б.-ршв. -օ՛. Примеры: р. *taymaňiј* // *taymiј* 'собирающийся уходить' - жен. *taymaləz*, ш.-бдж. *tidmej*; р.-х. *nēsmiј*, ш.-бдж. *nistmej* 'собирающийся оставаться'.

§ 183. Особо следует отметить весьма распространенные случаи лексикализации родовых причастных суффиксов и субстантивации причастных форм (ср. §§ 148, 166). В ряде случаев сохраняется формальное и семантическое противопоставление имен причастного происхождения. Так, например, р.-х. *sawoј*, б.-ршв. *sawoյ* означает 'круглый камень для измельчения табака' (ш.-бдж. *sēwīj*), а его женский коррелят р.-х., б.-ршв. *sawəz*, *sawēz* означает 'плоский камень, на котором измельчают что-либо' (ш.-бдж. *sēwīj*).

Чаще сохраняются субстантивированные причастные формы без родовой оппозиции. Здесь можно указать следующие названия предметов причастного происхождения, которые как формально, так и по смыслу относятся к муж. роду: р.-х. *ražawoј*, б.-ршв. *ražawoյ* 'чурка'; р.-х. *žikarој*, б.-ршв. *žikarој*, ш.-бдж. *wižkiriј* 'кочерга' (букв. 'то, чем ищут'); р.-х. *sēnoј*, *sanoј*, б.-ршв. *sanoј*, ш.-бдж. *sēniј* 'деревянный рычаг для подъема жернова' (букв. "то, чем поднимают"); б.-ршв. *bič-kawoј*, р.-х. *bič-kawoј*, ш. *bič-kičiј*, бдж. *bič-kawiј* 'перекладина между столбами для свежевания мелкого скота' (букв. "то, чем убивают козла").

§ 184. Причастные образования с формантами жен. рода также могут субстантивироваться: р.-х., б.-ршв. *tiwəz* 'ложка', 'черпалка'; р.-х., б.-ршв. *bakəz* 'указательный(палец)',

260

(букв. "лизатель"); р. *nažāl* 'бочка для сбивания масла' ш.-бдж. *talaw* 'маслобойка'.

§ 185. Показателен также случай, когда имя причастного происхождения формально продолжает один род, а по смыслу(сингексическим) относится к другому. Так, например, р.-х. *bažāl*, б. *biúbć*, бдж. *biúan* 'осадки', 'дождь', 'снег'(от *biú-*, *baž-* 'падать') в руманском, хуфском и баджувском имеет примету жен. рода -āп, что позволяет говорить о том, что данное слово в прошлом принадлежало к жен. роду, однако в настоящее время оно относится к мужскому: р. *day žayān čas*, *ca-rang bayt* 'смотря на снег (дождь), как сильно идет'. В бартангском данное слово в соответствии со своей родовой принадлежностью продолжает форму муж. рода. Переходу указанного слова в категорию муж. рода могли способствовать принадлежание к этому роду его синонимы р. *žiniј*, ш.-бдж. *žiniј* 'снег' и заимствованное (из тадж.) р.-х. *bōrōn*, ш.-бдж. *bōrgūn* 'дождь'.

§ 186. Во всех языках, обладающих родовыми причастными формами со значением действующего лица, основы настоящего времени двух употребительных глаголов *ħāg-* 'есть', 'кушать' и *vāг-* 'приносить', 'доставлять' выступают в качестве показателя рода и образуют от имен существительных группу сложных слов причастного типа. При этом в результате превращения названных основ в родовой формант их огласовка преобразуется и под воздействием родовой модели имени приобретает следующий вид:

Муж. род			Жен. род		
р.-х.	б.-ршв.	бдж.	р.-х.	б.-ршв.	бдж.
-x̄iг	-x̄or	-x̄or	-x̄er	-x̄er	-x̄er
-v̄iг	-v̄or	-v̄or	-v̄er	-v̄er	-v̄er

Данная родовая огласовка усвоена из модели различающихся по роду существительных (типа: р.-х. *v̄iгj*, б.-ршв., ш.-бдж. *v̄orj* 'херебец' - жен. р.-х., б.-ршв. *v̄eгj*, ш.-бдж. *v̄egz* 'кобыла'). Для шугнанского языка эти родовые форманты не характерны, а в баджувском в редких случаях все же могут употребляться, что связано с влиянием окружающих языков (хотя

родовая согласовка в них собственно баджувская).

§ 187. Формант р.-х. -х^ир, б.-ршв., бдж. -х^ог/жен. р.-х., б.-ршв. -х^ег, бдж. -х^ег примыкает к следующим существительным:

Муж. род	Жен. род	Перевод (в муж. роде)
р.-х. wōx-x ^и r б.-ршв. wōx-x ^о g	wōx-x ^е g wōx-x ^о g	поедающий траву, травоядный
р.-х. xāxra-x ^и r б.-ршв. xāxra-x ^о g, xāxba-x ^о g	xāxra-x ^е g xāxra-x ^о g, xāxba-x ^е g	съедающий похлебку; иждивенец, нахлебник
р.-х. Žindam-x ^и r б.-ршв. Žindam-x ^о g	Žindam-x ^е g Žindam-x ^о g	поедающий пшеницу
р.-х. garða-x ^и r б.-ршв. garða-x ^о g	garða-x ^е g garða-x ^о g	съедающий лепешку, "хлебоед"

Семантически этот тип синонимичен причастной форме от того же глагола xāg- и может быть охарактеризован как усеченный вариант причастия; ср. р.-х. nūš-x^иr//nūš-xāruč 'съедающий абрикос' - жен. nūš-x^еg//nūš-xāreč.

§ 188. В баджувском диалекте в редких случаях прослеживается употребление различающих род форм, однако родовое противопоставление коррелятов не осуществляется.

При этом парные образования, содержащие родовые модели, семантически отличаются между собой, а форма муж. рода может употребляться также и в значении жен. рода; ср. бдж. Žindam-x^оg 'съедающий, употребляющий (съедающая, употребляющая) пшеницу' - Žindam-x^еg 'вид воробья, который нападает на пшеницу'; бдж. ūvd-x^оg 'употребляющий, пьющий (употребляющая, пьющая) молоко' - ūvd-x^еg 'дойная коза (овца), отделенная от стада и оставленная летом в селении'. Приведенные здесь корреляты жен. рода с указанным значением употребляются также и в руманском, хуфском, бартангском и рошорвском языках.

§ 189. Формант р.-х. -v^иr, б.-ршв., бдж. -v^оg/жен. р.-х., б.-ршв. -v^еg, бдж. -v^еg по характеру сочетаемости иро-

довой значимости аналогичен предыдущему.

Муж. род	Жен. род	Перевод (в муж. роде)
р.-х. ūac-v ^и r б.-ршв. ūac-v ^о g	ūac-v ^е r ūac-v ^о g	приносящий воду; водонос, водовоз
р.-х. ūoz-v ^и r б.-ршв. ūoz-v ^о g	ūoz-v ^е r ūoz-v ^о g	приносящий дрова
р.-х. wōx-v ^и r б.-ршв. wōx-v ^о g	wōx-v ^е r wōx-v ^о g	приносящий сено

Родовая оппозиция коррелятов может быть нарушена, что, в частности, связано с естественным проявлением действий лиц того или другого пола; ср. р.-х. ūan-v^иr 'берущий в жен.' 'желавший жениться'; р.-х. sand-v^иr, бдж. sand-v^еr 'ромающая незаконорожденного ребенка' и т.п. Кроме того, если в качестве действующего лица выступает неодушевленный предмет, то применяется, как правило, формант муж. рода, независимо от родовой принадлежности имен - определяемых: р.-х. ūac-v^иr ūōšin 'машина-водовоз'; р. ūvd-v^иr (х. ūvd-v^оg) ūōšin 'машина-молоковоз' (wōšin - жен. род); р. ūer-x^иr (х. ūær-x^оg) kōčōg букв. "предмет, съедающий камень", 'дробилка' (kōčōg 'предмет', 'вещь' - муж. род).

Эти сочетания несут ту же семантическую нагрузку, что и полная суффиксальная форма причастия от того же глагола vār-; ср. р.-х. ūac-v^иr// ūac-varuč 'приносящий воду', 'водонос' - жен. ūac-v^еr// ūac-varēc.

§ 190. В шугланском и баджувском подобные образования во всех случаях формируются либо с помощью недифференцированных по роду формантов -x^оg и -v^оg, либо же причастных форм от названных глаголов на -i^j: и.-бдж. ūac-v^оg// ūac-vāri^j 'приносящий (приносящая) воду', 'водонос', 'водовоз'; и.-бдж. wōx-x^оg// wōx-xāri^j 'съедающий (съедающая) траву', 'травоядный' и др.

Отыменные изменяющиеся по роду форманты

§ 191. Переход знаменательных слов в разряд служебных, а также переход значимых слов в морфологические показатели категории рода, анализ данного процесса, выявление причин этой трансформации, а также описание и уточнение семантической и грамматической нагрузки каждой отдельной языковой единицы представляют большой научный интерес. Задача данного раздела - попытаться на основе уже опубликованных и собранных нами новых материалов более или менее детально рассмотреть выражение категории рода в языках и диалектах шугнано-руманской группы посредством значимых формантов и показать структурное и семантическое развитие каждого различающего род элемента.

Как свидетельствуют материалы, три части речи - существительные, прилагательные и глагольные основы являются источниками возникновения родовых формантов.

В результате перехода лексических единиц в дифференцирующий род показатель и их дальнейшей грамматизации происходят различные фонетические и семантические изменения, касающиеся как первого компонента, так и второго, т.е. суффиксального элемента. В частности, гласные звуки основы отыменного суффикса подвергаются родовому чередованию, а начальные согласные при словосложениях озвончаются:¹³ ш.-ру́ст-ю́й 'краснобурый', 'краснопестрый', ж. ро́ст-յáй; ш.-р.гр. ѿквис 'цып-

¹³ Озвончение начального глухого звука второго компонента носит закономерный характер и не зависит от предыдущего звонкого; ср. ш.-бдх. wóx-ʒow 'сенокос' (ш.-бдх. cōw 'косяба', 'хатва'); ш.-бдх. xičif-bust, р.-х. xičof-büst 'шкура сурка' (ш.-бдх. puſt, р.-х., pūst 'шкура'); ш.-бдх. bijarx-biň 'род проса' (ш.-бдх. rīnъ 'просо'); ш.-бдх. tūd-bixt, р.-х. tūd-bixt 'тутовая мука' (ш.-р. гр. pixt 'мука', 'толокно').

ленок', 'петушок', ж. ѿkbiс 'курочка'.

Некоторые формы (такие как, например, ьис, бис) в озвонченном виде могут в дальнейшем приобрести самостоятельность как по употреблению, так и по значению.

§ 192. Среди родоразличающих формантов особое место занимает слово рис (ш.-р.гр.), которое восходит к древнеиранскому риага- 'сын'.¹⁴ Данная лексема в относительно близких фонетических и семантических вариантах встречается во всех языках и диалектах памирской группы: 1) 'сын': ш.-р.гр. рис (мн. расēн), срк. рис, язг. рос (мн. расēн, раса॒), вах. рətr, манд. рūг; 2) 'детеныш', 'птенец': ш.-р.гр. ьис (мн. ьисēн), язг. ьес (мн. веса॒); 3) 'заязь', 'маленький плод' (тыкви, дьни и т.п.): ш.-р.гр. ьис; язг. вос, весек, вах. ьес.

Дифференцирование по роду муж. ьис, жен. ьис наряду с обозначением 'детеныш-самец', 'детеныш-самка' употребляются также и для выражения пола и рода лица (человека): ш. а ьис, tú-yat as-ka yat 'эй, сынок (дитя), ты откуда пришел?'; ш. а ьис, ѿi rizin-at tu 'эй, дитя, чья ты дочь?' За словом ьис закрепились такие оттенки значения, как 'ребенок', 'детеныш-самец', что, в свою очередь, способствовало возникновению специальной формы ьис для оппозиционного обозначения женского пола. При этом форма жен. рода с i-огласовкой не была чужда и древним языкам (ср. др.-инд. putri- 'дочь' - putra- 'сын'), что на первый взгляд может навести на мысль о том, что форма -ьис по происхождению связана с др.-инд. putri- (такое объяснение предложила автору в письме Д.И.Эдельман).

Представляется, однако, что слово ьис не восходит непосредственно к *риагi-, а образование пары ьис//ьис относится к недавнему времени, так как переход значимых основ в показатели рода (в данном случае *риагa-> рис->-ьис, а при i-

¹⁴ О лексико-грамматическом развитии этой лексемы 17 февраля 1976 г. было сделано сообщение на Фрейманских чтениях в Ленинградском отделении Института востоковедения (НАА, 1976, № 5, стр.215).

умлауте -biс) начался и утвердился намного позднее - после распада заударных родовых окончаний.

Внешние изменения отыменных формантов происходили под воздействием модели собственных родовых перегласовок, имевших уже сложившийся вид (типа муж. и/жен. i, ā, a) и широкое распространение в различных разрядах слов (существительных, прилагательных, глагольных основах).

§ 193. В руманском, хуфском и бадкувском рассматривающие существительные получили дополнительное семантическое назначение, употребляясь в качестве прилагательного (чаще в сочетании с суффиксом -ik) со значением 'маленький'-'маленькая'. Отсутствие данного значения в шугнанском, бартангском и роморвском объясняется наличием в последних прилагательного с тем же значением и с аналогичной родовой перегласовкой и суффиксацией:¹⁵ р.-х., бдж. bic(ik), ш., б.-ршв. zul(ik) 'маленький', жен. р.-х. biс(ik), бдж. bic(ik), bacik, ш. zal(ik), б.-ршв. zil(ik) 'маленькая'.

Суффикс -ik может удваиваться при каждом прилагательном: р.-х., бдж. bicikik, ш., б.-ршв. zulikik 'маленький', 'маленькая', жен. р.-х., бдж. bicikik, бдж. bacikik, ш. zalikik, б.-ршв. zilikik.

Дифференцированные по роду прилагательные широко употребляются при существительных - как одушевленных, так и предметных. Примеры употребления при именах мужского рода:

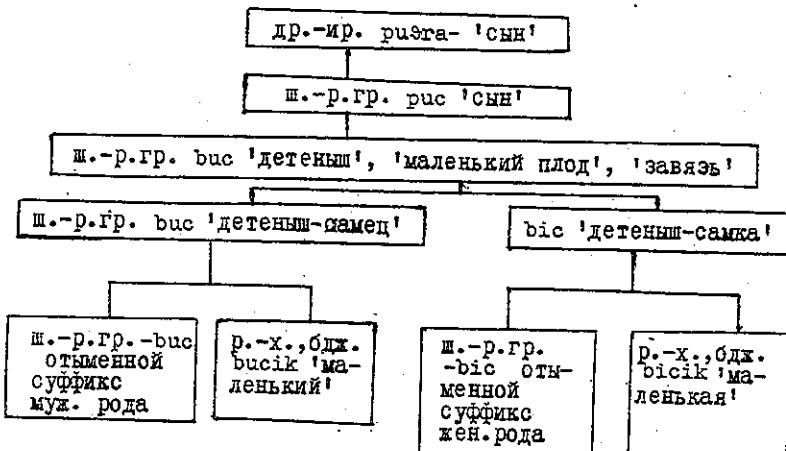
15 Расхождение обнаруживается только в огласовке жен. рода, что легко объясняется исторически: форма жен.р. в шугнанском отражает а-умлаут: zal (так же как и ūā 'курица' к ūā 'петух', sat 'хромая' к sut 'хромой'), а в бартангском и роморвском i-умлаут: zil (также как и giš 'козочка' к giš 'козленок'). Бадкувский, как видно, допускает параллельное употребление той и другой огласовки: i//a (bicik//bacik). Однако форма с а-огласовкой малоупотребительна и возможно, что она возникла по аналогии с шугнанской (ш. zalik, бдж. bacik 'маленькая').

р.-х., бдж. bucik(ik) divo, ш., б. зulik(ik) divo 'маленькая дверь'; р.-х. bucik(ik) pūstīn, бдж. bucik(ik) pūstīn, ш. зulik(ik) pūstīn, б.-ршв. зilik(ik) pūstīn 'маленькая юбка'.

Примеры употребления при именах женского рода: р.-х., бдж. bicik(ik) zimc, ш. зalik(ik) zimc, б. зilik(ik) zimc 'маленький участок земли'; р.-х., бдж. bicik(ik) mōšīn, ш. zalik(ik) mōšīn, б.-ршв. зilik(ik) mōšīn 'маленькая мама'.

§ 194. Проникновению и усвоению родовых формантов -biс(ik)/жен. -biс(ik) в шугнанском, бартангском и роморвском способствовали, как нам представляется, два следующих факто-ра: наличие в названных языках существительного biс, жен. biс 'детеныш', 'плод', а также влияние руманского языка, где прилагательное biсik 'маленький', жен. biсik было широко представлено.

Таким образом, древнеиранское rū̄ga- 'сын' в языках и диалектах шугнано-руманской группы получило весьма широкое применение. Поэтапное лексико-семантическое и грамматическое развитие и переосмысление др.-ир. rū̄ga- в языках и диалектах шугнано-руманской группы более наглядно можно проиллюстрировать следующей схемой:

§ 195. Широкая сфера словарного употребления и продуктивность *-бис/жен.* *-бис* в качестве родового показателя существительных связана с тем, что каждое имя может приобрести значение уменьшительности и ласкательности, а форманты *-бис(ik)* и *-бис(ik)* для выражения этого в основном и предназначены. Кроме того, отсутствие у существительных регулярных родовых окончаний накладывает на *-бис(ik)* и *-бис(ik)* дополнительную нагрузку (наряду со значением уменьшительности и ласкательности) – выражать также и категории грамматического рода существительных.

Представляется целесообразным более подробно, на основе большого количества материала показать употребительность и различные грамматические функции отыменных формантов *-бис(ik)* и *-бис(ik)*.

§ 196. Посредством *-бис* и *-бис* осуществляется родовая дифференциация различных по семантике существительных. Имена, обозначающие одушевленные предметы и выражающие мужской и женский пол, широко сочетаются с формантами *-бис* и *-бис*. С помощью этих показателей большое количество одноосновных существительных противопоставляются друг другу по полу и грамматическому роду. С точки зрения структуры и семантики можно выделить следующие группы одушевленных существительных, которые принимают родовые показатели *-бис* и *жен.* *-бис*:

а) одноосновные имена с помощью *-бис* и *-бис* противопоставляются друг другу по полу и роду (мужской и женский пол совпадают соответственно с мужским и женским родом): *ш.-бдк.* *zarižbus*, *р.*, *б.-ршв.* *zarežbus*, *х.* *zarežbus* 'куропатка-самец', *жен.* *ш.-бдк.* *zarižbic*, *р.*, *б.-ршв.* *zarežbic*, *х.* *zarežbic* 'куропатка-самка'; *ш.-р. гр.* *kurabuc* 'херебенок', *жен.* *ш.-р.гр.* *kurabic* 'херебенок-самка', 'кобылка'; *ш.-бдк.* *wärgbus* 'ягненок-самец', *жен.* *ш.-бдк.* *wärgbic* 'ягненок-самка', 'овечка';

б) одноосновные имена с помощью *-бис* и *-бис* выражают лица мужского и женского рода и соответственно того и другого пола: *ш.-бдк.* *xärbus*, *р.-х.*, *б.-ршв.* *xégbus* 'племянник', *жен.* *ш.-бдк.* *xärbic*, *р.-х.*, *б.-ршв.* *xerbic* 'племянница';

в) при обозначении лиц мужского и женского рода (пола) форманты *-бис* и *-бис* в составе ряда слов выступают в качест-

ве словообразующих элементов и в основном сохраняют свое лексическое содержание: *ш.-р.гр.* *wuχyōgbus* 'сын ловкого человека', 'ловкач по натуре', *жен.* *ш.-р.гр.* *wuχyōrbic* 'дочь ловкого (человека)' (*wuχyōg* 'трезвый', 'ловкий'); *ш.-р.гр.* *zindabuc* 'зоркий', 'ловкий', *букв.* "сын живого человека", *жен.* *ш.-р.гр.* *zindabic* 'зоркая', 'ловкая', *букв.* "дочь живого человека" (*zindā* 'живой'); *ш.-бдк.* *յönbuc(ak)*, *р.-х.*, *б.-ршв.* *յönbuc(ak)* 'душенька', 'любимый', 'любимец', *жен.* *ш.-бдк.* *յönbic(ak)*, *р.-х.*, *б.-ршв.* *յönbic(ak)* 'душенька', 'любимая' (*յöñ*, *յöñ* 'душа'); *ш.-бдк.* *kürbus*, *р.-х.*, *б.-ршв.* *kürbus* 'сын слепого человека', *жен.* *ш.-бдк.* *kürbic*, *р.-х.*, *б.-ршв.* *kürbic* 'дочь слепого (человека)', *ш.-р.гр.* *kambaxtbus* 'сын несчастливого человека', *жен.* *kambaxtbus* 'дочь несчастливого человека' (*kambaxt* 'несчастливый'), *посóyažbus* 'сын беспокойного человека', 'беспокойный', *жен.* *посóyažbic* 'дочь беспокойного человека', 'беспокойная' (*посóyaž*, тадж. *posoyiš* 'беспокойный');

г) присоединяясь к топонимам – названиям населенных пунктов, форманты *-бис* и *жен.* *-бис* указывают соответственно на происхождение лиц мужского и женского рода (пола) из какой-либо местности: *ш.-бдк.* *xuféjbus*, *р.-х.*, *б.-ршв.* *xufíjbus* 'сын хуфца', 'хуфец', *жен.* *ш.-бдк.* *xuféjbic*, *р.-х.*, *б.-ршв.* *xufíjbic* 'дочь хуфца', 'хуфка'; *ш.-р.*, *гр.* *rixēnbuc* 'сын руманца', 'руманец', *жен.* *риxēnbic* 'дочь руманца', 'руманка', *ш.-р.гр.* *qarqizbus* 'сын киргиза', 'киргизец', *жен.* *qarqizbic* 'дочь киргиза', 'киргизка';

д) показатели *-бис* и *-бис* присоединяются также к дифференцированным по родам существительным и выражают одновременно род и пол одушевленных предметов. В результате каждое имя содержит двойное родовое оформление: *ш.-р.гр.* *čažbus* 'дылек-нок', 'петушок', *жен.* *čažbic* 'курочка'; *р.* *ažorbuc*, *б.-ршв.* *ažörbuc* 'ягненок-самец', *жен.*, *р.*, *б.-ршв.* *ažerbic* 'ягненок-самка'; *р.-х.* *şogbus*, *б.-ршв.* *şögbus* 'теленок', *жен.* *р.-х.*, *б.-ршв.* *şögbic* 'теля';

§ 197. Когда существительное мужского и женского рода (пола) с формантами *-бис* и *жен.* *-бис* одновременно приобретают оттенки ласкательности и уменьшительности, к ним присоединя-

ется суффикс ш.-бдж., б.-ршв., х. -ik, -ak, р. -ak: ш.-бдж. wāgbucik (...-ak), р. ažorbucak, б.-ршв. ažorbucik 'ягненок-самец', ш.-бдж. šigbucik (...-ak), р. šogbucak, х. šogbucik (...-ak), б.-ршв. šögbucik (...-ak) 'теленок-самец', жен. ш.-бдж. wāgbicik (...-ak), б.-ршв. ažerbicik (...-ak), р. ažerbicak 'ягненок-самка'; ш.-бдж. šigbicik (...-ak), б.-ршв. šēgbicik (...-ak), р. šēgbicak 'телеңочек-самка', ш.-бдж. jūnbucik, х., б.-ршв. jōnbucik, р. jōnbucak 'миленький', жен. ш.-бдж. jūnbicik, х., б.-ршв. jōnbicik, р. jōnbicak 'миленькая'. Однако для выражения оттенка уменьшительности к существительным присоединяется в основном суффикс -ak: ш.-бдж. šigbucak 'теленок', šigbicak 'телка'.

Вместе с тем нужно особо подчеркнуть следующее предназначение суффиксов -buc/-bic: поскольку лексические и семантические отличия одушевленных имен способствуют их делению на существительные мужского рода (имена мужского пола) и женского рода (имена женского пола), то употребление при них родоразличающих суффиксов можно считать добавочным и в известной мере даже избыточным. Распространение этих формантов на неодушевленные предметные имена играет весьма важную роль в уточнении и оформлении существительных по родам, так как по отношению к неодушевленным существительным лексическое и семантическое родовое противопоставление не может быть применено.

§ 198. Употребление и сфера распространения родовых суффиксов -buc, жен. -bic при неодушевленных существительных имеет следующие закономерности:

Суффикс -buc примыкает к существительным, традиционно относящимся к мужскому роду, а к существительным женского рода присоединяется суффикс -bic. При подчеркивании уменьшительности существительные осложняются еще суффиксом -ak. Примеры употребления суффикса муж.р. -buc с неодушевленными существительными мужского рода: ш.-р.гр. kulčabuc(ak) 'лещечка', ш.-р.гр. kuščakbic(ak) 'кувшинчик', ш.-р.гр. kurtabuc(ak) 'рубашечка', ш.-бдж. wiðörbuc(ak) 'холмик', ш.-р.гр. abribuc(ak) 'облачко', ш.-р.гр. kūbuc(ak), tāxbuc(ak) 'горка', 'миленькая гора', ш.-бдж. bīgbuc(ak), р.-х. bogbuc(ak), б.-ршв. bögbuc(ak) 'кувшинчик', ш. cimüdbuc(ak), бдж.

cimubuc(ak), р.-х. samūgbuc(ak) 'маленькая корзиночка' и т.д. Примеры употребления суффикса жен.рода с неодушевленными существительными женского рода: ш.-бдж. ūrbic(ak), р., б.-ршв. ūrbic(ak), х. ūrbic(ak) 'камешек', ш.-бдж. bigbic(ak), р.-х., б.-ршв. bēgbic(ak) 'кувшинчик маленького размера', ш.-бдж. čibbic(ak), р.-х., б.-ршв. čēbbic(ak) 'ложечка', ш.-бдж. dēkbic(ak), р.-х., б.-ршв. dīgbic(ak) 'котелок', ш.-р.гр. čakalbic(ak), zimcbic(ak) 'миленький участок земли', ш.-р. гр. istölbic(ak) 'столик' и т.д.

При одновременном выражении уменьшительности и ласкательности неодушевленные существительные, так же как и одушевленные, осложняются специальным ласкательным суффиксом -ik, р.-ak. Примеры муж.рода: ш.-бдж. pūstīnbucik, х., б.-ршв. pūstīnbucik, р. pūstīnbucak 'пуденка'; kurtabucik, р. kurtabucak 'рубашечка'. Примеры жен.рода: rakölbicik, rakölbicak 'тобетейка', 'тобетейка', ш.-бдж. ūtēržbicik, х., б.-ршв. ūtōržbicik, р. ūtōržbicak 'звездочка' и т.д.

Когда же специально подчеркивается значение уменьшительности (при отсутствии ласкательности) родоразличающие форманты осложняются суффиксом -ak; ср. муж.р.: ш.-бдж. pūstīnbucak, р.-х., б.-ршв. pūstīnbucak 'миленькая шубка'; жен.р.: ш.-р.гр. rakölbicak 'миленькая тобетейка' и т.п.

§ 199. Родовая дифференциация -buc и -bic сохраняется также при их комбинаторном употреблении с суффиксом множественного числа -ēn (-yēn). Анализ многочисленных данных свидетельствует о том, что во множественном числе к существительному мужского рода присоединяется -buc, а к именам женского рода -bic.

Посредством формантов -bucēn и -bicēn различные по семантике существительные (как одушевленные, так и неодушевленные) получают родовое оформление. При употреблении -bucēn и -bicēn с одушевленными именами одновременно различается и род и пол существительного. С помощью указанных формантов осуществляется родовое противопоставление следующих типов существительных:

а) одноосновные имена с родовой перегласовкой в корне:

муж.род -bucēn

- ш.-р.гр. gujbucēn 'козлята'
ш.-р.гр. čukbucēn 'петушки'
р.-х. šogbucēn, б.-рмв. šogbucēn 'телята'
р.-х. ažorbucēn, б.-рмв. ažorbucēn 'ягната-самцы'
ш.-р.гр. kudbucēn 'собачки-самцы'
ш.-бдх. nibōsbucēn, р.-х. na-
busbucēn, б. nabōsbucēn
'внуки', 'внучата'

жен.род -bicēn

- ш.-р.гр. gijbicēn 'козочки'
ш.-р.гр. čakbicēn 'курошки'
р.-х., б.-рмв. řebbicēn 'телки'
р.-х., б.-рмв. ažerbicēn 'ягната-самки'
ш.-р.гр. kidbicēn 'собачки-самки'
ш.-бдх. nibēsbicēn, р.-х., б.
nabēsbicēn 'внучки', 'вну-
ченьки'

б) одноосновные имена без родовой перегласовки в корне:

муж.род -bucēn

- ш.-бдх. xērbucēn, р.-х., б.
-рмв. xērbucēn 'племяничи'
ш.-р.гр. kurabucēn 'херебята-самцы'
ш.-р.гр. pišbucēn 'коты'
ш.-бдх. markabbucēn 'ослята-самцы'
ш.-бдх. wārbucēn 'ягната-самцы'
ш.-бдх. šibucēn 'телята'

жен.род -bicēn

- ш.-бдх. xērbicēn, р.-х., б.-
рмв. xērbicēn 'племяничи'
ш.-р.гр. kurabicēn 'херебята-самки'
ш.-р.гр. pišbicēn 'кошечки'
ш.-бдх. markabicēn 'ослины'
'ослята-самки'
ш.-бдх. wārbicēn 'ягната-самки'
ш.-бдх. šibicēn 'теляти'

Родовое отличие -buc и -bic сохраняется также при их употреблении с разноосновными существительными, противопоставляемыми друг другу по роду и полу: ш.-р.гр. virōbucēn 'братьяки' - uahbicēn 'сестрички'; ш.-бдх. yidabucēn, р.-х. ya-
babucēn 'ребятишки', 'мальчишки' - ш.-р.гр. yācbicēn 'девочки'; ш.-бдх. nubānbucēn, бдх., р.-х. nawbānbucēn 'бычки', 'телята-самцы' - ш.-бдх. faryōmčbicēn, р.-х. faryōmčbicēn 'телки'.

В тех случаях, когда отсутствует лексическое противопоставление существительных по полу и полу, и вообще нет необходимости подчеркнуть особо мужского и женского пола, то при формах мн. числа одушевленных существительных обоих родов чаще всего употребляется формант муж. рода: -buc: ш.-р.гр. řidibucēn 'воробыши' (ш.-р.гр. wičič 'воробей', 'иташка' - жен.р.); ш.-бдх. purgbucēn, р., б.-рмв. purgbucēn 'мышата' (ш.-бдх. ryčka, р., б.-рмв. ryč 'мышь' - муж.р.); ш.-бдх. kikērbucēn, р.-х. kikērbucēn, б. karķorbucēn 'птенцы - сороки' (ш.-бдх. kikērs, р.-х. kikērs, б. karķorb 'сорока' - жен.р.).

§ 200. Дифференцированные по роду -buc, -bic широке употребляются также для формы множественного числа неодушевленных существительных. Для неодушевленных предметов, как правило, нехарактерно парное родовое противопоставление. Однако применение родовых формантов мн. числа -bucēn/-bicēn соответственно к существительным муж. и жен. рода также и в данном случае носит закономерный характер. Примеры употребления форманта мужского рода -buc с существительными мужского рода во множественном числе: ш.-р.гр. kurtabucēn 'рубашечки', ш.-р.гр. mōebucēn 'маленькие посохи', ш.-бдх., б.-бдх. għabucēn, р.-х. birkbucēn 'палочки', ш.-р.гр. tāxbucēn 'маленькие горы', ш.-бдх. pūstīnbucēn, р.-х., б.-рмв. pūstīnbucēn 'шубочки', 'маленькие шубки', ш.-р.гр. kaltakbucēn 'палочки'.

Существительные, традиционно относящиеся к женскому полу, во множественном числе сохраняют формант -bic: ш.-бдх. wēbbicēn 'извозные сани', ш.-бдх. wəbbicēn, р.-х. webbicēn 'санки', ш.-бдх. wōlēbicēn, р.-х. wälēbicēn 'бороздки', ш.-бдх. rizħibicēn, р.-х. rizħibicēn 'водопадики', ш.-р.гр. ċaġ-
matibicēn 'ручейки', ш.-бдх. ġirtibicēn, р., б.-рмв. ţerbicēn, х. ţerbicēn 'камушки'.

§ 201. Родоразличительная нагрузка и сфера распространения формантов -buc и -bic чётко выражены. Формант -buc выражается относительной употребительностью и продуктивностью.

В тех случаях, когда нет необходимости в подчеркивании противопоставления существительных по полу и полу, то используется, как правило, формант -buc(en). Употребление -buc(en)

безотносительно к родовой дифференциации наблюдается, главным образом, при именах, имеющих собирательное значение: ш.-р.гр. čačbuc(ēn) 'цыплята'; ш.-бдж. zarībuc(ēn), р.-б.-ршв. zarežbuc(ēn), х. zarežbuc(ēn) 'куропаточки'; ш.-бдж. cicubuc(ēn), р.-х. cacawbuc(ēn) 'птенцы улара'; ш.-бдж. bačgalabuc(ēn), р.-х. xawričbuc(ēn) 'ребята', ш.-р.гр. rimbuc(ēn) 'тополевые саженцы' и т.д.

Каждое из приведенных существительных в речи может реализоваться в двух формах - ед. и мн.: ш. sawām zarībuc xu-rd anjavām// sawām zarībucēn xu-rd anjavām 'мы идем поймать для себя куропаточек'; ш. уи tīmbuc fukāš qōq saðj // wāb rimbucēn fukāš qōq saðj 'те тополевые саженцы все засохли'; р. yid xawričbuc lāk pa maktab sawt // dāb xawričbuc(ēn) lāk pa maktab sawan 'те ребятишки пусть идут в школу'.

Факультативное употребление суффикса мн.числа в данном случае связано с семантикой имен, поскольку само существительное имеет значение множественности и поэтому не нуждается в обязательном участии показателя мн.числа.

§ 202. Наблюдается весьма интересный факт, когда показатель муж. рода -buc в редких случаях присоединяется к словам, обозначающим лицо женского пола. Нами зафиксированы слова ӯасбuc 'девчонка', 'девчурка' и rizibuc 'дочурка', 'дочурочка', где, как нам представляется, формант -buc выполняет не родоразличительную функцию, а экспрессивную и ласкальную нагрузку. При этом указанные слова при сочетании с местоимениями, глаголами сочетаются с формами жен.рода и поэтому в целом должны рассматриваться как слова женского рода. Примеры: р. tu mānd dum ӯасbuc ac bač sirēw 'теперь ты отнями девочку от (сосания) груди' (р.-х. dum - косвенная форма указательного местоимения жен.р. к муж. р.-х. day); бдж. k-ā mu rizibuc šagen qati padē vad 'та моя дочурка с телятами находилась там - наверху' (ш.-бдж. k-ā, уā - форма жен. рода указательного местоимения прямого падежа к муж. k-у, уи ' тот'; vad 'была' - основа прош. жен. к муж. vud 'был', 'находился').

Таким образом, отмыенные форманты -buc(ik), -bic(ik) играют большую роль в дифференциации существительных по полу

и соответственно по грамматическому роду. В данном случае показателен тот факт, что -buc(ik) и -bic(ik), первоначально использовавшиеся для различия пола живых объектов, стали продуктивными показателями по выражению категории рода как одушевленных, так и предметных (неодушевленных) существительных.

§ 203. Большой интерес представляет также структурное и семантическое развитие ш.-бдж. kīl, р.-х. kol, б.-ршв. kōl и ш.-р.гр. kāl с общим значением 'голова'.

Вопрос о том, восходят ли обе эти формы к одному и тому же источнику или же, как полагает Г. Моргенштерн (1974, 40), слово kāl является заимствованной и адаптированной формой персидского (таджикского) kal(l)a, остается пока открытым. Детальное рассмотрение их семантики, функции и круга словарной сочетаемости на синхронном уровне в известной мере может способствовать уточнению этимологии упомянутых лексем.

§ 204. Общность и отличие описываемых лексем заключается в следующем: а) как существительные они относятся к категории мужского рода, что легко доказывается синтаксически: ш.-бдж. di xu kāl zini 'помой свою голову!'; ш. wi-nd yulā kīl vad 'у него была большая голова' (di - форма косв. падежа муж. рода указательного местоимения к жен. dam, vad 'был' - основа прош. времени муж. к жен. vad 'была'); б) оба они являются синонимами и употребляются в значении 'голова', ' волосы'.

Вместе с тем они отличаются друг от друга стилистически, употребительностью, сочетаемостью с другими словами, а также грамматической предназначенностю. Слово kāl в значении 'голова' употребляется преимущественно по отношению к лицу-человеку, а kīl - к животным (ср. ш. tu kāl dārō kīxt 'у меня голова болит' - ш. yā žir bōd wi xīj kīl-and 'камень угодил в голову быка'; ш.-бдж. kīl-at pōlčak, р.-х. kōl-at palčak 'голова и ножки (животных)'. Форма kāl, будучи центральной к родовому изменению, широко употребляется в значениях наречия и послелога: ш. kāl-and-um turd luvjat 'вначале я тебе сказал'; бдж. kāl as bağr-at yu yat 'в начале весны он приехал'. При употреблении kāl в словосложении в качестве послелога начальный k- может озвончаться: ш. sut tar wam

wēs-čāl 'помял он к краю артика'; ш. ri zimə kāl yāl xist 'в верхней части участок земли еще влажный'.

На основе существительного kīl (ш.-бдк.), kol (р.-х.), kōl (б.-ршв.) 'голова' возникло прилагательное со значением 'безрогий' с родовым изменением (только в шугнанском и баджувском не различается род): р.-х. kol, б.-ршв. kōl, ш.-бдк. kīl 'безрогий', жен. р.-х., б.-ршв. kēl, ш.-бдк. kīl; р.-х. kol ḫōj (mawōj), б.-ршв. kōl ḫōj (mawōj), ш.-бдк. kīl ḫīj (ш. miwīj, бдк. miwīj) 'безрогий бык (баран)', жен. р.-х. kēl ḫōw (vaz), б.-ршв. kēl ḫāw (vaz), ш.-бдк. kīl ḫōw (vaz) 'безрогая корова (коза)'.

§ 205. В связи с этим остается спорным и нерешенным вопрос об источнике возникновения родовых формантов муж. р. ш.-бдк. -gīl, р.-х. -gol, б.-ршв. -gōl и особенно общей для всех языков формы жен. рода -gāl.

Следует напомнить, что исследователи шугнано-рупанской группы языков (в том числе и автор данной работы) при разъяснении вопроса о происхождении указанных родовых показателей придерживались мнения о том, что эти форманты возникли от совпадающих по согласованию значимых лексем со значением 'голова' по следующей схеме ш.-бдк. -gīl от kīl, р.-х. -gol от kol, б.-ршв. gōl от kōl, а общий для всех языков формант жен. рода -gāl от kāl (Карамшев, 1963, 95; Файзов, 1966, 18; Карамхудоев, 1973, 62; Курбанов, 1976, 63).¹

Бесспорным по-прежнему можно считать то, что формант муж. рода возник от kīl (ш.-бдк.), kol (р.-х.) и kōl (б.-ршв.), но от какого именно — от существительного или же от прилагательного? Происхождению форманта жен. рода -gāl от -kāl препятствует еще тот логически неуязвимый факт, что существительное kāl, относящееся к мужскому роду, не должно было бы превратиться в показатель жен. рода.

Исходным источником форманта муж. рода ш.-бдк. -gīl, р.-х. -gol, б.-ршв. -gōl можно считать не прилагательное, а существительное, главным образом, на том основании, что формант жен. рода -gāl не имеет непосредственной этимологической связи с kāl (если происхождение родовых формантов связывать с вышеупомянутым дифференцированным по роду прилагательным, то развитие могло осуществиться примерно следующим

образом: прилагательное ш.-бдк. kīl, р.-х. kol, б.-ршв. kōl, соответственно дало бы ш.-бдк. -gīl, р.-х. -gol, б.-ршв. -gōl, а форма жен. рода могла возникнуть так: ш.-бдк. kīl, kāl > -gāl; р.-х., б.-ршв. kēl > gēl). Однако поскольку для жен. рода имеем -gāl (а не -gēl), то это наряду с семантической удаленностью (ср. 'безрогий' и 'голова') свидетельствует о происхождении родовых показателей от существительного.

Что касается происхождения форманта жен. р. -gāl, то он возможен по аналогии с моделями а-огласовки жен. рода типа ш.-бдк. xidār 'старшая' к муж. xidir 'старший', ш. čāy, бдк., р.-х., б.-ршв. čāw 'полосатая' к муж. ш. čūy, бдк. čuw, р.-х. čāw, б.-ршв. čōw 'полосатый'; р. rāst 'красная' к муж. rost 'красный').

§ 206. Вышеупомянутые родовые показатели присоединяются к некоторым качественным прилагательным и образуют сложные различающиеся по роду прилагательные. В сочетании с недифференцированными по роду простыми прилагательными указанные форманты являются единственными средствами различения рода: ш.-бдк. tērgīl, р.-х. tērgol, б. tōrgōl 'черноголовый', жен. ш.-бдк. tērgāl, р.-х. tērgāl, б. tōrgāl 'черноголовая'; ш.-бдк. zīrdgil, р.-х. zīrdgol, б.-ршв. zīrdgōl 'рыжий', жен. ш.-р. gr. zīrdgāl 'рыжан'; ш.-бдк. safēdgīl, р.-х. safēdgol, б.-ршв. safēdgōl 'беловолосый', 'серый'; жен. ш.-р. gr. safēdgāl 'беловолосая', 'серая', 'старуха'.

В сочетании с дифференцированными по роду прилагательными осуществляется двойное выражение рода и полное согласование различающих род компонентов: ш.-бдк. rūštgil, р. rošt-gol, б.-ршв. rošt-gōl 'красноголовый', 'рыжий', жен. ш.-бдк. rošt-gāl, р. б.-ршв. rāstgāl 'красноголовая', 'рыжая', ш. žulikgil, бдк. bucikgil, р.-х. bucikgol, б.-ршв. žulikgōl 'с маленькой головой' (о мужчине), жен. ш. žalikgāl, б.-ршв. ži-ligāl 'с маленькой головой' (о женщине).

Во множественном числе родовая дифференциация не сохраняется и употребляется только форма жен. рода при именах (спределяемых) как муж., так и женского рода: ш. zīrdgāl būčakēl 'желтоголовые козлы'; ш. zīrdgāl vāzen 'желтоголовые козы'.

Формант *-gal* используется еще в качестве отымененного послелога: ш.-р.гр. *tāxgal* 'край камня', 'вершина горы'; ш.-бдж. *wēbgāl*, р.-х. *wēbgāl*, б.-ршв. *wōbgāl* 'край арыка', 'у арыка'.

§ 207. В целом о родовых формантах *-bic(ik)*/ жен. *-bic(ik)* и ш.-бдж. *-gil*, р.-х. *-gol*, б.-ршв. *-gol*/жен. *-gal* можно заключить следующее. Родообразовательная способность рассмотренных формантов неодинакова. Отличительной чертой каждой родовой пары является:

1) *-bic(ik)*, жен. *-bic(ik)* выделяются наиболее последовательным употреблением и выражением различных грамматических функций (рода, уменьшительности, ласкательности, единичности и множественности). Эти форманты в отличие от остальных показателей сохраняют родовую дифференциацию также и при образовании мн. числа существительных и поэтому сближаются с некоторыми первичными суффиксами, такими как напр. ш.-бдж. *-ej*, р.-х., б.-ршв. *-ij*, жен. ш.-бдж. *-e3*, р.-х., б.-ршв. *-i3*.

2) показатели ш.-бдж. *-gil*, р.-х. *-gol*, б.-ршв. *-gol*, жен. ш.-р.гр. *-gal* образуют лишь определенную (в семантическом отношении) группу прилагательных и в отличие от первых форма жен. рода может употребляться также и при образовании мн. числа существительных как мужского, так и женского (ш.-бдж. *tārgāl bučen* 'черноголовые козлы', *tārgāl vazēn* 'черноголовые козы').

§ 208. Переход значимых слов в показатели категории рода можно считать живым явлением. Подобная трансформация распространяется даже на заимствованные лексические и грамматические единицы, обозначающие пол в тех языках, откуда они заимствуются.

Для различия собственных мужских имен широко используются компоненты *šō*, *šō*, *šā* (из перс., тадж. *šoh*, *šah* 'шах', 'правитель'), *bēk*, *bayg* (из тюрк. *bek* 'правитель'), а в женских собственных именах употребляется *mō* (из перс., тадж. *moh*, *māh*, др.-ир. *māh-* 'месяц', 'луна'), *bēgim* (из тюрк. *begim* 'госпожа'). Адаптация этих лексем происходила в различные исторические эпохи, в результате чего на базе одного и того же исходного слова возникли и развились разные фонетические

и семантические варианты не только при именах собственных, но также и при их свободном употреблении (см. еще § 30); ср. ш.-р. *šō* 'духовное лицо' и *šā* 'правитель' (мн. число *šayēn*). Слово *bēk* в значении 'правитель' во всех языках было принято без изменения, однако при использовании его в качестве собственных мужских имен или их компонента в рушанском, хуфском, бартангском и роморвском претерпело фонетическое изменение и реализуется в форме *bayg*: *Nazarbayg*, *Sōbayg* при ш.-бдж. *Nazarbēk*, *Sōbēk*.

Широкому распространению и родовой закрепленности компонента *mō* (из тадж. *moh* 'месяц', 'луна') при женских собственных именах наряду с заимствованием самих женских имен, очевидно, способствовал еще тот факт, что исконный эквивалент-синоним ш.-бдж. *mēst*, р.-х. *mēst*, б.-ршв. *mōst* 'месяц', 'луна' (из **masti-*, хот. *māstā-*, др.-инд. *mās-*) и синхронно и исторически относится к жен. роду (ср. ш.-бдж. *mēst* *nōst*, р.-х. *mēst* *nāst* 'луна взошла' - муж. ш.-бдж. *nūst*, р.-х. *nōst* 'сел', 'взошел').

Все эти форманты активно участвуют в образовании соответствующих мужских и женских имен.

§ 209. Собственные имена с компонентами муж. *šō*, жен. *mō*:

Мужские имена ш.-р.гр.	Женские имена ш.-р.гр.
<i>Ajabšō</i>	<i>Ajabmō</i>
<i>Dawlatšō</i>	<i>Dawlatmō</i>
<i>Nazaršō</i>	<i>Nazarmō</i>
<i>Niyōzšō</i>	<i>Niyōzmō</i>
<i>Parpišō</i>	<i>Parpimō</i>
<i>Sayidšō</i> (ш. также <i>Sayīdšō</i>)	<i>Sayidmō</i> (ш. также <i>Sayīdmō</i>)
<i>Qurbōnšō</i> (ш.-бдж. <i>Qurbunšō</i>)	<i>Qurbōnmō</i> (ш.-бдж. <i>Qurbunmō</i>)
<i>Sōdawlat</i>	<i>Mōdawlat</i>
<i>Sōjōn</i> (ш.-бдж. <i>Sōjun</i>)	<i>Mōjōn</i> (ш.-бдж. <i>Mōjun</i>)

и т. п.

§ 210. Собственные имена с компонентами Муж. ъек/ ѿен.

begin:

Мужские имена

и.-бдх. ғ.-х., б.-рив.

Awōbék
Am̄ibék
Baxtibék

Watanbék
Gulbék
Dawlatbék
Yörbék
Lālbék
Marōdbék
Nazarbék
Özödbék
Rawšanbék
Sayidbék
Siltubék

Sōbék
Xōjabék // Xūjabék
Qirvızbék, Qarvızbék

Женские имена

и.-р.рв.

Awōbayg
Am̄ibayg
Baxtibayg

Watanbayg
Gulbays
Dawlatbayg
Yörbayg
Lālbays
Marōdbays
Nazarbays
Özödbays
Rawšanbays
Sayidbays
Siltobays

Sōbayg
Xōjabayg
Qirvızbayg

ода.. уа хи ріа-ува са, wi jinow qobii, at k-am tu рис има хи nan-uf, wim jinow nošud 'она' поскольку папина дочка - способная, а вот этот твой сын - мамин сын, как и она - неспособный'.

Как видим, для выражения категории рода легко усваиваются и применяются наряду с исконными, также и заимствованные форманты.

§ 212. Изменяющиеся по родам качественные прилагательные входят в состав сложных слов и сохраняют функцию выражения рода в сложных существительных и прилагательных.

Качественное прилагательное со значением 'пестрый', 'полосатый' (см. табл. 54) выделяется среди прочих изменяющихся по роду слов данного класса тем, что оно в известной мере грамматизовано и поэтому может быть рассмотрено как формант и уточнитель рода в системе сложных прилагательных. Оно приымкает почти ко всем качественным прилагательным, обозначающим цвет или масть. Четко выделяется также его место в сложных прилагательных: ему всегда предшествует другое прилагательное,¹⁶ с которым оно сочетается; перестановка компонентов в данном случае недопускается. Структурное изменение (регулярное озвончение ё в ѕ) также может свидетельствовать о грамматизации указанного прилагательного (см. табл. 54).

Таблица 54

Язык	Исходная форма		При словообразовании	
	муж.р.	жен.р.	муж.р.	жен.р.
и.	čūj	čāj	-jūj	-jaʃ
бдх.	čuw	čaw	-juw	-jaw
ғ.-х.	čuw	čaw	-juw	-jaw
б.-рив.	čow	čaw	-jow	-jaw
	'пестрый', 'полосатый'	'пестрая', 'полосата'		

¹⁶ Однако в сочетании с именами существительными рассматриваемое прилагательное, как, впрочем, и все остальные,

для нас важно переосмысление этих заимствованных суффиксов; они употребляются соответственно в значениях 'сын' и 'дочь' и могут служить для родового различия лиц без уточнения собственного имени. Об этом свидетельствуют следующие примеры: и. ки lāv, tō-t či'-učnā'skajı: чья ты дочь?; wuz as-kā fanum yu či'-yuf 'откуда мне знать - чей он сын?'; 280

§ 213. По нашим материалам, указанная здесь форма входит в состав восьми прилагательных. Если предшествующий компонент-прилагательное имеет родовое различие, то достигается полное родовое согласование, т.е. формант муж. рода прымкает к прилагательному муж. рода, а формант жен. рода - к прилагательному жен. рода. Родоразличительная значимость более наглядно проявляется при сложении с недифференцированными по роду прилагательными, где рассматриваемый формант является единственным средством различения рода. Приводим перечень засвидетельствованных сложных прилагательных:

ш.	бдк.	р.-х.	б.-рмв.	Букв.перевод
m. čū́y-mil-jū́y,	čuw-mil-	čuw-mil- ^{juw}	čow-mil- ^{juw}	'полосатый', 'пестрый'
x. čā́y-mil-jā́y,	čaw-mil-	čaw-mil- ^{juw}	čaw-mil- ^{jāw}	
m. vū́r-jū́y,	vur-juw	vūr(a)- ^{juw}	vūr(a)- ^{juw}	'буро-пест- рый', 'пестрый, с бурым оттенком'
x. vur-jā́y,	vur-jāw	vūr(a)- ^{jāw}	vūr(a)- ^{jāw}	
m. tḗr-jū́y,	tēr-juw	tēr(a)- ^{juw}	tōr(a)- ^{juw}	'черно-пест- рый'
x. tēr-jā́y,	tēr-jāw	tēr(a)- ^{jāw}	tōr(a)- ^{jāw}	
m. zīrd-jū́y,	zīrd-juw	zīrd(a)- ^{juw}	zīrd(a)- ^{juw}	'желто-пест- рый'
x. zīrd-jā́y,	zīrd-jāw	zīrd(a)- ^{jāw}	zīrd(a)- ^{jāw}	
m. safē-jū́y,	safē-juw	safē- ^{juw}	safē- ^{juw}	'бело-пест- рый'
x. safē-jā́y,	safē-jāw	safē- ^{jāw}	safē- ^{jāw}	'полосатый'
m. xīn-jū́y,	xīn-juw	xīn(a)- ^{juw}	xīn(a)- ^{juw}	'серо-пест- рый'
x. xīn-jā́y,	xīn-jāw	xīn(a)- ^{jāw}	xīn(a)- ^{jāw}	

стоит на первом месте; ср. ш. čā́y-dūd, бдк. čaw-dūd 'сорт тутовых ягод полосатого цвета', ш. čū́y-bošā, бдк. čuw-bošā 'вид удода'.

m. rū́st-jū́y,	rū́st-juw	p. rošt(a)- ^{juw}	rōst(a)- ^{juw}	'красно- пестрый', 'светло-бу- рый'
x. rū́st(a)- ^{juw}				
x. rōst-jā́y	rōst-jāw	p. rāst(a)- ^{jāw}	rāst(a)- ^{jāw}	
x. rōst(a)- ^{jāw}	rāst(a)- ^{jāw}			
m. sāv̄-jū́y,	sāv̄-juw	sāv̄(a)- ^{juw}	sāv̄(a)- ^{juw}	'зелено- пестрый'
x. sāv̄-jā́y	sāv̄-jāw	sāv̄(a)- ^{jāw}	sāv̄(a)- ^{jāw}	
m. qimīr-jū́y	qamīr-juw	qamora(a)- ^{juw}	qamōr(a)- ^{juw}	'с белой по- досой по хи- ноту!', 'поло- сатый'
x. qamār-jā́y	qamār-jāw	qamār(a)- ^{jāw}	qamār(a)- ^{jāw}	
При множественном числе существительных мужского и жен- ского рода употребляется, главным образом, прилагательное в форме женского рода. Однако использование прилагательных в форме муж. рода также допускается. Примеры сочетания диффе- ренцированных по роду прилагательных с существительными мн. ч. муж. рода: ш. zīrd-jā́y (// zīrd-jū́y) bučēn, бдк. zīrd-jāw (// zīrd-juw) bučēn 'рыжие козлы'; ш. rōst-jā́y (// rū́st-jū́y) xājēn, бдк. rōst-jāw (// rū́st-juw) xājēn 'светло-бурые быки'; ш. tēr-jā́y (// tēr-jū́y) mižižēn, бдк. tērjāw (// tēr-juw) mi- wajēn 'полосатые бараны'.				

§ 214. Важно отметить, что при форме мн. числа неодув-
щевленных существительных определяемых мужского рода употре-
бляются преимущественно форманты муж. рода: ш. safē-jū́y mō-
sēn, бдк. safē-juw mōsēn 'желтые посохи (палки)'; ш. zīrd-
jū́y kōlayēn, бдк. zīrd-juw kōlayēn 'желтые ткани'; ш.
tēr-jū́y pūstēn, бдк. tērjūw pūstēn, р.-х. tēr-jūw pūstēn,
tōr-jōw pūstēn 'полосатые шкуры'.

При существительных определяемых мн.ч. женского рода
(как одушевленных, так и неодушевленных) закономерно исполь-
зуются только прилагательные в форме жен. рода: ш. rōst-jā́y
pilēsēn, бдк. rōst-jāw palēsēn, р., б.-рмв. rāsta-jāw pale-

sēn 'краснополосые паласы'; ш. tēr-jaʃ̥ cōdarēn, бдх. tēr-jaʃ̥ cōdarēn, р.-х. tēr-jaʃ̥ cōdarēn, б.-ршв. tōr-jaʃ̥ cōdarēn 'полосатые простыни'; ш. tēr-jaʃ̥ vāxēn, бдх. tēr-jaʃ̥ vāxēn, р.-х. tēr-jaʃ̥ vāxēn, б.-ршв. tōr-jaʃ̥ vāxēn 'полосатые веревки'; ш. zīrd-jaʃ̥ vāzēn, бдх., р.-х., б.-ршв. zīrd-jaʃ̥ vāzēn 'козы с рыжими полосами', 'желтые козы' и т.п.

Выражение рода в сложных именах

§ 215. Совершенно неизученным является вопрос родовой принадлежности сложных имен – как существительных, так и прилагательных. Анализ материалов свидетельствует о том, что если родовая принадлежность простых существительных основывается на характере их огласовок и семантических особенностях, то отнесенность сложных имен к тому или другому роду в целом связано с местом, порядком и различаемостью по роду компонентов, входящих в состав сложных слов. При этом родовая отнесенность сложных прилагательных осуществляется исключительно дифференцированными по роду компонентами (типа kat-бūš 'короткохвостый', жен. kat-бūš 'короткохвостая'), однако род сложных существительных наряду с родовыми компонентами может быть выражен также компонентами, не имевшими морфологического оформления.

Поскольку изменяющиеся по роду качественные прилагательные в количественном отношении преобладают над дифференцированными по роду существительными, то аналогичная неравномерность прослеживается также и в словообразованиях. Различающие род одноосновные прилагательные играют относительно большую роль в грамматическом оформлении сложных имен по роду. К тому же любое сложное изменяющееся по роду прилагательное при отсутствии определяемого-существительного легко субстантивируется.

§ 216. Весьма продуктивно образование сложных прилагательных по модели: дифференцированное по роду прилагательное + недифференцированное по роду имя существительное или же вообще любое другое слово неименного происхождения. В качестве родоразличающего средства выступает предшествующий ком-

понент, т.е. прилагательное. Наиболее употребительными при словосложении являются следующие различающие род прилагательные (после каждого различающегося по роду прилагательного даются сложные прилагательные): муж. род: ш.-бдх., х. rōst, р. rošt, б.-ршв. rošt, жен. ш.-бдх., х. rōst, р., б., ршв. rāst 'красный', 'красная'; ш.-бдх. bāq, р.-х. bāq, б.-ршв. bāq/жен. ш.-бдх. bāq, х. bāq, р.-х., б.-ршв. bēq 'выпуклый', 'круглый'; ш.-р.гр. žurn/жен. žurn 'круглый'.

Муж. род	Жен. род	Перевод (в муж. р.)
ш.-бдх. rōs(t)-tōqi	rōs(t)-tōqi	в красной тюбетейке, букв. 'красно-тюбетечный' (tōqi 'тюбетейка' – х.р.)
х. rōs(t)-tōqay	rōs(t)-tōqay	
р. rošt-tōqay	rašt-tōqay	
б. rošt-tōqil	rašt-tōqil	
ршв. rošt-tōqi	rašt-tōqi	
ш.-бдх. rōst-bīc	rōst-bīc	краснолицый (-bīc < pīc, -bēc < pēc, -bæc < pæc 'лицо' – м.р.)
х. rōst-bæc	rošt-bæc	
р. rošt-bēc	rašt-bēc	
б.-ршв. rošt-bēc	rašt-bēc	
ш.-бдх., х. rōst-kurtā	rošt-kurtā	в красном платье (рубашке) (kurtā – 'рубашка', 'сороч-ка' – м.р.)
р. rošt-kurtā	rašt-kurtā	
б.-ршв. rošt-kurtā	rašt-kurtā	
ш.-бдх., х. rōst-pūk	rošt-pūk	одетый в красное (pūk – из тадж. pūs- 'одетый')
р. rošt-pūk	rašt-pūk	
б.-ршв. rošt-pūk	rašt-pūk	
ш.-бдх. rōst-pāli	rošt-pāli	краснолицый;
х. rōst-pālaw	rošt-pālaw	краснобокий (pāli, pālaw 'бок' – м.р.)
р. rošt-pālaw	rašt-pālaw	
б. rošt-pāli	rašt-pāli	
ш.-бдх. rōst-nūl	rošt-nūl	красноклорый (nūl, nūl 'клор' – м.р.)
р. rošt-nūl	rašt-nūl	
х. rōst-nūl	rošt-nūl	

ш.-бдх.	rūst-sit	rōst-sit	с красной почвой,
х.	rūst-sit	rōst-sit	красноземельный (sit 'почва', 'земля' - м.р.)
р.	rošt-sit	rašt-sit	
б.-ршв.	rošt-sit	rašt-sit	
ш.-бдх.	rūst-nēz	rōst-nēz	красноносый (nēz, nēz, nōz 'нос' - х.р.)
х.	rūst-nēz	rōst-nēz	
р.	rošt-nēz	rašt-nēz	
б.-ршв.	rošt-nōz	rašt-nōz	
ш.-бдх.	rūst-zēm	rōst-zēm	красноглазый (zēm < cēm, zām <cām 'глаз' - м.р.)
х.	rūst-zām	rōst-zām	
р.	rošt-zām	rašt-zām	
б.	rošt-zām	rašt-zām	
ш.-бдх.	buq-nēz	baq-nēz	курносый, носатый
р.	boq-nēz	bēq-nēz	(nēz, nēz 'нос' - х.р.)
х.	boq-nēz	bæq-nēz	
б.	buq-nōz	bēq-nōz	
ш.-бдх.	buq-mīd	baq-mīd	горбатый, сгорблен-
ршв.	buq-mēd	bēq-mīd	ный (mīd, mēd 'пояс- ница' - х.р.)
х.	boq-mēd	bæq-mēd	
р.	boq-mēd	bēq-mēd	
ш.-бдх.	buq-nūl	baq-nūl	тупоклювый (nūl, nūl 'клюв' - м.р.)
б.-ршв.	buq-nūl	bēq-nūl	
х.	boq-nūl	bæq-nūl	
р.	boq-nūl	bēq-nūl	
ш.-бдх.	žurn-bīc	žarn-bīc	круголицый (bīc < pic, bēc <pēc, bæc < pæc 'лицо' - м.р.)
р.	žurn-bēc	žarn-bēc	
х.	žurn-bæc	žarn-bæc	
б.-ршв.	žurn-bēc	žarn-bēc	

§ 217. В редких случаях прослеживается образование сложных прилагательных от существительного или прилагательного + дифференцированное по роду причастие прош. времени или пер-

фектная форма.

	Муж. род	Жен. род	Перевод (в муж. р.)
ш.-бдх.	mīd-zidušč	mīd-zidišč	'с большой (повре- денной) поясницей', перен. 'ленивый'
р., б.	mēd-zidušč	mēd-zidišč	
ш.-бдх.	χip-đōđjin,	χip-đēcin	'приземистый, с опу- щенной головой'
р.	rax-đōđjin	rax-đēcin	
б.	χip-đōđjin,	χip-đēcin	
	rax-đōđjin	rax-đēcin	

§ 218. В рошорвском языке в ряде случаев недифференцированные по роду имена при словосложении подвергаются родовому изменению:

	Муж. род	Жен. род	Перевод (в муж. р.)
ршв.	tōra-jōw	tara-jaw	пестрый, пятнистый (tōr 'черный', 'чер- ная')
	tōr-wōl	tār-wēl	одетый в черное
	kata-zām	kata-zēm	большеглазый (kata 'большой', 'боль- шая')
	žilōq-zām	žileq-zēm	пучеглазый

Иногда различающие род компоненты в составе сложных прилагательных меняют прежнюю родовую модель; ср. ршв. kut-bum 'короткохвостый', жен. kit-bum при ршв. kut 'короткий', х. kat.

Все это свидетельствует об особом пути развития категории рода в рошорвском (ср. §§ 8I-9I).

§ 219. Приведенные сложные прилагательные, выступая в качестве определения, согласуются по роду с именами существительными-определяемыми и тем самым последние получают синтаксическое родовое оформление. Формы муж. рода предшествуют существительным муж. рода (ш. kut-bum χīj 'короткохвостый бык'; rūst-sit wiōg 'холм с красной землей'), а перед существительными-определяемыми жен. рода употребляются формы жен.

рода (ш. kat-öüm žöw 'короткохвостая корова', rošt-sit zimc 'участок земли с красной почвой').

При отсутствии определяемого каждое прилагательное отражает род подразумеваемого существительного: ш. уи гüst-püx čay wëv xëz vud 'кто был рядом с ним (тот) в красной одежде?', ш. yä rošt-püx ida di žin 'та, одетая в красное - его жена'.

Некоторые родовые формы используются и как названия предметов (чаще живых существ): ш.-бдх. rüst-öümak, rošt-öümak, б. gašta-öüm 'горихвостка', 'краснохвостка' (название птицы).

Недифференцированные по роду сложные прилагательные одновременно сочетаются и с существительными муж. и жен. рода;ср. ш. vür-bic mižiž 'буровоголовый баран', vür-bic taž 'буровоголовая овца'; ш. zürd-pük mardina 'мужчина, одетый в желтое', zürd-pük kaxöy 'женщина, одетая в желтое'.

§ 220. Весьма важным и интересным представляется проявление рода в системе сложных существительных. С точки зрения наличия или отсутствия морфологических показателей можно констатировать, что более распространенным является образование сложных существительных от недифференцированных по роду компонентов.

Среди незначительных по количеству родовых существительных выделяются две группы.

§ 221. Первая группа образуется по модели рассмотренных выше сложных прилагательных и формально отличается тем, что в данном случае родовое противопоставление коррелятов не имеет места.

Словосложение осуществляется присоединением к существительному того или иного рода соответствующего по роду оформленного прилагательного: ш. cäk-mün, бдх. cäk-mün, х. cäk-mün, р. cäk-mawn 'сорт яблока с кислым вкусом' (из cäk 'горькая', 'кислая' к муж. ш.-бдх. cäk, р.-х. coč, б.-ршв. cōč 'кислый', 'горький' и ш. müñ, бдх. müñ, х. müñ, р. müñ 'яблоко' - х.р.); ш.-бдх. cäk-noš, х. coč-noš 'сорт абрикоса с горькими зернышками', ш.-бдх. xäy-noš, х. xoč-noš 'сорт абрикоса со сладкими зернышками' (xäy 'сладкая' к муж. ш.-бдх. xiž, х. xoč 'сладкий', ш.-бдх. noš 'абрикос' - х.р., х.

² nüs - м.р.).

§ 222. Вторая группа имен существительных характеризуется сложением двух существительных, из которых только второй компонент различает род. При этом для существительных, обозначающих животных, возможно образование родовых пар и, стало быть, противопоставление слов по роду:

Муж.род	Перевод	Жен.род	Перевод
ш.-р.гр. xöy-bis	дикий кот ¹⁷	xöy-bis	диная кошка
ш.-р.гр. našcır-gui	козленок (горного козла)	našcır-giј	козочка
ш.-р.гр. našcır-bis	горный козел	našcır-vaz	горная коза
ш.-бдх. xükgow-xiž	як-самец, букв. "ячий бык"	xükgow-žow	ячиха, як-самка, букв. "ячья корова"
р.-х. xäkgow-xoј		xäkgow-žow	
б.-ршв. xäkgow-xoј		xäkgow-žaw	
р.-х. xäkgow-šeč	детеныш яка (самец, букв. "ячий теленок")	xäkgow-šeč	детеныш яка (самка), букв. "ячья телка"
б.-ршв. xäkgow-šeč		xäkgow-šeč	
ш.-бдх. xükgow-šíg		xükgow-šíg	

В шугманском и баджувском, как видим, в последнем слове не различается род (ш.-бдх. šig означает и 'теленок', и 'теля!').

Есть также случай, когда оба компонента содержат морфологические показатели рода:

р.-х. šor-bung	'осленок', 'ослик'	šär-bing	'ослица', 'маленький ослик-самка'
б.-ршв. šör-bung		šär-bing,	

¹⁷ Так традиционно переводится это слово, означающее букв. "скальный кот". Есть основания считать, что это не 'дикий кот' (?), а, возможно, барсук, так как на местных тадж. диалектах это животное называется gurkovuk, gurkan букв. "раскальзывающий могильы" (ср. W.B.Henning. Zoroaster. Oxford, 1951, p.23). Прим.ред. (И.С.-К.).

§ 223. Для неодушевленных сложных существительных коррелятивное образование родовых пар не наблюдается; при словосложении, как правило, соблюдается согласование по роду сочетаемых компонентов, т.е. форма муж. рода сочетается с существительными муж. рода, а к именам жен. рода применяет родовой компонент того же жен. рода; ср. р.-х. kurta-loq, б. kurta-löq 'обноски платья', 'старое платье', р.-х. püstlin-loq, б. püstlin-löq 'старая шуба', р.-х., б. namad-leq 'старая кошма', 'остаток кошмы' (kurta 'платье', 'рубашка', püstlin 'шуба' - м.р., namad 'кошма' - х.р.).

§ 224. Особый интерес представляет определение рода сложных существительных, образованных от не различающих род компонентов. К тому же важно определить грамматическую нагрузку каждого компонента при уточнении рода сложных слов и проследить закономерности не только в родовой соотнесенности сложных имен, но также и в сочетаемости их компонентов. Образование сложных существительных может осуществляться сочетаемостью компонентов, принадлежащих в отдельности и к одному и тому же роду (типа ш.-бдж. xičif-büst, р.-х. xičof-büst 'шкура сурка', где оба компонента относятся к муж. роду), и к разным родам (типа ш.-бдж. pulk-žir, р. pulk-žer 'наковальня из камня', где pulk 'молот' - муж. р., a žir, žer 'камень' - жен. р.). Род сложного слова зависит от рода последующего компонента, поэтому из только что указанных сложных имен первое относится к муж. роду, а второе - к женскому, что доказывается, как правило, синтаксически; ср. ш. уи xičif-büst cui-sut 'порвалась шкура сурка' - ш. уа pulk-žir viraxt 'треснула каменная наковальня (уи... sut - муж. р. к жен. уа... sat; уа... viraxt - жен. к муж. уи... viraxt).

§ 225. Сочетание существительных и мужского, и женского рода с последующим существительным муж. рода в целом относится к муж. роду:

Имена муж. рода

ш.-бдж. maħ-jüsč
р.-х. maħ-jošč

Перевод и род компонентов

смесь гороха с ячменем (maħ 'горох' - х.р., cüsč, cüsč 'ячмень' - м.р.).

ш.-бдж.	ħar-bun	корень шиповника (ħar, aħar, 'шиповник' - х.р., bun 'корень' - м.р.)
р.-х.	aħar-bun	
ш.-бдж.	feħ-jün, feħ-jänd	место для сброса золы и мусора (feħ, aseħer 'зона' - м.р., jün, jänd 'место' - м.р.)
р.	asēr-jänd	
ш.-бдж.	maħ-żōw	жатва гороха (maħ 'горох' - х.р., żōw, cayiż 'жатва' - м.р.)
р.-х.	maħ-cayiż	
ш.-бдж.	wōħ-żōw	сенокос (wōħ 'сено' - м.р.)
р.-х.	wōħ-cayiż	
ш.-бдж.	(a)nōr-büst	кожура граната (anōr 'гранат' - х.р., püst 'кожура', 'шкура' - м.р.)
р.-х.	(a)nōr-büst	

§ 226. Родовая значимость последующего компонента (в данном случае компонента муж. рода) настолько сильна, что даже корреляты жен. рода, имеющие вне словосложения оппозицию по роду и полу, при указанном сочетании не могут влиять на род сложных имен. Поэтому и в данном случае сочетание имен и мужского, и женского рода с последующим существительным муж. рода согласуется, как и выше, по мужскому роду:

Имена муж. рода

ш.-бдж. giħ-büst

р.-х., б. giħ-büst

ш.-бдж. guj-büst

р.-х., б. guj-büst

ш.-бдж. žōw-büst

р.-х. žōw-büst

б.-ршв. žaw-büst

ш.-бдж. xiħ-büst

р.-х. xoħ-büst

б.-ршв. xoħ-büst

ш.-бдж. buč-büst

р.-х., б. buč-büst

Перевод и род компонентов

шкура козочки (giħ 'козочка' - х.р., püst, püst 'шкура' - м.р.)

шкура козленка (guj 'козленок' - м.р.)

шкура коровы (žōw, žaw 'корова' - х.р.)

шкура быка (xiħ, xoħ, xoħ 'бык' - м.р.)

шкура козла (buč 'козел' - м.р.)

ш.-блж. vaz- ² büst	шкура козы (vaz 'коза' - ж.р.)
р.-х., б. vaz-büst	

Все вышеприведенные сложные существительные сочетаются с показателями муж. рода, что и служит доказательством их отнесенности к муж. роду, например: ш. di giж-²büst ши-rd dák, xi рüstин-ard züy kínum 'дай мне эту (м.р.) козью шкуру, сделам рукав для своей шубы'; х. ku day тах-бój taraw vár, xárám day 'принеси-ка сюда тот (м.р.) вареный горох, съедим его (м.р.)'.

§ 227. Категория сложных существительных жен. рода связана также с родовой принадлежностью второго по месту компонента. Род предшествующего компонента также и здесь не играет никакой роли. Сочетание существительных и мужского и женского рода + существительное жен. рода идет по жен. роду.

Приводим примеры на сочетание сложных существительных из числа компонентов жен. рода:

Имена жен. рода	Перевод и род компонентов
ш.-блж. noš-хáрпá р. noš-хáрпá	похлебка с абрикосами (noš, noš 'абрикос', хáрпá, хáрпá 'похлебка' - ж.р.)
ш.-блж. kóči-хáрпá р.-х. kóči-хáрпá	густая похлебка, мучной кисель (kóči 'мучной кисель' - ж.р.)
ш.-блж. almós-žér р. almós-žér	кварц (almós 'алмаз', žér, zér 'камень' - ж.р.)
ш.-р.гр. бóу-хас	вода для чая (бóу 'чай', хас 'вода' - ж.р.)
ш.-блж. бóу-жáрвó р.-х. бóу-жáрвó	похлебка с пахтанием (бóу, бóу 'пахтание', жáрвó, жáрвó 'похлебка' - ж.р.)

§ 228. Сочетание существительного муж. рода + существительное жен. рода относится к женскому роду:

Имена жен. рода	Перевод и род компонентов
блж. náx-vidírm р.-х. nox-vidírm	венник для подметания пар (náx, nox 'нары' - м.р., vidírm, vidírm 'венник' - ж.р.)
ш.-блж. bün-жáрвó р.-х., б.-р.в. bün-жáрвó	мучной отвар, мучная похлебка (bün 'мука' - м.р., жáрвó, жáрвó 'отвар', 'бульон' - ж.р.)
ш.-блж. pürg-wiðič р. purg-wiðič р.в. purg-waðič	название воробья (pürg, purg 'мыши' - м.р., wiðič, waðič 'воробей' - ж.р.)
ш.-блж. xidgrj-žér р. xadurj-žér р.в. xadar(j)-žér х. xadurj-žær	жернов (xidgrj, xadurj 'мельница' - м.р., žér, žér, žær 'камень' - ж.р.)
ш.-блж. xüvd-хáрпá х. xüvd-хáрпá р. xüvd-хáрпá	молочный кисель, молочная похлебка (xüvd, xüvd 'молоко' - м.р., хáрпá, хáрпá 'похлебка' - ж.р.)
ш.-блж. бóст-хас х. бóст-хас р. бóст-хас б. бóст-хас	вода для мытья рук (бóст, бóст 'рука' - м.р.; хас 'вода' - ж.р.)
ш.-блж. kál-хéйт р.-х. kál-хéйт	корыто для мытья головы (kál 'голова' - м.р.; хéйт, хéйт 'корыто' - ж.р.)

В предложении приведенные выше имена получают синтаксическое оформление по жен. роду: р. dum almós-žér ши-ri dák 'дай мне этот (ж.р.) кварц'; ш. ar dam kál-хéйт-ta rüfök mis ziníyén 'в этом (ж.р.) предназначенном для мытья головы корыте также и белье стирают'.

§ 229. Сложные существительные, образованные от прилагательных + существительные муж. и жен. рода, также соответственно могут относиться в одном случае к муж. роду (если к этому роду принадлежит второй компонент), а в другом - к жен. роду. Примеры сложных существительных: а) мужского рода:

ш.-бдж., р.-х. sāvz-wṓk 'сено', zimār-wṓk 'солома', 'саман'; б) жен. рода: ш.-бдж. tēr-čṓy, talx-čṓy, р.-х. ter-čṓy, talx-čṓy 'черный чай', kābūt-čṓy 'зеленый чай', ш.-бдж. t̄-g-cirōw, ршв. tar-cirāw 'лучина', букв. "черная свеча" и т.п. Примеры во фразе: ш. parwōs mās-and sāvz-wṓk lap vúd-at zimār-wṓk dūs vud 'в прошлом году сена-то у нас много было (м.р.), а самана было (м.р.) мало'.

Таким образом, последующий компонент является регулятором родовой соотнесенности сложных существительных, в чем можно видеть аналогию суффиксальному способу выражения рода в именах.

§ 430. В целом о выражении рода имен существительных и прилагательных при суффиксации и словосложении можно заключить следующее:

1. Суффиксальный способ выражения рода является продуктивным средством различия рода в системе существительных и прилагательных.

2. При реализации первичных (исходных) родовых суффиксов между языками обнаруживаются значительные расхождения, о чем, в частности, свидетельствует наличие ряда изменяющихся по роду суффиксов в одном языке (ср. б. -ōk/жен. -ēk, -ōj/-ēj) или группе языков (ср. р.-х. -on, б.-ршв. -ōn/жен. -ān, р.-х. -ūč, б. -ōč/-ēč) и их полное или частичное отсутствие в других (в данном случае в шугнанском и баджувском); ср. р.-х. nawon 'плаксивый', жен. nawañ, б.-ршв. nawon/жен. nawāñ при одной не различающей род форме в шугн. nāwīj 'плаксивый', 'плаксивая'; р.-х. wafūč, б. wafōč 'ткач'/жен. wafēc 'ткачиха' при ш.-бдж. wāfīj 'ткач', 'ткачиха'. Это дает основание говорить об относительно большей морфологической возможности бартангского, роморвского, рушанского и хуфского. В то же время нельзя забывать о синтаксическом преимуществе шугнанского и его баджувского диалекта, где указательное местоимение (артикль) уи 'он', 'то(т)'/жен. ua 'она', 'та' при одной не различающейся по роду форме в остальных языках (р., б.-ршв. ua, x. uash 'он', 'она', ' тот', 'та') является регулярным уточнителем рода имен.

3. По употреблению отыменных родовых формантов все сравниваемые языки и диалекты в основном совпадают. Это может

свидетельствовать о позднем развитии этих различающих род показателей.

4. Переход значимых лексем в грамматический показатель рода можно считать живым явлением. Отмынные и глагольные форманты (типа -busc/-bic, -gil/-gal, -gol/-gal, -juš, -jušw/-jāv, -jāw, р.-х. -xur/-xer, -vir/-ver) играют весьма большую роль в родовом оформлении имен существительных и прилагательных. Последующий компонент сложных имен выступает в качестве уточнителя рода образованного слова. Это, как нам представляется, может и в дальнейшем способствовать пополнению числа родовых формантов за счет значимых слов.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев, 1953 - В.И.Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, М.-Л., 1958.
- Абаев, 1973 - В.И.Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. II, Л., 1973.
- Абиров, 1971 - А.Абиров. Аз таърихи адабиёти тоҷик дар Бадахшон, Душанбе, 1971.
- Абиров, 1972 - А.Хабиров. Генчи Бадахшон, Душанбе, 1972.
- Андреев, 1953 - М.С.Андреев. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-дарьи), вып. I, Сталинабад, 1953.
- Андреев, 1958 - М.С.Андреев. Таджики долины Хуф (Верховья Аму-дарьи), вып. II, Сталинабад, 1958 (Подготовлен к печати и снабжен примечаниями и дополнениями А.К.Писарчик).
- Бакаев, 1973 - Ч.Х.Бакаев. Язык курдов СССР. М., 1973.
- Бартоломе, 1904 - Chr. Bartholomae. Altiranisches Wörterbuch, Strassburg, 1904 (2 unveränderte Auflage, Berlin, 1961).
- Бахтибеков, 1974 - Т.Бахтибеков. Грамматика шугнанского языка, - Автореф. канд.дис., М., 1974.
- Боголюбов, 1960 - М.Н.Боголюбов. Согдийские документы с горы Муг (языковые данные).- XXI международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР, М., 1960.
- Боголюбов, 1963 - М.Н.Боголюбов. Местоимения в хорезмийском языке. - КСИНА, № 67 (Иранская филология), М., 1963.
- Бодырев, 1948 - А.Н.Бодырев. Бадахшанский фольклор, - Советское востоковедение , т.У.И., 1948.
- Бодырев, 1976 - Сказки народов Памира , Сост. и comment. А.Л.Грюнберга и И.М.Стеблин-Каменского, предисловие А.Н.Бодырева, М., 1976.

Бругман, 1904

- K.Brugmann. Die Demonstrativ pronomina der indogermanischen Sprachen (Eine bedeutungsgeschichtliche Untersuchung). "Abhandlungen der philologisch - historischen Klasse der königlich-sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften" (Leipzig), 1904, Bd. XXII, N VI.
- Виноградов, 1947 - В.В.Виноградов. Русский язык (Грамматическое учение о слове), М.-Л., 1947.
- Гейгер, 1898 - W. Geiger. Die Pamir-Dialekte, - "Grundriss der iranischen Philologie", Bd. I Abt, 2, Strassburg, 1898.
- Грюнберг, 1972 - А.Л.Грюнберг. Языки Восточного Гиндукуша. Мунджаханский язык. Л., 1972.
- Грюнберг, Стеблин-Каменский, 1976 - А.Л.Грюнберг, И.М.Стеблин-Каменский. Языки Восточного Гиндукуша. Ваханский язык, М., 1976.
- Дворянков, 1960 - Н.А.Дворянков. Язык пушту. М., 1960.
- Додыхудоев, 1962 - Р.Х.Додыхудоев. Материалы по исторической фонетике шугнанского языка. Душанбе, 1962.
- Додыхудоев, 1975 - Р.Х.Додыхудоев. Памирская микротопонимика (Исследование и материалы), Душанбе, 1975.
- Дьяков, 1931 - А.М.Дьяков. Языки Советского Памира, - Культура и письменность Востока , кн.Ю. М., 1931.
- Есперсен, 1922 - O.Jespersen. Symbolic value of the vowel i. Philologica I, 1922.
- Ефимов, 1975 - В.А.Ефимов. Категория рода, - Опыт историко-типологического исследования иранских языков , т. II, М., 1975.
- Залеман, 1895 - К.Г.Залеман. Шугнанский словарь Д.Л. Иванова, - Восточные заметки. Сб. факультета восточных языков , Спб., 1895.
- Зарубин, 1927 - Ив.Зарубин. К характеристике мунджаханского языка, - Сб. "Иран", т. I. Л., 1927.
- Зарубин, 1930 - И.И.Зарубин. Орошорские тексты и словарь. Памирская экспедиция 1928, Лингвистика, вып.IV, Л., 1930.

- Зарубин, 1937 - И.И. Зарубин. Бартангские и рушанские тексты и словарь. М.-Л., 1937.
- Зарубин, 1960 - И.И. Зарубин. Шугнанские тексты и словарь. М.-Л., 1960.
- Ибрагим, 1973 - М.Н. Ibrahim. Grammatical gender. Its origin and development. The Hague-Paris, Mouton, 1973.
- Искандаров, 1973 - Курбон Мухаммад-зода, Мухабатмох-зода. История Бадахшана. Издание текста, примечания и указатели А.А. Егани, предисловие Б.И. Искандарова. М., 1973.
- Исхаков, 1972 - М.М. Исхаков. Глагольные формы в согдаических документах с горы Муг. - Автореф. канд.дис., Ташкент, 1972.
- Карамхудеев, 1973 - Н.Карамхудеев. Бартангский язык (фонетика и морфология). Душанбе, 1973.
- Карамисев, 1963 - Д.Карамисев. Баджувский диалект шугнанского языка. Душанбе, 1963.
- Карамисев, 1970 - Д.Карамисев. О диалектном членении шугнанского языка. - Иранская филология, Душанбе, 1970.
- Карамисев, 1972a - Д.Карамисев. Грамматический род абстрактных имен в шугнано-рушанской группе. - С. Памирские языки и фольклор. I, Душанбе, 1972.
- Карамисев, 1972b - Д.Карамисев. О специфике заимствованных слов в памирских языках (на материале шугнанского языка). - Памирские языки и фольклор, I, Душанбе, 1972.
- Карамисев, 1974 - Д.Карамисев. К анализу структуры памирских пословиц в сравнении с таджикскими. - Взаимодействие литературы и фольклора, Душанбе, 1974.
- Карамисев, 1975a - Д.Карамисев. Выражение категории рода имен с помощью перегласовки в языках шугнанской группы. - Памироведение (вопросы филологии), Душанбе, 1975.
- Карамисев, 1975c - Д.Карамисев. О влиянии иноязычной среды на категорию рода в памирских языках. - "Тезисы докладов конф. по проблемам диалектологии и истории языка", Киминев, 1975.
- Карамисев, 1976 - Д.Карамисев. Изменение категории рода в сарыкольском под влиянием уйгурского языка. - Советская тюркология и развитие тюркских языков в СССР (тезисы докладов и сообщений). Алма-Ата, 1976.
- Карамисев, 1977 - Д.Карамисев. Новое в памирской филологии. - ВЯ, 1977, I.
- Каримова, 1975 - А.Каримова. Метафорические фразеологизмы рушанского языка. - Памироведение (вопросы филологии), Душанбе, 1975.
- Р.Кент, 1953 - R.Kent. Old Persian. 2 ed. New Haven, 1953.
- Курбанов, 1976 - Х.Курбанов. Роморвский язык. Душанбе, 1976.
- Курдоев, 1957 - К.К.Курдоев. Грамматика курдского языка. М.-Л., 1975.
- Ленц, 1933 - Lentz. Pamir-Dialekte, I. - Materialien zur Kenntniss der Schugni-Gruppe. Göttingen, 1933.
- Лившиц, 1956 - В.А.Лившиц. Указательные местоимения в афганском языке (пашто). - "Изв. АН Тадж. ССР. Отд-ние обществ. наук". Сталинабад, 1956, вып.9.
- Мандельштам, 1957 - А.М.Мандельштам. Материалы к историко-географическому обзору Памира и припамирских областей. Сталинабад, 1957.
- Мирзоуддинова, 1975 - С.Мирзоуддинова. Муносибати лексикии шевай Хуф ва забони рӯмонӣ. - Памироведение (вопросы филологии), Душанбе, 1975.
- Моргенштерне, 1938 - G.Morgenstierne. Indo-Iranian Frontier Languages. II, Oslo, 1938.
- Моргенштерне, 1942 - G.Morgenstierne. Iranica. - NTS, 1942, Bd. XII.

Моргенштерне, 1962	- G.Morgensti in -či, "Ir anian feminines rdica", Wiesbaden, 1973.	Писарчик, 1954	- А.К.Писарчик. Рушанские тексты, Стали- набад-Ленинград, 1954.
Моргенштерне, 1970	- G.Morgenstierne. The development of Iranian R + consonant in the Shughni group. - "W.B.Henning Memorial Volume". London, 1970.	Пулоди, 1954	- Тилло Пулоди. Назаре ба рубоиёти пешаз- революционни Бадахшон. - "Наҷмуаи ил- мии Институти давлатии педагогии Ду- шанбе", серияи филология, 4, Душанбе, 1954.
Моргенштерне, 1973	- G.Morgenstierne, Irano-Dardica, Wies- baden, 1973.	Пулоди, 1964	- Шоирони халқии Бадахшон. Чамъкунанда ва тартибидҳонда Тилло Пулоди. Душан- бе, 1964.
Моргенштерне, 1974	- G.Morgenstierne. Etymological Voca- bulary of the Shughni Group. Wiesba- den, 1974.	Расторгуева, 1964	- В.С.Расторгуева. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров, М., 1964.
Муравьева, 1976	- Н.А.Муравьева. Непозиционные чередо- вания фонем в шугнанском языке, - Ис- следования по структурной и приклад- ной лингвистике, М., 1976.	Расторгуева, 1967	- В.С.Расторгуева. Иранские языки, - Со- ветское языкознание за 50 лет, М., 1967.
Неменова, 1956	- Р.Л.Неменова. Кулябские говоры тад- жикского языка (северная группа).Ста- линабад, 1956.	Расторгуева, 1975	- В.С.Расторгуева. Вопросы общей эволю- ции морфологического типа, - В кн. Опыт историко-типологического иссле- дования иранских языков, т. I, М., 1975.
Оранский, 1960	- И.И.Оранский. Введение в иранскую фи- лологию, М., 1960.	Розенфельд, 1956	- А.З.Розенфельд. К вопросу о памирско- таджикских языковых отношениях. - "Тру- ды Института языкознания АН СССР", т. VI, М., 1956.
Оранский, 1974	- И.И.Оранский. Из заметок о новых со- ветских работах по иранской диалекто- логии, - НАА, 1974, № I.	Розенфельд, 1963	- А.З.Розенфельд. Таджикские говоры Со- ветского Бадахшана и их место среди других языков на Памире. - "Вестник ЛГУ", № 20, серия истории, языка и ли- тературы, вып. 4, Л., 1963.
Пахалина, 1959	- Т.Н.Пахалина. Ингалимский язык, М., 1959.	Розенфельд, 1971	- А.З.Розенфельд. Бадахшанские говоры таджикского языка, М., 1971.
Пахалина, 1966	- Т.Н.Пахалина. Сарыкольский язык. М., 1966.	Сиёев, 1972	- Бегмурод Сиёев. Таърихи ҷонишиҳои за- бони тоҷикий, Душанбе, 1972.
Пахалина, 1969	- Т.Н.Пахалина. Памирские языки, М., 1969.	Смирнова, 1974	- И.А.Смирнова. Формы числа имени в иранских языках, Л., 1974.
Пахалина, 1971	- Т.Н.Пахалина. Сарыкольско-русский словарь, М., 1971.	Соколов, 1961	- С.Н.Соколов. Ӯвестийский язык, М., 1961.
Пахалина, 1975	- Т.Н.Пахалина. Ваханский язык, М., 1975.	Соколова, 1953	- В.С.Соколова. очерки по фонетике иран- ских языков, Н, М.-Д., 1953.
Пизани, 1956	- В.Пизани. Этимология, М., 1956.		
Пирейко, 1975	- Й.А.Пирейко. Категория залога, - В кн. Опыт историко-типологического иссле- дования иранских языков, т. II, М., 1975.		

- Соколова, 1959 - В.С.Соколова. Руманские и хуфские тексты и словарь. М.-Л., 1959.
- Соколова, 1960 - В.С.Соколова. Бартангские тексты и словарь. М.-Л., 1960.
- Соколова, Грюнберг, 1962 - В.С.Соколова, А.Л.Грюнберг. История изучения бесписьменных иранских языков. - Очерки по истории изучения иранских языков. М., 1962.
- Соколова, 1963 - В.С.Соколова. К уточнению классификации шугнано-руманской группы памирских языков. - Иранский сборник. М., 1963.
- Соколова, 1966 - В.С.Соколова. Шугнано-руманская языковая группа. - Языки народов СССР, т. I, Индоевропейские языки. М., 1966.
- Соколова, 1967 - В.С.Соколова. Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы. Л., 1967.
- Соколова, 1973 - В.С.Соколова. Генетические отношения мунджаинского языка и шугнано-язгулямской группы. Л., 1973.
- Туманович, 1908 - О.Б.Туманович. Краткая грамматика шугнанского наречия. Ташкент, 1908.
- Туманин, 1954 - Э.Г.Туманин. Об указательных местоимениях в армянском языке. - "Труды Ин-та языкоznания АН СССР", т. III, 1954.
- Успенская, 1956 - Л.В.Успенская. Карагатский говор таджикского языка. Сталинабад, 1956.
- Фазылов, 1958 - М.Ф.Фазылов. Изобразительные слова в таджикском языке. Сталинабад, 1958.
- Файзов, 1966 - М.Файзов. Язык рушанцев Советского Памира. Душанбе, 1966.
- Фрейман, 1951 - А.А.Фрейман. Хорезмийский язык. М.-Л., 1951.
- Хетагуров, 1939 - Л.А.Хетагуров. Категория рода в иранских языках. - "Уч.записки ЛГУ", Л., 1939. Сер. филол. наук, I, вып.20.

- Хуженова, 1975 - С.В.Хуженова. Проблемы изучения памирской фразеологии (из наблюдений над шугнанским языком). - Памироведение (вопросы филологии), Душанбе, 1975.
- Шакармамадов, 1975 - Н.Шакармамадов. Назми халқиїи Бадахшон. Душанбе, 1975.
- Шанбезода, 1958 - Н.Шанбезода. Шоири халқиїи Кӯҳистон - Кудратуллобек ва осори ў. - "Шарқи сурх", № 12, Душанбе, 1958.
- Шельд, 1928 - Х.Шельд. К латинизации шугнанского алфавита. - "Известия общества для изучения Таджикистана", т. I, Ташкент, 1928.
- Шельд, 1936 - H. Sköld. Materialien zu den iranischen Pamirsprachen, Lund, 1936.
- Шоу, 1877 - R. Shaw. On the Shighni (Ghalchah) Dialect. - "Journal of the Asiatic society of Bengal", vol. 46, 1877.
- Эдельман, 1963а - Д.И.Эдельман. О единой научной транскрипции для иранских языков. М.-Л., 1963.
- Эдельман, 1963б - Д.И.Эдельман. Проблема церебральных восточно-иранских языках. - ВЯ, 1963, № 5.
- Эдельман, 1964 - Д.И.Эдельман. Современное состояние изучения памирских языков. - ВЯ, М., 1964, № 1.
- Эдельман, 1966 - Д.И.Эдельман. Язгулямский язык. М., 1966.
- Эдельман, 1971 - Д.И.Эдельман. Язгулямско-русский словарь. М., 1971.
- Эдельман, 1973 - Д.И.Эдельман. Относительная хронология некоторых фонетических и морфологических явлений в северопамирских языках. - Лингвогеография, диалектология и история языка, Кипинев, 1973.
- Эдельман, 1975 - Д.И.Эдельман. Категория времени и вида. - В кн. "Опыт историко-типологического исследования иранских языков". т. II, М., 1975.

- Эдельман, 1976а - Д.И.Эдельман. К истории язгулямских и шугнано-рушанских указательных местоимений. - Иранское языкознание. История, этимология, типология (к 75-летию проф. В.И.Абаева), М., 1976.
- Эдельман, 1976б - Д.И.Эдельман [обзор работ по памироведению в журнале] - НАА, 1976, № 5.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ СОКРАЩЕНИЯ

- ВЯ - "Вопросы языкознания", М.
- ГОМШ - В.С.Соколова. Генетические отношения мундханского языка и шугнано-язгулямской языковой группы. Л., 1973.
- ГОЯШ - В.С.Соколова. Генетические отношения язгулямского языка и шугнанской языковой группы, М., 1967.
- КСИНА - "Краткие сообщения Института народов Азии", М.
- НАА - "Народы Азии и Африки", М.
- ОИТИИЯ - "Опыт историко-типологического исследования иранских языков," тт. I, II, М., 1975.
- ПЯР - "Памирские языки и фольклор", I, Душанбе 1972.
- ШТС - И.И.Зарубин. Шугнанские тексты и словарь, М.-Л., 1960.
- EVSh - G.Morgensiterne. Etymological Vocabulary of the Shughni Group, Wiesbaden, 1974.
- IIFL - G.Morgenstierne. Indo-Iranian Frontier Languages, vol. II, Oslo, 1938.
- NTS - "Norsk Tidsskrift for Sprogvidenskap". Oslo.

ЯЗЫКИ И ДИАЛЕКТЫ

ав.	- авестийский
араб.	- арабский
афр.	- афганский (пашто)
б.	- бартангский
бдх.	- баджувский
брв.	- барвазский
б.-ршв.	- бартанго-рошорвский, бартангский и рошорвский (орошорвский)
вах.	- ваханский
др.-инд.	- древнеиндийский
др.-ир.	- древнеиранский
др.-перс.	- древнеперсидский
и.-е.	- индоевропейский
исп.	- испанский
ит.	- итальянский
ишк.	- ишкамский
йид.	- йидга
лат.	- латинский
мндх.	- мундханский
осет.	- осетинский
перс.	- персидский
р.	- рушанский
русск.	- русский
руш.	- рушанский
р.-х.	- рушано-хуфский, рушанский и хуфский
ршв.	- рошорвский (орошорвский)
сак.	- сакский (лотанский)
сарык.	- сарыкольский
согд.	- согдийский
срз.	- сарезский
ср.-п.	- среднеперсидский
тадж.	- таджикский
торк.	- торкский
фр.	- французский
х.	- хуфский

- хот. - хотинский (хотинско-сакский)
- ш. - шугнанский
- ш.-бдж. - шугнанско-баджувский
- ш.-р.(гр.) - шугнанско-рушанская группа (за исключением сарыкольского)
- шугн. - шугнанский
- шх. - шахдаринский
- ягн. - ягнобский
- язт. - язгулямский

Прочие сокращения

- ближн. - ближняя (степень удаления)
- букв. - буквально, дословно
- вр. - время
- гл. - глагол
- дальн. - дальняя (степень удаления)
- диал. - диалектный, диалектное
- ед.(ч.) - единственное (число)
- ж.р., жен. - женский род
- звукоподр. - звукоподражательное
- инф. - инфинитив
- кауз. - каузатив
- косв. - косвенный (падеж), косвенная (форма)
- л. - лицо
- мн.(ч.) - множественное (число)
- м.р., муж. - мужской род
- наст. - настоящее (время)
- перен. - переносное значение
- перф. - перфект
- прич. - причастие
- прош. - прошедшее (время)
- средн. - средняя (степень удаления)
- ст. - степень удаления
- указат. - указательное (местоимение)

ч.

306

Содержание

Введение (§§ I-9)	3
морфологическое выражение категории рода (§§ 10-13)	27
Родовая перегласовка в именах существительных и прилагательных (§§ I3-35)	30
Выражение категории рода в глаголе (§§ 36-II2)	56
Родовая перегласовка в основе прошедшего времени (§§ 4I-74)	62
Выражение категории рода в основе перфекта (§§ 75-9I)	II4
Родовые формы перфекта при образовании пассивной конструкции (§§ 92-96)	142
Взаимоотношение категории рода с категорией переходности/неперходности (§§ 97-II2)	147
Переходные и непереходные глаголы с нерасчлененными основами прошедшего времени (§§ 100-II2)	150
Выражение категории рода в звукоподражательных словах (§§ II3-I3I)	I66
Особенности выражения рода в звукоподражательных глаголах (§§ II9-I3I)	I74
Выводы о родовой перегласовке в именах, глагольных основах и звукоподражательных словах (§ I32)	I86
Выражение категории рода в указательных местоимениях (§§ I33-I38)	I90
Выражение рода в указательной частице и вопросительном наречии (§§ I39-I40)	200
Выражение рода имен при суффиксации и словосложении (§I4I)	202
Выражение рода с помощью первичных суффиксов (§§ I42-I66)	206

Выражение рода причастными суффиксами и отглагольными формантами (§§ 167-190)	238
Отыменные изменяющиеся по роду форманты (§§ 191-214)	264
Выражение рода в сложных именах (§§ 215-230) . .	284
 Литература	296
Библиографические сокращения	304
Языки и диалекты	305
Прочие сокращения	306

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Академии наук Таджикской ССР

Додхудо КАРАМШОЕВ

КАТЕГОРИЯ РОДА В ПАМИРСКИХ ЯЗЫКАХ
(шугнано-рушанская группа)

Ответственные редакторы —
В. А. ЛИВШИЦ,
И. М. СТЕБЛИН-КАМЕНСКИЙ

Редактор издательства Л. И. Крелинг
Технический редактор В. Н. Щемелинина
Художественный редактор Р. Абдуразаков

КЛ 05225. Подписано в печать 13/XII-1977 г. Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Печ. л. 19,375 (18,0). Уч.-изд. л. 16,65. Тираж № 60 Заказ 43.
Цена 2 р. 50 коп.

Издательство «Дониш», Душанбе, 29, ул. Ани, 121, корп. 2
Типография издательства «Дониш», Душанбе, 29, ул. Ани, 121, корп. 2